

Полина Охалова

Убийства на водах

Полина Охалова

Убийства на водах

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70457584

SelfPub; 2024

Аннотация

Лето 1837 года. В Пятигорске на водах как всегда многолюдно. Среди приезжих – семья Фадеевых с дочерьми (одна из которых писательница Елена Ган) и с внучками Лелей (будущая теософка Елена Блаватская) и Верой, литератор В. Белинский, княгиня и княжна Лиговские, раненые офицеры, московские франты, провинциальные помещики... Поручик Григорий Александрович Печорин приезжает на воды через два года после несостоявшейся дуэли с Грушницким, чтобы встретиться там со своей сестрой Варей. Он собирается пробыть в Пятигорске недолго, но на курорте одно за другим начинают происходить загадочные убийства. Когда опасность начинает грозить людям, которые Печорину дороги, он вместе со своим приятелем доктором Вернером начинает собственное расследование...

Содержание

Полина Охалова

Убийства на водах

Посвящается всем, кто прочел роман «Герой нашего времени»

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ТРАГИЧЕСКИЕ ПРОИСШЕСТВИЯ.

Глава первая. Возвращение в Пятигорск.

Доктор Вернер остановился перевести дыхание, проклиная старого приятеля, вновь, как и два года назад, нанявшего квартиру у черта на куличках, куда надо забираться добрые полчаса по пыльной тропе. Удовольствие не для хромоногого! Хотя вид отсюда и вправду открывается изумительный. Впрочем, тут на горячих ключах вряд ли кого удивишь живописными пейзажами!

Немного помедлив, Вернер вошел в палисадник и сквозь молодую листву черешен увидел сидящего на террасе человека, перед которым на низком столике стояла чашка с дымящимся кофе. Сидящий о чем-то глубоко задумался и не сразу заметил утреннего гостя, так что у доктора было время разглядеть, что Григорий Александрович за два года как-то заметно заматерел – в его облике уже не было той победи-

тельной легкости, которая привлекала не только юных красавиц, но и всех, кто встречался на его пути. Прежняя мальчишеская стройность сменилась мужской зрелой крепкостью, грозящей в будущем превратиться в грузность, а во взгляде читалась даже не печаль, а почти болезненная тоска. Профессиональный взгляд лекаря разглядел и некоторую желтизну кожи, и заметно обозначившиеся на лбу следы морщин, пересекавших одна другую.

Доктор переступил с ноги на ногу, ветка под его ногой хрустнула, Печорин поднял голову и узнал шагнувшего ему навстречу приятеля. Улыбка, в которой по-прежнему было что-то детское, совершенно преобразила его лицо. «Иван Иванович, дорогой, – как я рад Вас видеть, доктор Мефистофель! Вас ведь по-прежнему так называют? Имя Ваше так плохо вяжется с Вашей фамилией, я не уверен даже, что всем пациентам оно известно! Что Вы? Как Вы? Все еще гроза водяного общества? Лечите своими познаниями и калечите своими карикатурами?»

Увидев, как доктор тяжело опирается на трость, Печорин, встал и подвинул стул.

— Простите, забросал Вас с порога вопросами. Присаживайтесь, любезный доктор, я сейчас спрошу для Вас чашку кофе. Хотя, может, желаете чаю или не откажетесь позавтракать?

— Нет, нет, увольте, позавтракал уже и преплотно. А от кофе не откажусь, благодарю. Я все по-прежнему: прописы-

ваю ванны, собираю сплетни, раздаю советы, по большей части бесполезные. Уверен, что в Вашей жизни гораздо больше было интересного и необычного за те два года, что мы не виделись. Довелось, наверное, побывать в лихих экспедициях и смертельных стычках?

— Дорогой друг, романтизм военной службы сильно преувеличен – в ней много грязи, пота, крови и скучной рутины. Животным приходится быть чаще, чем героем. Научаешься и презирать людей, которые так охотно и просто уничтожают себе подобных, и уважать товарищей по несчастью. Кстати, я однажды при вылазке со своим отрядом охотников встретился мимолетно с Грушницким. Помните нашу с ним историю?

— Помилуйте, как не помнить. Все могло бы кончиться катастрофой, и для многих, до сих пор я с ужасом вспоминаю то утро.

— Да, по счастью, у него хватило мужества признаться в задуманной подлости перед самым началом поединка. И слава Богу. Я был искренне рад. Знаете, доктор, теперь, спустя время, я понимаю наверное, что был так беспощаден к нему, потому что видел в нем себя – как в кривом зеркале. Все, что я в себе самом не люблю, в нем преследовал и высмеивал. Нет, решительно хорошо, что все закончилось миром.

— А общество-то наше жило тогда ожиданием скандала и драматической развязки, но после того, как и Вы, и Грушницкий покинули Кисловодск, все успокоились довольно

быстро. Нашлись другие поводы для сплетен и пересуд. А что Грушницкий, как Вы его нашли при встрече?

— Да мы и виделись не больше десяти минут. Но вполне, знаете, дружески. Жаль он погиб в бою вскоре после нашей встречи.

— Погиб? Значит, все же судьба ему была умереть молодым. А Вы как в Пятигорске? В отпуску?

— Да, дали отпуск за мои, так сказать, военные подвиги.

— А, значит, были-таки подвиги!

— Доктор, дорогой, поверьте мне, все это интересно только в романах господина Марлинского. Расскажите лучше про здешние новости. Кто нынче здесь, каково общество, есть ли приятные лица? Я намеревался было прямо с линии ехать в Петербург, но получил письмо от сестры, что она с тетушкой собирается сюда, на воды, вот решил задержаться, показать Варе здешние красоты, а заодно и приобщится «к чающим движения воды», как помнится, Вы любили называть нас, болезных, но для Вашего-то докторского кармана весьма полезных.

— Новости наши стары и Вам знакомы, все тот же ежедневный обряд: из ванны на пикник или на бульвар. Впрочем, нет. Есть две новости, которые Вас наверняка заинтересуют. Во-первых, здесь Ваши старые знакомые – княгиня Лиговская с дочерью.

— Княжна Мери здесь! Снова нас сводит насмешница-судьба!

— Здесь, но Вы ее не узнаете. Во-первых, она уже не Мери: требует, чтоб ее величали не иначе как Марьей Сергеев-ной. Во-вторых, она стала настолько свободной и своенрав-ной особой, что матушка ее теперь и уважать-то боится. К за-нятиям алгеброй добавилась чуть ли не анатомия, часами си-дит за книгами, читает дерзкие французские романы и пре-скучные русские журналы, замуж решительно не собирается и даже, как вчера мне со слезами призналась княгиня, – по-куривает пахитоски. Светла тут дружбу с капитаншей Ган – та мечтает сделаться русским Жорж Сандом и даже, кажется, уже опубликовала какую-то повестушку в журнале Сен-ковского.

— И что, тоже клеймит узы брака?

— Не знаю, опусов ее не читал, но сама писательница за-мужем, две дочери при ней, да был еще сын, но тот недол-го прожил. Все эти подробности мне маменька ее рассказа-ла, приятнейшая и весьма образованная особа. Здоровье ее расстроено, но все же не так, как у дочери – та довольно слаба. Надеюсь, Кавказ ей пойдет на пользу. Но что за мода у нынешних молодых женщин – читать и писать романы! И это вместо того, чтобы их заводить. Доктор явно собирался развить тему – как всякий холостяк он любил поговорить о женщинах и их предназначении, но Печорин перебил его во-просом

— А вторая новость?

— Ах да, эта новость, наверное, даже первого номера за-

служивает. Третьего дня у казачьей слободы нашли мертвое тело кирасира Мстиславова. Молодежь ездила на прогулку по берегу Подкумка, кирасир был в их компании. А чуть позже обнаружилось, что еще одна девица, дочь воронежского помещика Корнеева с той прогулки не вернулась. Матушка подняла шум, и откомандированные для поиска казаки нашли бездыханное тело девицы в лесу, недалеко от того места, где бедного кирасира обнаружили. Оба зарезаны ножом. Очевидно, что это черкесы шалят. Комендант велел усилить дозоры. Сегодня все наше водяное общество соберется в Ресторации. Комендантша и другие наши «хозяйки вод» объявили сбор по подписке в пользу скорбящих родителей. У них кроме покойницы еще целый выводок детей. Старшая – близнец погибшей, да еще малышни человек пять, кажется.

— Вы пойдете туда, доктор?

— Разумеется, счел своим долгом отдать дань памяти бедной девушки. Наверное, дикари охотились за кирасиром, а девица случайно рядом оказалась и попала под нож злодеев.

— Не будете возражать, если я присоединюсь к Вам? Не откажитесь меня отрекомендовать?

— К Вашим услугам. Заходите ко мне часов в пять пополудни. Я квартирую все там же, надеюсь, не забыли.

— Конечно, помню. До встречи, дорогой доктор, рад был Вас снова увидеть!

Доктор спустился в палисадник, но вдруг остановился и повернулся к Печорину.

— Я ведь забыл Вам сказать еще об одном, — княгиня Вера Галахова тоже здесь, в Пятигорске. Сын ее умер прошлым годом от скарлатины. Она совсем плоха, последняя стадия чахотки, муж привез ее неделю назад и уехал. Уверял меня, что неотложные государственные дела требуют его присутствия, а я так думаю, что не хочет видеть ее предсмертные мучения. А она, бедняжка, уверила себя, что ванны и горный воздух ее воскресят.

Печорин молча стоял на террасе. Доктор приподнял шляпу и удалился, тяжело опираясь на трость.

Глава вторая. В Ресторации.

В седьмом часу, когда с гор уже потянуло вечерней прохладой, Печорин и Вернер направились по широкой и пыльной улице от дома доктора к шестиколонному зданию Ресторации, которое возвышалось великаном среди низкорослых домов обывателей. Липы знаменитого бульвара не слишком подросли за минувшие два года, а на скамьях по-прежнему сидели молодые франты, подагрические старики и гувернантки, присматривающие за играющими тут же детьми. Но горы, обступавшие городок со всех сторон, создавали величественную декорацию для этих скучных и однообразных сцен из провинциальной жизни.

Поднявшись по широкой лестнице, спутники вошли в зал ресторации. Сухоньякая женщина в черной кружевной накол-

ке стояла в правом углу, принимая соболезнования. Видно было, что она держится из последних сил и, казалось, вот-вот покачается и упадет на руки стоявшего справа низкорослого пожилого господина с красной лысиной, обрамленной остатками редких волос – вероятно, скорбящего отца погибшей девицы. А слева стояла симпатичная юная блондинка с серо-голубыми глазами, из которых немолчно текли слезы, и она время от времени утирала их кружевным платочком.

Усевшись за стол в буфетной и спросив бокал шампанского, Печорин оглядел зал. Некоторые физиономии показались ему смутно знакомыми. В господине, который кивнул ему, чуть привстав со стула, он узнал московского франта Раевича, приезжавшего на горячие ключи каждый год – и кажется не для того, чтобы поправлять здоровье в ваннах, а для того, чтоб терять его за картами и вином. Печорин равнодушно скользил взглядом по сборищу знакомых типов: плохо одетые степные помещики с тяжеловесными женами и смущающимися дочерьми, шумная армейская молодежь, желчные старики – ветераны вод, петербургские денди, пытающиеся запахом парижских духов перебить здешний сернистый аромат.

«Скорей бы уж Варя¹ приехала. Провести с ней недельку и

---

¹ Некоторые герои этого произведения (сестра Печорина Варя, господин Горшенков, Елизавета Негурова, Станислав Красинский с матушкой, артиллерийский капитан Браницкий), как и некоторые описания их внешности и некоторые эпизоды их жизни заимствованы из неоконченного романа М. Лермонтова «Княгиня Лиговская».

уехать из этого горячечислого киселя», – подумал Печорин, едва сдерживая зевоту. Но вдруг одно лицо из вереницы типических физиономий показалось Печорину странно знакомым. Господин, который задержал на себе взгляд Григория Александровича, был высок и очень худ. На лице, усеянном оспинами, выделялись густые черные брови над маленькими серыми глазками, смотревшими, впрочем, умно и дерзко. Рот его был как будто лишен губ и напоминал прорезь в картонной маске, а борода узкой полоской обрамляла впалые щеки и угловатый подбородок. Печорин уже догадался, кого он неожиданно для себя увидел в зале пятигорской ресторации, но все же спросил у Вернера.

— Доктор, вон тот господин с бородой *a la St.-Simonienne*, не из Ваших ли пациентов?

— О, это господин Горшенко, или как он сам себя называет, Горшенков, из столицы. Говорят, весьма богат и влиятелен.

— Богат? Когда я знавал его в Петербурге, он был со всеми знаком, служил по каким-то поручениям, вечно жаловался на крайнюю занятость, хотя, кажется, был существом вполне бесполезным. Но больших денег у него отродясь не водилось, вечно волочился за богатыми невестами.

— И судя по всему, его матримониальные хлопоты увенчались успехом. Вон его супруга – та в бежевом, что разговаривает с комендантшей.

Переведя взгляд на даму в бежевом платье, Печорин ед-

ва мог скрыть свое изумление: он узнал в мадам Горшенковой mademoiselle Negouroff, даму, с которой он имел когда-то в Петербурге затейливую светскую интригу: сначала оказывал всевозможные знаки внимания отцветающей красавице, а потом демонстративно от нее отвернулся и таким образом добился своей изначальной цели: приобрел то, что называют светской известностью, то есть прослыл человеком опасно привлекательным и потому интересным. Чувства Лизаветы Николаевны – двадцатипятилетней кандидатки в старые девы, которая, чередуя страстное красноречие с жеманным кокетством, пыталась удержать возле себя любого кандидата в женихи, Жоржа Печорина в ту пору интересовали мало. А теперь он почувствовал нечто вроде стыда за свое тогдашнее поведение.

Лизавета Николаевна Негурова, ныне мадам Горшенкова, выглядела еще более худощавой и бледной, чем четыре года назад, но одета была к лицу. В черных густых волосах ее блестела драгоценная диадема, а сухую шею обрамляло массивное бриллиантовое кольцо.

— Доктор, а кого Вы пользуете – мужа или жену?

— Господин Горшенков наносит визиты регулярно, но они носят скорее ритуальный характер, а супруга его, я думаю, приехала сюда не зря, надеюсь, действие вод будет благотворно для ее слабого здоровья. Хотя визитов к врачам она отчего-то упорно избегает, но ее внешний вид сам за себя свидетельствует.

— Доктор, признайтесь, Вы же по-прежнему, собираете сплетни о Ваших пациентах? Что Вы знаете об этой чудесной паре, извольте поделиться со старым приятелем. Вы говорили о Лизавете Николаевне как о выгодной для Горшенкова партии, но откуда взялись у нее капиталы?

— Ну сначала-то особых капиталов и не было, мадамзель Негурова, вышла замуж за господина Горшенкова с отчаяния, — я думаю, схватилась за последний шанс. Она смутно намекала на какую-то скандальную историю, после которой ей уже трудно было надеяться хоть на сколько-нибудь приличную партию (В этот момент Печорин опять почувствовал укол совести!) Вот на безрыбье и пошла за малороссиянина. А через год Елизавета Николаевна вдруг сделалась весьма богата, а с ней и ее благоприобретенный супруг.

— Это каким же образом?

— Да самым драматичным. Ее родители поехали на свадьбу племянницы, дочери сестры Катерины Ивановны, как звали матушку Елизаветы Николаевны, если не ошибаюсь. Свадьба была на широкую ногу, в тамбовском имении матери невесты, вся родня там собралась. Сама Лизавета Николаевна не смогла поехать: была на сносях и носила дитя очень тяжело. Так вот в самом разгаре свадебного торжества случился пожар и в огне погибли и родители ее, и невеста с женихом, и тетушки с дядюшками. Мадам Горшенкова потеряла ребенка, долго была больна, а по выздоровлении обнаружила себя наследницей всех своих родных!

— А господин Горшенков не присутствовал на этой роковой свадьбе, оставался при жене?

— Нет, он в это время ездил куда-то, по казенным делам, кажется. Но всего в подробностях я не помню, да и не знаю — я все же врач, а не исповедник.

В зале Ресторации людей прибывало. Некоторые искренне сочувствовали несчастному семейству, другие пришли поглазеть — прежде всего на старшую дочь, которая по слухам, была, как две капли воды, похожа на убиенную. Наскучив смотреть на толпу соболезнующих, Печорин и доктор вышли из Ресторации на вечерний воздух. Но только они свернули на бульвар, как молодой женский голос окликнул доктора. Обернувшись, приятели увидели направлявшуюся в залу Ресторации компанию. Немного располневшая княгиня Лиговская в обществе немолодой супружеской пары уже вошла по ступенькам лестницы, за ними следовали три юные особы. Одна из девушек, остановившись у нижней ступеньки, приветливо махала доктору рукой.

— Княжна Мери, то есть, прошу прощения, — любезная Марья Сергеевна, добрый вечер! — сказал доктор, приподнимая шляпу. — А я нынче в приятной компании. Узнаете? — доктор указал на Печорина, выступившего из тени молодой липы.

— Очень рад Вас вновь видеть, княжна, — сказал последний, с неожиданным для самого себя смущением целуя протянутую руку.

— Я тоже рада, искренне рада встрече, — отвечала княжна Марья, взглянув на спутника доктора. Печорин вспомнил вдруг, как когда он нахваливал бедному Грушницкому бархатные глаза и длинные ресницы юной Мери. Ресницы остались такими же длинными, но взгляд — взгляд был совсем иным — не мягким и извиняющимся, а прямым, свободным. А в глубине прекрасных серых глаз скрывалась улыбка, едва ли не ироническая.

— А я полагал, что Вы сохранили обо мне недобрые воспоминания.

— О нет, напротив, встреча с Вами была для меня прекрасным и полезным опытом. Вы своим неожиданным поцелуем тогда у Провала разбудили меня, как принц спящую царевну. Я перестала грезить о небесной любви и прислушиваться к благоразумным советам маменьки и начала жить своим умом и по своему хотению. Так что я Вам очень благодарна за преподанный урок.

Печорин слушал речь Марии Сергеевны с изумлением. Неужели это та самая робкая девушка, которою он два года назад вертел, как заводной куклой, предугадывая наперед каждое ее душевное движение, как предугадывает опытный шахматист ответный шаг начинающего игрока. Это двадцатилетнее создание с гибкой талией, бархатными глазами, нежным ртом, из которого раздавались свободные и дерзкие речи, было в сто раз обворожительней и привлекательней той девочки, которую он сравнивал с цветком, предназначенным

для того, чтобы сорвать его и, насладившись девственным ароматом, бросить на дорогу. А этот расцветший цветок не только не бросишь, но исцарапаешься до крови, пытаясь сорвать.

— Григорий Александрович, я вижу в Ваших глазах загорелся прежний охотничий азарт, не так ли? Оставьте свои старые привычки, давайте будем добрыми друзьями, заходите завтра к нам, я Вас познакомлю с моей подругой Еленой. Она писательница. Зинаида Р—ва, может читали ее повесть в «Библиотеке для чтения»?

У Печорина на кончике языка уже вертелась острота о том, что женщина-писательница, на его вкус, престранное создание – нечто вроде змеи во фланелевом халате, но он прикусил язык и пообещал непременно, завтра же нанести визит.

Глава третья. Происшествие у источника.

На следующий день с утра княгиня Лиговская с дочерью отправились к Елизаветинскому источнику, где по обыкновению встретились с семейством Фадеевых². Супругам Фа-

---

² Семейство Фадеевых – Андрей Михайлович, Елена Павловна, их дочери – писательница Елена Ган, Екатерина (в будущем Екатерина Витте, мать министра финансов России С.Ю. Витте) и Надежда, их внуки – Елена Ган (Леля)—будущая знаменитая теософка Елена Петровна Блаватская и Вера (будущая писательница Вера Желиховская) – действительно провело лето 1837 года на водах в Пятигорске, где Е. Ган писала роман «Медальон». Некоторые факты и истории из жизни Фадеевых заимствованы из мемуаров Андрея Михайловича и воспоминаний о детстве Веры Желиховской.

деевым было под пятьдесят. Сухощавый Андрей Михайлович и высокая, полная Елена Павловна представляли собой образец супружеской любви и согласия. На воды они приехали с тремя дочерьми и двумя внучками, двухлетней Верочкой и семилетней Лелей, матерью которых была та самая писательница и капитанша Ган, что сделалась задушевной водяной подругой княжны Лиговской. Младшая дочь Фадеевых – Надя, была лишь на год старше своей племянницы, а девятнадцатилетняя Катя занималась Верочкой и Лелей, кажется, не с меньшей любовью и прилежанием, чем их родная мать – Елена Андреевна, сочинявшая новый роман, действие которого происходило в Пятигорске.

Старшее поколение ушло принимать ванны. Няня Орина на повозочке привезла к большому дому с длинной галереей Верочку. Старый солдат, завидев малышку издали, улыбнулся и, взяв под козырек, прокричал: «Здравия желаем кривоногой капитанше!».

«И вовсе она не кривоногая», – вступилась за сестру Елена, которую все называли Лелей. – У нее слабые ножки, но вовсе не кривые. Она будет каждый день купаться и обязательно побежит на своих ножках!» и Леля, отбежав в сторону, показала солдату-караульному язык.

— Ты что, разве можно?! – одернула ее восьмилетняя Надя.

— Ты, Надин, серьезная и скучная, как тетушка, – возразила ей Леля.

— Так я твоя тетушка и есть, — сказала Надя. Она была спокойной и рассудительной, в отличие от Елены, которая по виду и поведению казалась старше своего возраста, любила надерзить, придумать какую-нибудь шалость, и вечно с самым серьезным видом, сверкая огромными голубыми глазами чуть навывкате, рассказывала самые невероятные истории. Например, о том, что ей снятся вещие сны. Бабушка Елена Павловна, которую девочка называла «бабочкой», смеясь, говорила, что в семье растет еще одна сочинительница романов.

В галерее былолюдно, больные прогуливались, попивая воду целебного источника. Принявшие ванны или ожидавшие сеанса сидели на скамьях. Княжна и Елена Андреевна тоже присели на выкрашенную с зеленым цветом лавочку по соседству с той, на которой расположился довольно нескладный и худощавый молодой мужчина, читавший газету.

Екатерину, собиравшуюся к ним присоединиться, остановил проходивший мимо пожилой генерал. Взявши девушку за руку, он с некоторым пафосом произнес: «Я слышал вчера, барышня, ваш разговор с господином Вергопуло и так благодарен вам за все высказанное вами! В ваших словах было столько патриотизма и правды, что я готов на все для вас, — сделаю для вас все, что хотите, — взойду на колокольню Ивана Великого и спрыгну с нее; одним словом, вы можете потребовать от меня, чего вам угодно, я буду всегда весь к вашим услугам!» Генерал слегка поклонился и почти моло-

децки прищелкнул каблуками сапог. Катя засмушалась, сделала неловкий книксен и упорхнула к подругам.

— Катишь, это за что тебе такая честь? – спросила ее сестра.

– Да это так ничего, пустяки!

— Как пустяки, генерал ради тебя готов с колокольни прыгнуть! Что за разговор был, рассказывай, не томи.

— Да вчера тут в саду один господин, Вергопуло, грек, но вполне обруселый, чиновник из Петербурга, рассказывал, что его как-то на обеде спросили русский ли он? А он будто бы отвечал: «Нет! И если бы во мне было хоть что-нибудь русское, я бы пустил себе кровь, чтобы во мне не осталось ни одной капли русской крови!». Ну я ему ответила.

— Что, что ты ему ответила, Катишь? Что нашего генерала в такой восторг привело?

— Да ничего, так, пустяки!

— Нет скажи, скажи непременно!

— Ну я сказала: «Как жаль, что вы не сделали этого сейчас же, – при умопомешательстве кровопускание бывает очень полезно».

Княжна Мери и капитанша залились веселым смехом:

— Просто замечательно! Ай да, Катерина Андреевна, не полезла за словом в карман!

— Да ну вас, – совсем засмушалась Екатерина, заметив, что и мужчина, сидевший на соседней скамье, тоже посмотрел на нее с интересом поверх газетного листа.

Она повернула голову в другую сторону и вдруг вскочила со скамьи с криком: «Леля, что ты делаешь, куда ты?!»

Воспользовавшись тем, что внимание матери и тетушки было занято разговором, семилетняя Елена начала забираться в гору, не разбирая тропы, прямо сквозь кусты и деревья, густо покрывавшие склон.

— Елена, ты зачем туда полезла?! – вскричала и вскочившая со скамейки мать.

— Мне вон туда надо, – Леля показывала рукой на место выше по склону.

— Зачем тебе туда, что ты придумала, что за шалости дикие!

— Я для бабушки цветок там сорву, вон тот желтый, для ее гербария.

— Зачем туда-то лезть, вон такие же цветы тут внизу, у тропы. Вернись немедленно! – Елена Андреевна побежала было за дочерью, но сразу же запыхалась и закашлялась неудержимо.

— Стой, Лена, я сама, – сказала сестра и, подобрав платье, отцепляя поминутно подол от колючих веток, устремилась вверх за непослушной племянницей.

Леля тем временем докарабкалась до того места, на которое она показывала рукой и остановилась, как вкопанная.

Катерина, которая наконец настигла девочку, тоже вдруг замерла на месте. Княжна Мери и капитанша смотрели вверх с недоумением.

— Катя, Леля, что Вы там застряли, возвращайтесь скорей! — прокричала Елена Андреевна.

Но обе продолжали стоять неподвижно, уставившись в одну точку. Потом вдруг Катерина стала медленно и беззвучно оседать на землю, а Леля повернулась лицом к матери и прокричала: «Тут кто-то лежит, позовите кого-нибудь!» Мужчина, сидевший на лавке, бросил газету и пустился на помощь девочке, которая тянула за руку лежавшую на землю тетку. Цепляясь за кусты, он пытался влезть на склон, все время сползая назад и надрывно кашляя. Но тут на крик Лели, которому вторили мать и княжна, прибежали два караульных солдата, которые помогли спуститься вниз и девочке, и пришедшей в себя Екатерине, и застрявшему на склоне мужчине.

Глава четвертая. Происшествие в галерее.

Через полчаса Катерина сидела в тени на скамейке, над ней хлопотала княжна Мери, обтирая ее лицо мокрым шейным платком. Елена Андреевна прижимала к себе дочь, которая в отличие от взрослых совсем не казалась испуганной. Остриженный в скобку неудавшийся спаситель, продолжая кашлять, пытался отряхнуть грязь с панталон, но заметив, что к нему направляется женщина об руку с девочкой, смутился, пробормотал что-то невнятное и решительно ретировался.

На горе суетилась группа вызванных караульным солда-

том казаков, а по бульвару к галерее почти бежал комендант и с ним рядом семенил пожилой унтер-офицер из инвалидной команды. Солдат внутренней стражи, отдав честь начальству, доложил, что на склоне в густых зарослях найден труп. Девица лет двадцати, по видимости зарезана ножом, но тело все искорежено, будто ее долго били или по камням таскали.

Елена Андреевна попыталась закрыть дочери уши, но Леля отвела ее руки, сказав: «Мама, да я ведь ее уже видела.»

— Это я ее нашла, – сказала девочка, обратясь к коменданту.

— А что ты там делала, милая? – спросил тот, вытирая вспотевшую под фуражкой лысину.

— Я там цветок увидела редкий. У меня бабушка, Елена Павлова Фадеева, ученая, она собирает ботаническую коллекцию, гербарии делает, разные редкие цветы зарисовывает. Я полезла за цветком и увидела, что там эта дама лежит и что она неживая.

«Бедное дитя, такое потрясение!» – послышалось в толпе, в минуту собравшейся возле места происшествия.

— Ну что ж, согласно новому «Наказу чинам и служителям», надо будет мне провести расследование этого прискорбного происшествия, – со вздохом сказал комендант.

— Петр Семенович, – обратился он к инвалиду, – что там предписано в этого года Положении?

— Так вроде, как там... осмотр, опрос, допрос, собрать

эти, как их, —доказательства.

— Ну вот мы все и сделали и осмотр, и допрос, и доказательства. Что тут и расследовать — ясно, что черкесы шалят. Их недавно в стычке поприжали — достать до войска не могут, вот и вымещают злобу на том, кто под руку попал, а попала незадачливая девица.

«Лизонька! — раздался вдруг жуткий вопль. Толпа, столпившаяся у колодца, расступилась, и толстая женщина в чепце набекрень протиснулась к носилкам, на которых солдаты с трудом и предосторожностями снесли с горы тело. Лицо девицы, превратившееся, казалось, в один фиолетовый синяк, было полуприкрыто спутанными белокурыми волосами. Грязное платье кое-где было разорвано в клочья.

Толстая женщина вскрикнула еще раз, совсем уж не человеческим, а каким-то хрипло-птичьим криком и грузно опустилась на землю возле носилок.

Вечером в доме, занимаемой княгиней Лиговской с дочерью, собралось всегдашнее вечернее общество — все Фадеевы, пожилые и молодые, и две дамы, старые знакомицы княгини Ольги Николаевны. Обeim им было под пятьдесят, и они были неуловимо похожи: обе безуспешно пытались молодиться, обе нюхали тайком табак и обе более всего на свете любили собирать и переносить новости и сплетни. Княжна Мери с капитаншей Ган звали их между собой «Бобчинский и Добчинский», в честь героев прошлогодней комедии писателя Гоголя-Яновского.

Печорин, сдержавший данное накануне обещание нанести визит, был встречен весьма гостеприимно. Его старые прегрешения были давно забыты княгиней, впрочем, так и не узнавшей о том, насколько далеко зашел его флирт с княжной. Печорин был представлен Андрею Михайловичу и Елене Павловне Фадеевым и с интересом задержал взгляд на их дочери, Елене Андреевне. Претендентша на роль русского Жорж Санда оказалась совсем не фланелевой змеей, а вполне миловидной хрупкой женщиной с выразительными и задумчивыми карими глазами. Сестра ее Катя, такая же темноглазая, не была красавицей, но пленяла юной, девственной живостью.

Разговор, разумеется, вертелся возле сегодняшнего происшествия в галерее, которому молодежь была свидетелями. Бобчинский и Добчинский женского рода с жаром уверяли, что бедная вдова – майорша Песцова прямо у трупа единственной дочери Лизаветы тут же впала в каталепсию, – как утверждала одна, или была разбита параличом, – как свидетельствовала другая. А самое ужасное – та степень зверства, которая была явлена в этот раз черкесскими бандитами: прежде чем зарезать, бедную девицу мучили и побивали камнями. Это как-то уж слишком даже для дикарей!

В это время в комнату вошел доктор Вернер, извиняясь за опоздание: он должен провести время у постели несчастной Песцовой, а потом еще задержался, беседуя с военным медиком Мойером, осматривавшим тело ее убиенной дочери.

Все общество потребовало от Ивана Ивановича поделиться последними и самыми достоверными сведениями из первых рук. Доктор сообщил, что ни в католипсическое состояние, ни в паралич бедная майорша не впала, но ноги у нее отнялись и был сильный сердечный припадок, но, кажется, все обошлось. Что касается Лизаветы Песцовой то выяснилось, что она была убита несколькими ударами ножа, скорее всего кинжала, в шею, а страшные раны и синяки по всему телу получены ею уже после гибели.

— Но это еще ужаснее, – вскрикнула княгиня Лиговская, – бить и топтать только что скончавшуюся в муках девуцу, – для этого надо быть не просто дикарем, а безумным дикарем, чудовищем! И Ваша маленькая внучка нашла это истерзанное тело, бедное, бедное дитя! – обратилась княгиня Ольга Николаевна к сидящей рядом Фадеевой.

— Моя внучка, к счастью, обладает таким же самообладанием и смелостью, как ее бабушка, – возразил стоящий за креслом жены Андрей Михайлович.

«Бедное дитя» в это время сидело на лавке в саду, где на кучу теплого песка была посажена маленькая Верочка, и строило рожи, вызывая залихватый смех малышки.

— Леля, а скажи правду, – обратилась к ней сидящая рядом маленькая тетушка Надя, – зачем ты все же полезла на гору? Не за цветком ведь. Сестра Елена Андреевна верно сказала, таких желтых цветов вдоль тропы полным-полно.

— Правду?! – Леля уставилась на Надин своими огром-

ными голубыми глазами, излучавшими какой-то фосфорический блеск. – Это мне Индус приказал туда залезть. «Ты там найдешь что-то важное и страшное, ты должна это найти!» – так он велел.

— Какой еще Индус? – Надя с тревогой взглянула на племянницу со сверкающими глазами и ореолом светлых кудрей, которые светились в лучах закатного солнца нимбом, и почти задрожала от страха.

— Индус, который приходит ко мне во сне и рассказывает о будущем, – низким таинственным голосом ответила Леля.

Тут солнце скрылось за горой, нимб погас, няня Орина пришла за Верочкой и велела девочкам идти в дом.

В гостиной между тем разговор взрослых перешел на более мирные темы. Заговорили о литературе, о гибели нынешней зимой поэта Пушкина, и Елена Ган рассказала, что ей довелось незадолго до того видеть поэта на одной из выставок, которые она посещала в Петербурге, где тогда жила: «Я воображала его черным брюнетом, а его волосы не темнее моих, длинные, взъерошенные... он был бы некрасив, если бы не глаза. Глаза – блестят, как угли, и в непрерывном движении. Я, разумеется, забыла картины, чтоб смотреть на него. И он... несколько раз взглядывал на меня, улыбался. А наша маман, – вы не поверите – была одна из первых, кто угадал в Пушкине гения. Ведь ей папá привез в подарок «Кавказского пленника» и «Бахчисарайский фонтан», собственноручно переписанные поэтом.

— В самом деле? — княжна Мери с изумлением посмотрела на Елену Павловну.

— Да, это правда, — улыбнулся Андрей Михайлович. — Привез ей из Кишинева вместо гостинца. Я тогда ездил по службе в Бессарабию, и в доме генерала Инзова останавливался иногда в одной комнате со ссыльным молодым сочинителем. Моя Елена Павловна пришла от них в такое восхищение, что целую ночь читала и перечитывала их несколько раз, а на другой день объявила, что Пушкин несомненно «гениальный, великий поэт». Он тогда был еще в начале своего литературного поприща и не очень известен. Так что супруга моя едва ли не одна из первых признала в Пушкине гениальный талант и назвала его великим поэтом».

Разговор продолжался, перескакивая с одной темы на другую. Печорин с Фадеевым вышли на террасу, раскурить по трубке. «Эх, раз уж принялись вспоминать, еще расскажу про Пушкина, не при дамах, — сказал Андрей Михайлович. — Жить-то с ним в одной комнате для меня было крайне неудобно, потому что я приезжал по делам, имел занятия, вставал и ложился спать рано, а он по целым ночам не спал, писал, возился, декламировал и громко мне читал свои стихи. Летом, разоблачался совершенно и производил все свои ночные эволюции в комнате, во всей наготе своего натурального образа».

— А я все слышала! — раздался из темноты веселый голос княжны Мери, которая тоже вышла подышать вечерней про-

хладой. Андрей Михайлович смутился, притворно закашлялся и не найдя, что сказать, ушел в дом. Печорин и Марья Сергеевна еще с полчаса дружески болтали на террасе, их свободный и непринужденный разговор шел совершенно на равных и был занимателен для обоих.

Проводив доктора и возвращаясь к себе домой, Печорин думал, что, пожалуй, в первый раз он разговаривал с молодой и привлекательной женщиной без всякого желания соблазнить и покорить, без всяких приманок любовной игры и вздорных романтических уловок. Он с удивлением обнаружил, что это дружеское сообщение доставило ему, кажется большее удовольствие, чем привычный флирт, искусством которого он владел в совершенстве. «Бегут, меняясь, наши лета, меняя все, меняя нас», – вспомнил он строчки поэта, о котором так много говорили минувшим вечером.

Взойдя в дом, он нашел на столике в прихожей два письма. Одно было от сестры Вари, которая извещала, что прибудет в Пятигорск послезавтра. От кого была другая записка, Печорину не нужно было догадываться – тонкий аромат, исходивший от конверта, разбудил в нем множество воспоминаний: Вера со времен тех давних юных весенних прогулок в Марьиной роще не изменяла выбору духов. «Потому, наверное, – подумал Печорин, – что я, уезжая из тетушкиной Подмоскховной, заверил ее, что запах этих духов на всю жизнь в моей памяти будет связан с ней и нашей любовью». Не трудно было догадаться и о содержании записки – Вера

укоряла, что, приехав в Пятигорск третьего дня, он все еще не нанес ей визита. Писала, что здесь она одна, что ждет его с неизменной любовью и надеждой.

Придется навестить ее завтра же. Любовь и страсть давно уже угасли в душе Григория Александровича, но с этой женщиной в его жизни было связано столько сладких, сильных, тревожных воспоминаний, что он чувствовал себя в бесконечном долгу перед нею, тем более что доктор намекал что дни ее сочтены.

«Да, я должен увидеть ее как можно скорее», – решил Печорин.

Глава пятая. Встречи и разговоры.

Утром следующего дня Печорин проснулся рано и, выйдя в сад, в который раз залюбовался открывшимся видом: горы были прекрасны и величавы, как вечность, и дела им не было до смертных человечков, копошащихся у их подножия. Начав размышлять о недолговечности жизни, Печорин вспомнил о погибшей в цвете юных лет девице Песцовой и решил спуститься в город тропой, выходящей к галерее, где было найдено ее тело. В одном месте на тропе деревья как будто расступались. и самой природой была создана небольшая площадка, с которой открывался прекрасный вид на лежащий внизу городок. Затем тропа резко поворачивала влево и ступенчато вела к Елизаветинской галерее. Печорин остановился на площадке полюбоваться видом и пере-

дохнуть, но насладиться тишиной и покоем ему помешало противное жужжание: огромная стая мух роилась слева от тропы, где было что-то вроде маленькой ложбинки. Оттуда доносился отдающий ржавчиной запах, который показался знакомым Печорину, переживавшему на своем военном веку немало истекающих кровью солдат. Сразу за овражом открывался каменистый пригорок, а потом опять начинался мелкий кустарник. Присмотревшись, Печорин заметил, что кусты пониже помяты, и на ветках некоторых из них болтаются клочки ткани. Отломав от дерева сухую, но толстую ветку и используя ее вместо трости, Печорин осторожно двинулся влево и очень скоро понял, что девицу Песцову зарезали вчера здесь на площадке или вернее рядом с ней у ложбинки, куда и стекла, вероятно, кровь из раны. А потом тело ее со всей силы толкнули вниз, так что оно прокатилось по камням, поломало несколько кустов и остановилось, натолкнувшись на крепкий большой куст или дерево, в том месте, где и нашли его вчера Леля с Катериной.

Печорин, отложив визит к княгине Вере, направился сначала в комендатуру и рассказал о своих открытиях коменданту. Вошедшая во время их разговора комендантша в ужасе округлила глаза: «

—Как! Черкесские разбойники бесчинствуют уже почти в центре города! Иван Мироныч, прикажи везде поставить караулы, на каждой тропе, у каждого фонаря!

— Да откуда ж я тебе столько караульных-то сыщу, — воз-

разил супруге не на шутку расстроившийся комендант. – А ты, Домна Сергеевна, попридержи язык, не рассказывай об этой новости направо и налево, и так уже некоторые семейства срочно покидают горячие воды. Вы со своими кумушками горазды сеять панику, а мне потом как унимать?!

Шагая по бульвару к дому, где жила Вера Галахова, Печорин заметил идущую навстречу пару и понял, что на этот раз ему не удастся избежать встречи с господином и госпожой Горшенко. Возможно, что сам Горшенков его с трудом и припомнит, так как знакомство их было поверхностным – виделись несколько раз в Петербургских гостиных на балах да обедах, но бывшая мадмуазель Негурова наверняка хранит о нем пренепрятные воспоминания. Но на нешироком пятигорском бульваре разойтись или затеряться в толпе было невозможно, потому Печорин подошел, поздоровался, обменялся с Семеном Сергеевичем парой ничего не значащих фраз, после которых Горшенков, приподняв шляпу сказал, что, к сожалению, должен откланяться и удалиться по некоторым неотложным делам и очень рад, что может оставить жену в приятной компании ее давнего знакомого.

Некоторое время Печорин и Елизавета Николаевна шли молча рядом. Печорин успел заметить, что выглядит госпожа Горшенко неважно – ее худощавость превратилась почти в костлявость, из-под шляпки торчал заострившийся тонкий нос и только глаза были по-прежнему недурны, хоть и печальны.

— Рад Вас снова видеть, Елизавета Николаевна, — нарушил молчание Печорин. — И рад, что Вы добились всего, о чем мечтали в пору нашего знакомства. Вы богаты и, надеюсь, счастливы в браке.

— Да, богата, но Вы, наверное, слышали, какой ценой досталось мне богатство мое.

— Да, слышал. Примите мое глубочайшее сочувствие в связи с потерей Ваших родителей.

— Знаете, Жорж, — сказала Елизавета Николаевна каким-то бесцветным голосом, совсем не похожим на ее прежний — кокетливый и немного визгливый — я до сих пор иногда содрогаюсь, как подумаю об их мученической кончине. И вся моя жизнь — чередой потерь.

— Но все же, я надеюсь, есть и приобретения. Я слышал, что Ваш супруг вполне успешен на карьерном поприще.

— А Вы здесь в отпуску? — Елизавета Николаевна не поддержала разговор об успехах мужа, и беседа потекла по привычному руслу пустой светской болтовни: поговорили о погоде, о пользе вод, вспомнили нескольких общих знакомых. Госпожа Горшенкова поинтересовалась судьбой Вареньки и, казалось, искренне обрадовалась, узнав, что Печорин собирается завтра встретить сестру в Пятигорске, и выразила надежду видеть ее у себя. Горшенковы занимали один из лучших домов Пятигорска. Заверив, что они с сестрой непременно найдут время для визита, Печорин откланялся и направился, наконец, к дому Веры Галаховой. По дороге он

припоминал, что слышал о нынешнем муже Елизаветы от ресторанных и бульварных собеседников. Поговаривали, что поднялся тот довольно высоко: при министерстве то ли внутренних дел, то ли юстиции состоит кем-то вроде исполнителя особых поручений. Толком никто ничего не знал, но все сходились в том, что Горшенков – человек влиятельный и со связями, и знакомство с ним может быть полезно во многих отношениях. Словом, заключил Печорин: «хоть человек он неизвестный, но уж конечно малый честный».

Вера сидела в креслах на террасе, накинув на плечи ту-рецкую кашемировую шаль, несмотря на то что день разгорался теплый, даже жаркий. Печорин содрогнулся от произошедшей с ней перемены: щеки ее впали, нос заострился, белокурые волосы, когда-то пышные и блестящие, выцвели и потускнели. На щеках ее горел лихорадочный румянец, а руки, которые она протянула ему навстречу, были холодны, как лед. Огромные серые глаза удивительного пепельного оттенка, смотрели на гостя с нежностью и мольбой. Печорин опустил на колено перед креслом и поцеловал поочередно руки княгини, на одну из которых был надет гранатовый браслет с медальоном. «Я так ждала тебя, Жорж! – прошептала Вера. – Я вчера была у нашего грота и вспоминала наши свидания в грозу, твои объятия и поцелуи. Теперь нам не надо прятаться в гроте, теперь никто нам не будет мешать. Муж мой в отъезде, да что мне муж, – презрительно скривила она губы. – Я жила с ним для сына, но мой бед-

ный Николенька скончался прошлой весной, так что теперь мне нет дела до мужа. Любившая тебя не может смотреть без некоторого презрения на прочих мужчин. Нет, не то я сказала – не любившая, а любящая тебя, – только тебя и всегда тебя», – казалось, что Вера задыхается от переполняющего ее чувства. Печорин был не готов к таким стремительным и страстным признаниям, он присел на край стоящего рядом кресла и взял Веру за руку, еще раз подивившись хрупкости и невесомости ее кисти. «Знаешь ли ты, – продолжала княгиня, – что тетушка в завещании отказала мне свою Подмосковную – место, где началась наша любовь, где мы были так счастливы, пока ты не определился в полк. Помнишь, как ты заехал к нам в деревню перед вступлением полка в польскую кампанию, и я с поклялась тебе, что никогда не буду принадлежать другому, а ты обещал вернуться ко мне. Мы оба не сдержали своих обетов, но теперь, теперь мы можем вернуться в нашу Подмосковную и начать все сначала. Я чувствую, как горный воздух и горячие источники возвращают мне силы, я скоро буду совсем здорова!» Вера начала подниматься с кресел и пошатнулась. Печорин вскочил со своего места и заключил ее в объятия, с ужасом ощущая под своими руками каждую косточку ее птичьего тельца. Между тем Вера, как многие чахоточные больные, испытывала эйфорический угар: она прильнула к губам Печорина со всей силой болезненного желания.

Стук открываемой калитки и шаги в палисаднике спас-

ли Григория Александровича от продолжения этой тягостной для него сцены. Держа в объятьях исхудавшее тело своей прежней возлюбленной, он испытывал только бесконечную жалость, отчасти нежность, но никак не желание, и не знал, как выйти из положения, не нанеся обиды. Поздоровавшись с взошедшим на террасу доктором Вернером, Печорин поспешил откланяться, не желая мешать визиту врача. В ответ на умоляющий взгляд Веры он пообещал в ближайшее время снова нанести визит и сопроводить ее на прогулку к колодцу или гроту.

Печорин поймал себя на том, что удаляется от дома княгини почти бегом, как нашкодивший мальчишка или незадачливый любовник, застигнутый мужем врасплох. И дело было не в болезни Веры, не только в болезни. Он, который еще недавно не упускал возможности любой ценой одержать любовную победу, он, который смеялся над любым проявлением сентиментальности не только в мужчине, но даже и в женщине, он задыхался сейчас от нежности, вины и бессилия. Много бы он отдал, чтоб сделать эту женщину счастливой, но не в его силах было вернуть ей молодость, здоровье и надежду.

Из открытых окон Ресторации раздавались громкие мужские голоса. Печорин вошел в буфетную и увидел большую компанию офицеров. Легкораненые и выздоравливающие пили за упокой души своего товарища, кирасира Мстиславова и обсуждали события последних дней. Поручик с ру-

кой на перевязи с жаром отстаивал версию, что в окрестностях Пятигорска промышляет разбойничья шайка. В доказательство он приводил рассказ, что неделю назад на Георгиевском тракте подверглась нападению татары, возвращавшиеся на кочевку с базара, куда водили продавать скот. Их ограбили, отобрали лошадей, деньги, одного татарина застрелили, а двое других успели убежать.

— Ну нет, это шайка грабителей, она нападают там, где можно найти поживу, а что было взять с нашего кирасира или несчастных девиц? – возразил ему высокий корнет. Тут другое, тут наверняка абреки или хеджреты балуют, у них и кинжалы всегда наилучшие и рыщут они по горам в одиночку, как волки.

— Ну а зачем этим абрекам девиц-то резать? – возразил поручик.

— Так может, это они из мести, – вступил в разговор уса-тый штабс-капитан. У нас в крепостях офицеры балуют иногда: сговорят какого-нибудь юнца из мирного аула и тот за деньги или за оружие хорошее притащит свою соседку офицеру в наложницы. Тот ею наиграется да бросит, а горянка тихо и зачахнет. Ну вот какой-нибудь родственник такой бедняжки и пустился мстить – в ответ за гибель своей девицы наших девиц резать. Ну или есть такие, которым надо хоть одного гяура убить, чтобы отомстить за смерть дорогого ему человека и тем очистить свою совесть перед умершим. Кровь за кровь. Несколько лет назад возле поста Осторож-

ный что было: казачьи семьи, возвращались с ярмарки, заночевали в степи под охраной кордона и вдруг ранней ночью раздался ружейный выстрел. Это черкес так в своих мягких чувяках подкрался, что ни малейший шелест злодея не выдал. И пуля его, пущенная на ветер, попала в обоз и ранила ребенка, убаюканного на коленях матери.

— А вот еще было странное происшествие лет десять тому, у Бекешевской станицы, – вступил в разговор сидевший тут же инвалид из комендантской команды. – На поезд генеральши Корсаковой, которая в своем дормезе сюда, к Пятигорским минеральным водам, направлялась, сделано было нападение. Повар и камердинер генеральши, ехавшие впереди в особом экипаже, были убиты; кучер, лошади и дорожные сундуки – все исчезло бесследно. А генеральшу конвоировала целая сотня казаков, но замечательно, что ни в этой сотне, скакавшей за дормезом, ни на соседних постах – нигде не слышали выстрелов; пикеты спокойно оставались на местах, точно на большой дороге и не происходило ничего особенного. Даже о самом происшествии узнали только тогда, когда передние казаки наткнулись на два трупа, брошенные поперек дороги. Тотчас дали знать в Бекешевскую станицу; оттуда выехала новая сотня, но и она никого и ничего не открыла.

Видно было, что инвалид рассказывает эту историю далеко не первый раз и каждый раз наслаждается предсказуемо недоуменной реакцией слушателей.

— Господа, – выступил вперед черноглазый кавалеристский ротмистр с шапкой живописных кудрей на голове, – я предлагаю образовать из тех наших, кто на ногах и способен ездить верхом, отряд охотников в помощь казакам-караульным и, во-первых, ездить дозором в поисках разбойника или разбойников, а, во-вторых, сопровождать штатских и девиц, отправляющихся на прогулки по окрестностям.

— Да кто ж сейчас по окрестностям будет прогуливаться? Сейчас одно семейство за другим из города прочь съезжает, – засомневался штабс-капитан.

— Ну уедут только самые пугливые, а остальные, если тревога уляжется, снова примутся за пикники.

Офицеры начали обсуждать, как лучше устроить дело. Печорин просил его тоже иметь в виду, но только не завтра, так как он ожидает приезда сестры и должен посвятить предстоящий день ее встрече и обустройству.

Глава шестая. Варенька.

Печорин еще накануне подыскал для сестры удобную квартиру. Варвара Печорина была девицей уже не юной – ей шел двадцать второй год. После смерти матери она жила с дальней родственницей – троюродной теткой по отцу, по мнению Печорина, скучнейшей особю. Но Варенька в отношении к людям была полной противоположностью брату: она всех пыталась любить и понимать, в каждом, даже самом неприятном человеке умела сыскать достоинства. Уже в дет-

стве, ребенком, Варенька жалела всякую божью тварь и тащила в дом хромую кошку или грача с поломанным крылом, хлопотала над ними и выхаживала. Жоржа Печорина, который был на семь лет старше сестры, это ее свойство скорее не умиляло, а бесило. Сам он с юности приучал себя к светской холодности и оттачивал искусство злой иронии. Он любил порассуждать о том, что зло порождает зло и первое страдание дает понятие об удовольствии мучить другого: идея зла не может войти в голову человека без того, чтобы он не захотел приложить ее к действительности, ибо идеи – создания органические, их рождение дает им форму, и эта форма есть действие. Юная, шестнадцатилетняя Варенька, слушая эти тирады, весело смеялась и уверяла брата, что он совсем не таков и что когда-нибудь ему надоест рядиться в гарольдов плащ и изображать из себя вампира.

Брат и сестра Печорины после смерти матушки сделались владельцами трех тысяч душ в Саратовской, Воронежской и Калужской губернии. Варвара Александровна вдобавок к доброму сердцу обладала недурной наружностью и получила блестящее для девицы воспитание – всего этого было более чем достаточно, чтобы рассчитывать на прекрасную партию и высокое положение в свете. Но Варенька ко всеобщему удивлению большую часть времени проводила в своем черноземном в поместье, где читала, ухаживала за больной теткой и даже входила в тонкости ведения хозяйства. На зиму она переезжала в столицу, но на балах и в большом свете по-

являлась нечасто, заслужив репутацию весьма странной особы. С братом Варя состояла в постоянной переписке, но виделись они последний раз три года назад на похоронах матери. Она вызвалась сопровождать тетюшку на воды во многом потому, что надеялась свидеться здесь с Григорием Александровичем. Варенька единственная из всех называла Печорина не Жоржем, а на английский манер Грегом, заявляя, что именоваться Жоржем ему совсем не идет, да и вообще он ведь не Георгий, а Григорий, то есть, по-французски тогда Грегуар, что и вообще звучит пресмешно.

Встретив дорожную бричку сестры у заставы, Печорин проводил ее с тетюшкой в нанятые им покои. Серафима Михайловна прилегла отдохнуть с дороги, и пока слуги разбирали и раскладывали вещи, брат с сестрой отправились прогуляться по бульвару до ресторации и там позавтракать.

Варенька в светлом платье и соломенной шляпке с бантом выглядела совсем юной – казалось, три минувшие года не оставили на ней ни малейшего следа. Печорин нахваливал ей местную природу («Горы, Варя, смотри какие горы! А воздух! – Чист, как поцелуй ребенка!») и иронически описывал водяное общество.

— Но есть здесь люди и весьма приятные! Я тебя познакомлю с княжной Лиговской и Фадеевыми. Их дочери очень милы, а одна из них – ты не поверишь – писательница и сейчас пишет повесть из пятигорской жизни. Смотри не попадись ей на карандаш, а то обнаружишь себя героиней романа

во французском вкусе!».

— Я тебя не узнаю, милый братец! Ты научился говорить о людях без желчи и яда! Ну я же всегда твердила, что когда-нибудь ты снимешь маску и все узнают твою добрую душу.

— Печорин—добряк! Ну ты ужхватила, Варета, – скажи еще, что из меня выйдет солидный помещик и отец семейства. Представляю себя сидящим в беседке над прудом – и милочка жена щебечет: «Открой душенька ротик, я тебе положу еще кусочек», а кругом ползают сопливые ребятишки.

— Варя прыснула со смеху, живо представив эту идиллическую картину, и Печорин тоже рассмеялся. Ему было необыкновенно хорошо и весело идти об руку сестрой, он на минуту почувствовал себя почти юным и снова готовым обнять весь свет, но тотчас остановил себя на этом пути, который и впрямь может привести его в добродушные помещики.

Попавшийся им навстречу Раевич поклонился, здороваясь, и потом долго провожал Варвару Александровну взглядом – на водах всем было известно, что Раевич питает особую слабость к светлоглазым стройным блондинкам.

— Да, ты знаешь, – возобновил Печорин разговор, – твой давний поклонник Браницкий тоже здесь. Он был легко ранен в ногу и тут на лечении. Помнится, матушка когда-то прочла его тебе в женихи. Пора уже подыскивать достойную партию, так ведь, сестрица?

— Да я, Грег, не тороплюсь, мне с самой собой хорошо пока.

— О, тебе всенепременно надо познакомиться с княжной Мери, Марией Сергеевной Лиговской, она тоже рассуждает о свободе и, кажется, даже мечтает забросит чепец за мельницу. — Печорин посмотрел на сестру. — Да вы с ней и внешне чем-то похожи, ей богу.

— Да нет, вовсе я не собираюсь ни записываться в синие чулочки, ни пускаться во все тяжкие. Я просто хочу найти человека себе по сердцу, чтоб он был хорош в моих глазах, а не по мнению светского приговора.

Варя проговорила последние слова с таким жаром, что Печорин заподозрил, что, возможно, такой человек уже существует. Однако он почел за лучшее не мучить сестру дальнейшими расспросами.

Вечером он привел Варвару Александровну к Лиговским и с удовлетворением наблюдал, как быстро она находит общий язык с женской молодежью этого маленького курортного салона.

Глава седьмая. Затишье.

В последующие несколько дней на пятигорских водах ничего особенно не произошло. Корнеевы уехали хоронить дочь в своем степном поместье. Срочно собрались и отправились в путь еще несколько семейств с юными девицами, но все остальное общество мало-помалу успокоилось.

Усиленные казацкие караулы и офицеры-добровольцы исправно патрулировали окрестности. Но пойман был только один черкес, который выслеживал из-за кустов прогуливающихся по дороге отдыхающих. Однако при ближайшем рассмотрении «черкесом» оказался корнет Васильчиков, нарядившийся в белый бешмет, темно-бурую черкеску и меховую шапку, чтобы напугать девицу, которая на балу отдала мазурку другому.

Брат и сестра Печорины нанесли пару визитов супругам Горшенковым. Правда чести лицезреть самого Семена Сергеевича они удостоились только раз – Горшенков и тут пребывал в постоянных разъездах, выполняя, как он намекал, ответственные служебные поручения. Он уже не писал, как прежде, статей в газеты и не продавал акций, – он излучал солидность и достоинство богатого и всем нужного человека. Гостиная дома в Пятигорске по вечерам была полна людьми, по большей части штатскими, но иногда и военными, которые не хотели упустить случая сделать полезное знакомство, а некоторые – обратиться за протекцией. Горшенков вел себя покровительственно, но добродушно, изображая своим безгубым ртом подобие улыбки. Впрочем, Варенька бранила брата за ту злую иронию, с которой он отзывался о Горшенкове: она слышала, что Семен Сергеевич действительно кому-то помог и не отказал в протекции. Но сама Варвара Александровна проводила время в разговорах с хозяйкой гостиной, которая принимала гостей каждый вечер, но как буд-

то через силу. Одета богато и к лицу, в парижских нарядах, искусно прикрывавших ее костлявые плечи и шею, с замечательными украшениями в темных, все еще прекрасных волосах, Елизавета Николаевна неизменно казалась какой-то блеклой и грустной. Несмотря на старания кауфера, яркость костюма и блеск украшений, она производила ощущение какой-то бесцветности, блеклости, была похожа на рисованный карандашом и не раскрашенный силуэт.

— Мадам Горшенкова, наверное, серьезно больна, — сказал Печорин, провожая сестру после одного из визитов.

— Возможно, но еще серьезнее несчастна, я думаю, — ответила Варя.

Гораздо веселее и интереснее проходили их вечера в гостиной княгини Лиговской. Однажды нанес визит квартирующий в Пятигорске ученый-натуралист. Он разыскивал Елену Павловну Фадееву, с которой имел честь состоять в переписке. Все маленькое общество с удивлением обнаружило, что мягкая, домовитая «бабочка», как ее называла внучка, интересуется цветами не для того, чтобы составлять из них изящные букеты, а как ученый-ботаник: собирает, описывает, зарисовывает, систематизирует растения, составляет каталоги, и ее ботанические, энтомологические, орнитологические и минералогические коллекции ценятся учеными и не только в России. Все остальное общество немо внимало этой беседе, которая велась, казалось, на каком-то незнакомом языке. Елена Павловна, заметив это, засмушалась и

пригласила натуралиста нанести ей визит завтра, чтоб не отнимать внимание от более интересных тем.

— А какие более интересные темы? Про погоду говорить или про болезни тетушки? – Звонко спросила дерзкая Леля.

Катерина Андреевна схватила девушку за руку и быстро вывела из гостиной, а княжна Лиговская, чтобы загладить неловкость, спросила у Елены Андреевны, как подвигается написание ее нового сочинения и не хочет ли она почитать отрывки из него публике.

— Нет-нет, роман еще не закончен, как-нибудь потом, попозже – вспыхнула капитанша Ган.

— А о чем Ваш роман, Елена Андреевна? – спросила Варенька Печорина. – Говорят, действие происходит здесь, в Пятигорске?

— Да, здесь, на водах.

— Это роман о любви? Счастливой или неудачливой?

— Можно сказать, что это трагическая любовная история

— Вероятно, о том, как демонический злодей делает несчастной возвышенную женскую душу? – Не смог скрыть иронии Печорин.

— И об этом тоже, но больше о том, как женщина покоряет мужчину, заставляет все бросить к ее ногам, а потом оставляет свою жертву.

— А, так значит в Вашем романе мужчина и женщина меняются ролями!

— Не совсем так, потому что женщина в моем сочинении

совершает все это с благородной целью, желая отомстить за другую невинную жертву.

— Да, замысловато. Женщины, наверное, для того и берутся за сочинение романов, чтобы изобразить мужчин в черном свете и отмстить им за все их большие и малые преступления, – вступил в разговор доселе молчавший доктор Вернер.

— Милая Елена Андреевна, не слушайте Вы этих завязтых циников, в которых не осталось ни капли романтического чувства! То, о чем Вы рассказали, очень интересно, я с нетерпением буду ждать появления Вашего сочинения и непременно его прочту, – ринулась на защиту писательницы Варвара Александровна.

— И я прочту, – заверила Марья Сергеевна.

— И я, – пообещала Катя.

— И я! И я! – закричала из сада Леля, но нянька тут же увела ее от открытого окна.

Проводив Варю и доктора и возвращаясь к себе на гору, Печорин размышлял о том, на самом ли деле в нем не осталось ни капли романтического чувства.

Каждый день, бывая у Веры, он искал в душе своей подобное чувство и не находил его. Доктор сказал, что дни княгини Галаховой сочтены и потому Печорин пытался быть предупредительным и нежным, сидел подолгу рядом с Верой на диване, заключа ее в объятия, слушал, не перебивая, ее мечты о будущей их счастливой жизни в Подмосковной, цело-

вал ей руки, уверяя в неизменности своих чувств, и мягко отклонял ее страстные порывы, замечая, что надо немного подождать, пока ее здоровье окончательно поправится.

— Да, да, я чувствую себя с каждым днем все лучше, я скоро буду здорова, буду твоя и ты мой, только мой! — заверяла его и себя Вера.

Горько улыбаясь, Печорин замечал про себя, что вероятно, не обманывает ее, клянясь в верности до гроба.

Несколько раз Печорин принимал участие в патрулировании окрестностей. Но, кажется, все было спокойно. Правда, третьего дня он услышал, как комендант рассказывал кудрявому ротмистру Юркевичу, что в казачьей станице на берегу Подкумка убили дочку одного есаула.

— Но это даже не черкесы, — заверил комендант, — там все ясно. Молодка была просватана, а погулять любила, вот женишок, заставши ее с другим, напился до поросячьего визгу, да и зарезал неверную суженую. Сидит сейчас в холодной. А у нас тут спокойно. Вон у тебя какие молодцы в дозоре. Этот новенький что ли? — Комендант указал на одного из всадников, который действительно не мог не обратить на себя внимания. Он бы уже не первой молодости. Темные волосы гладко упали по обеим сторонам высокого и выпуклого лба. Глаза — почти черные, были необыкновенно выразительны и улыбка, более презрительная, чем насмешливая, казалось, не сходила к с губ его.

— Да, это прапорщик Ларин, недавно приехал из Ставро-

поля и к нам пристал, – отрекомендовал товарища ротмистр.
— Прапорщик? Что-то невелик чин для его возраста, – удивился комендант.

— Да он вроде из ссыльных, из бунтовщиков 25-го года. Впрочем, точно не знаю, а наездник лихой.

Печорин слышавший этот разговор, тотчас вспомнил, как Варя, видевшая подпоручика в ресторации, сказала, что он похож на портрет, который висел в их петербургском доме.

— Помнишь, сказала она, – ты как партизан Байрона еще называл его портретом Лары³?

Надо же и фамилия у подпоручика подходящая – Ларин, – подумал Печорин.

В общем, благодаря ли рейдам караульных или вопреки им, но уже неделю в окрестностях Пятигорска и в городе все было тихо, водяное общество успокоилось и опять начали затеваться пикники и прогулки.

Глава восьмая. Явление «Аполлона».

Утром ясного летнего дня Печорин вышел из дому и направился на Елизаветинскую галерею. Он один из немногих продолжал пользоваться тропой, у которой убили девицу Песцову. Спускаясь к галерее, он уже издали увидел у колодца Варю, стоящую у коляски, в которой сидела больная те-тушка, а рядом с нею еще одну пожилую даму об руку с вы-

---

³ Варя имеет в виду то, что Печорин был поклонником Байрона и его поэмы «Лара», рассказывающая о трагическом и таинственном одноименном герое.

соким блондином. Тетушка, подняв голову, что-то говорила Варе, но та, казалось, не слушала ее, а не отрывала глаз от молодого человека, который был удивительно хорош собой: большие голубые глаза, правильный нос, греческий овал лица, стройность высокого стана: просто ожившая скульптура Аполлона Бельведерского. Красавец был в штатском костюме и держал в руках безобразную круглую шляпу.

До того, как Печорин успел приблизиться, молодой человек, его пожилая спутница и тетушка в коляске, которую катил слуга, удалились в сторону ванного павильона. Варенька, увидев брата, приветственно помахала ему рукой.

— С кем это ты разговаривала? – спросил Печорин, целуя сестру в румяную щеку.

— Это мадам Красинская, знакомая тетушки Серафимы Михайловны. Ей тоже прописаны ежедневные горячие ванны.

— А молодой человек?

— Ее сын, Станислав Красинский. Он чиновник, служит по Департаменту государственных имуществ.

— И дослужился, вероятно, до титулярного советника?

— Станислав мог бы сделать блестящую карьеру, но он связан заботою о матушке, которая давно и серьезно нездорова! – пылко возразила Варенька.

— Станислав! – так ты с ним знакома так коротко, что называешь его по имени?

— Его мать и тетушка Серафима Михайловна приятель-

ствуют, отсюда и мое знакомство с господином Красинским, – ответила Варвара с некоторым вызовом.

— Да не сердись, Варя, верю, что он превосходных достоинств и – я успел заметить, – красив, как юный бог, – Печорин дружески улыбнулся сестре. – Зови его к Лиговским, а то ему, наверное, наскучило забавляться разговорами о болезнях в обществе двух старух.

— Непременно позову! Господин Красинский прекрасно играет на скрипке, думаю, он не откажется сыграть нам сегодня вечером.

Красинский был радушно принят в салоне княгини Лиговской, Варенька представила его брату, и Печорину показалось, что в момент знакомства во взгляде чиновника проскользнула удивление и плохо скрытая неприязнь.

— Я, кажется, уже имел удовольствие быть знакомым с Вашим братом, Варвара Александровна, мы встречались, если я не ошибаюсь, в Петербурге несколько лет тому.

— Возможно, – ответил Печорин, протягивая руку, – но в то время я так много вращался в светских гостиных и посетил такое количество обедов и ужинов, что не в силах вспомнить всех, с кем тогда сводила меня судьба за одним столом или на бале.

Ему показалось, что Красинский хочет что-то прибавить, но тот, взглянув на Вареньку, молча поклонился и перешел в руки женской молодежи.

Скрипичная игра Красинского была действительно недурна. Кроме того, он по просьбе общества аккомпанировал на фортепиано дуэту Мери и Верочки, а потом и Катерина в ответ на настойчивые просьбы матери и сестры исполнила написанный композитором Алябьевым здесь же в Пятигорске, романс «Тайна». Голос у нее оказался чудесным – настоящее звучное сопрано. Слушатели принялись аплодировать, и смущенная Катерина спряталась за кресло матери.

Печорин наблюдал за сестрой и не мог не заметить, что Варенька смотрит на красавца-музыканта с особым чувством. Ему же самому стало казаться, что эти аполлонические черты ему действительно знакомы, но где, при каких обстоятельствах встречал он господина Красинского, Печорин решительно не мог вспомнить.

Ночью он спал плохо, ему представлялось во сне, как он бродит в глухих петербургских дворах по жидкой грязи, рискуя ежеминутно быть погребенным под грозящими обрушиться пирамидами дров. На пути его встречаются то и дело ободранные ворчливые собаки и не менее ободранные обитатели жалких закоулков, а он все блуждает по этим предместьям ада в поисках какого-то сорок девятого номера. И кого бы он ни спросил, всяк ему отвечает, что здесь сорок девятого номера нет и нужно взбираться выше. Печорин взбирается по каким-то облитым помоями лестницам все выше и выше, открывает двери, а за ними серая пустота и только в одной комнате на столе лежит какая-то книга. Он хочет по-

дойти ближе, но ноги его как из ваты и не слушают его, а в это время кто-то невидимый разворачивает книгу и читает странным скрипучим голосом заглавие: «Легчайший способ быть всегда богатым и счастливым».

В этом месте Печорин неожиданно пробудился и сел на кровати. Он вспомнил, почему лицо «Аполлона» показалось ему смутно знакомым, вспомнил всю историю – как он чуть не задавил своим рысаком на Невском бедного чиновника, подвернувшегося под колеса, как потом встретился с ним в ресторане «Феникс» и тот требовал сатисфакции, но от дуэли отказался, так как боялся оставить больную умирающую мать без своего попечительства. Вспомнил он и слова Станислава о том, что судьба еще сведет их на дороге жизни⁴.

Так вот кто этот человек, к которому сестра моя безусловно чувствует симпатию, если не более сильное чувство! – подумал Печорин. – И старушка мать видно раздумала помирать и все так же связывает его по рукам и ногам.

Но, вспомнив всю скандальную петербургскую историю, Печорин не мог найти в своем сердце той холодной ненависти, которую когда-то испытывал к этому человеку. Много воды утекло с тех пор, и нынешний Григорий Александрович уже мало напоминал того Жоржа Печорина, который любил оттачивать свое остроумие сатирами на окружающих и искал пьедестала, вставши на который он мог заставить тол-

---

⁴ История встречи и конфликта Жоржа Печорина со Станиславом Красинским описана в незаконченном романе М. Лермонтова «Княгиня Лиговская».

пу взглянуть на себя со страхом и обожанием. Однако, судя по промелькнувшей во взгляде Станислава неприязни, если не затаенной ненависти, тот-то ничего не забыл и не простил.

«И сестра Варя, кажется, влюблена в него», – решил Печорин сказать самому себе правду.

Если и Красинский дорожит ею, он должен похоронить тот прискорбный случай в глубине своей памяти. Но дорожит ли? Может, он завел флирт с сестрою, чтобы через ее унижение отомстить брату-обидчику? Да, такая месть была бы, пожалуй, самой мучительной и горькой. К своей жизни Печорин давно был равнодушен, но Вареньку он готов был защищать от любого удара судьбы. Отнять или поругать самое дорогое, что еще осталось у человека, – неужели таков план этого гордого польского дворянчика?

Печорин решил в ближайшее время объясниться с чиновником начистоту и предпринять все действия для защиты сестры.

Глава девятая. Бал.

На другое утро Печорин проснулся поздно и, выйдя в прихожую, обнаружил на подносе записку, принесенную или вчера вечером или сегодня с утра. Вера спрашивала, пойдет ли он на бал, который устраивается сегодня в гроте Дианы? Хотя в записке был знак вопроса, но было ясно, что Вера мечтает о бале и надеется там его увидеть. В последние два дня она чувствовала себя гораздо лучше и была оживлена и

почти весела. Печорин поинтересовался у доктора Вернера, не идет ли больная на поправку, но доктор не обнадежил, сказав, что уповать можно только на чудо, однако, чудеса, если и случаются, то, как правило, не с нами.

Сегодняшний бал в гроте Дианы устраивался на скорую руку, но с большим энтузиазмом. Он должен был стать свидетельством того, что полоса несчастий осталась позади, и можно снова предаться всем радостям жизни. В подготовке бала принимала участие вся пятигорская молодежь. Варенька, Мери, Катерина и даже Леля занимались изготовлением цветных фонарей, которых понаклеили почти сотню. Княжна придумала соорудить громадную люстру из трёхъярусно помещенных обручей, обвитых цветами и ползучими растениями. В выборе растений помогла Елена Павловна, а в сооружении ее «инженерные» способности обнаружил Андрей Михайлович Фадеев. Армянские лавки доставили персидские ковры и разноцветные шали для украшения грота, за прокат коих были заплачены немалые деньги, казенный сад пожертвовал цветы и виноградные лозы, которые артиллерийский офицер Браницкий с приятелем нещадно рубили весь вчерашний день. Расквартированный в Пятигорске полк снабдил устроителей красным сукном, а содержатель гостиницы Найтаки позаботился о десерте и ужине.

Печорин не участвовал в подготовительной суете, он весь день провел в дозоре, патрулируя вместе с другими охотниками окрестные горные дороги. Ехали медленно и осматри-

вали внимательно каждый куст и камень. Печорин ехал парой с прапорщиком Лариным.

— Вы давно на Кавказе? — обратился Печорин к напарнику. — По приказу 26-го года или позже переведены?

Расценив ответное молчание прапорщика как возможное недоверие, Печорин добавил:

— Я воевал с одним из ваших товарищей по несчастью. Отличный был человек и воин храбрый. Может знаете, фамилия его...

Но Ларин, не дослушав, пришпорил коня и ускакал вперед.

Печорин, пожав плечами, последовал за ним. Этот Ларин так же странен и нелюдим, как и его байроновский «тезка», — подумал он.

Никаких черкесов в округе видно не было, и довольно скоро Печорин позабыл о них и просто предался удовольствию: скакать на горячей лошади против пустынного ветра было одним из оставшихся в его жизни несомненных наслаждений. Какая бы горесть ни лежала на сердце, все в такую минуту рассеивалось и на душе становилось легко.

Вернувшись домой в четвертом часу, Печорин прилег отдохнуть, а проснулся, когда на дворе уже было темно. Торопливо одевшись, он поспешил к княгине Вере, чтоб сопроводить ее на бал.

Вера ждала его уже одетая к выходу. Светло-серое платье

перламутрового оттенка необыкновенно шло к ее пепельного цвета глазам. Исхудавшую шею обвивало ожерелье из крупного жемчуга, а на запястье правой руки был неизменный браслет с медальоном, содержимое которого она как-то показала Печорину под большим секретом – там была прядь его белокурых волос и темный локон покойного сына.

Когда они достигли грота Дианы, бал уже начался. Казалось, что нынешним вечером здесь собрался весь Пятигорск. Фадеевы пришли всем большим семейством, исключая девочек, – даже капитанша Ган оторвалась от своей рукописи. Здесь были княгиня и княжна Лиговские в компании Варвары Александровны, и франт Раевич в модном светло-голубом галстуке, и супруги Горшенковы, и бывший Варенькин обожатель Браницкий. Катерина Фадеева шепнула на ухо сестре, что она даже, кажется, заметила в толпе возле грота своего незадачливого спасателя – того господина с газетой, у которого одно плечо выше другого.

Бал разгорался, оркестр играл недурно и пары кружились при свете цветных фонарей. Вера, пообещав своему спутнику мазурку, осталась сидеть подле знакомой дамы в роскошном розовом платье. Печорин, заметив в бальной толпе оживленно улыбающуюся княжну Мери, пригласил ее на тур вальса. Княжна вальсировала по-прежнему замечательно, и ее талия была столь же гибка и сладострастна, как два года назад. На минуту искушение пробралось в сердце Печорина, но Мери, обретшая мудрость змеи, заметила это и

прошептала, склонив головку к уху кавалера: «Уж не хотите ли Вы приняться за старое, monsieur Печорин! Разве Вам не дорога наша дружба?» «Поверьте княжна, я ценю ее выше всех богатств мира», – ответил Печорин, сам устыдившись этой романтической фразы в духе покойного Грушницкого. Он перевел взгляд на танцующих и увидел раскрасневшуюся и удивительно в этот момент хорошенькую сестру Варю, вальсирующую с Красинским. Надо отдать должное – они были идеальной парой, и стоявшие у стен пожилые дамы наверняка любовались ими, вздыхая о невозвратимой молодости. Вальс окончился, Печорин проводил свою даму к княгине и во время кадрили занимал беседой ее и чету Фадеевых. Но наконец и бесконечные кадрили закончились, музыканты приготовились играть мелодию мазурки. Печорин стал искать взглядом Веру, но ее нигде не было. Подойдя к доктору Вернеру, хромая нога которого не позволяла ему танцевать, но не мешала быть завсегдаем балов и маскарадов, Печорин спросил, не видел ли тот княгини Галаховой. Вернер предположил, что в ожидании мазурки Вера Петровна могла пойти подышать вечерней прохладой. Печорин вышел на аллею перед гротом и поразился красоте летнего вечера: где-то тихо журчал ручей, листья платанов и лип сонно трепетали, внизу дрожали городские огни, а на горизонте в темноте проступали или, скорей, угадывались громады гор. «Весело жить на такой земле!» – подумал Печорин.

Он прошел по аллее вправо и разглядел в тусклом отблес-

ке фонарей женскую фигуру на скамье. Вера видела неподвижно, наверное, как и он, зачарованная красотой юного летнего вечера. Печорин окликнул княгиню, но она не отвечала. Приблизившись, он сел рядом с ней на скамью и сжал ее руку, но ответного движения не почувствовал. «Вера, – сказал Печорин и попытался обнять княгиню, но она вдруг как-то странно, по косо́й стала заваливаться ему на колени. Печорин обхватил ее подбородок руками и приподнял голову. Вера Петровна смотрела в вечернее небо пустыми и неподвижными глазами. «Она мертва, – догадался Печорин. – Недаром доктор говорил, что всплеск лихорадочной энергии и внезапного улучшения состояния у чахоточных больных может быть признаком скорого конца». Но тут он почувствовал, что по его руке, обнимавшей плечо и шею Веры, потекла струя чего-то теплого и липкого. Ветерок, расплетая Верин локон, пахнул в лицо Печорину запахом, хорошо ему знакомым – это несомненно был запах крови. Проведя рукой, Печорин нащупал на тонкой шейке Веры под жемчугом глубокую рану. Вера была не просто мертва – она была убита.

В это время на дорожке появился пьяный драгунский капитан, которого выгнала из бального грота скорее всего известная нужда.

— Господин капитан, – обратился к нему Печорин, – вернитесь в грот и позовите сюда доктора Вернера.

— За кого Вы меня, черт возьми, принимаете! Я не Ваш денщик, чтоб бегать с поручениями, – пьяно прорычал ка-

питан.

— Господин капитан – здесь женщина убита, зарезана, – срочно нужен доктор!

Драгун, кажется, отчасти протрезвел и бегом пустился по направлению к гроту. Минут через десять он вернулся в сопровождении хромающего изо всех сил Вернера, за которым следовали княжна Мери и Варенька, которая предусмотрительно захватила с собой фонарь. Доктор, бегло осмотрев княгиню Веру, подтвердил, что она мертва и причина смерти – ножевая или кинжальная рана на шее. Вызвали караульных солдат с носилками, которые понесли тело в мертвецкую военного госпиталя. Следуя за носильщиками, Печорин беспрестанно думал о Вере, о том, кому понадобилось убивать эту почти уже съеденную болезнью женщину, хрупкую, как птичка. Страдала ли она перед кончиной, звала ли его в последнюю минуту?

Когда процессия дошла до госпитальных ворот, Печорин попросил солдат остановиться. Он захотел снять с руки Веры браслет с заветным медальоном и оставить его себе на память о женщине, которая когда-то подарила ему первые восторги светлого чувства. Но браслета на правом запястье покойной не было. Он проверил левое – не было и там.

Глава десятая. . Postmortem

Бал, который замышлялся как торжество жизни над смертью, закончился бесславно: весть о гибели княгини Галахо-

вой со скоростью пожара распространилась в толпе танцующих, музыка смолкла, и веселое оживление сменилось унынием и ужасом. Штатские кавалеры и дамы разошлись, вздыхая и обмениваясь тревожными предположениями, а офицеров комендант собрал на «военный совет». Чернокудрый ротмистр предложил перейти от самодеятельных вылазок к настоящей военной операции, для чего завтра с утра собраться в Офицерском доме и разработать план действий. Комендант сказал, что прямо сейчас, несмотря на позднее время, он снарядит нарочного в Ставрополь с просьбой о подмоге. Другого нарочного требуется послать в Петербург к князю Галахову с известием о трагической кончине супруги.

Печорин всю ночь провел с бутылкой кахетинского и трубкой, вспоминая молодость, поездку в Симонов монастырь большой бестолковой компанией, семнадцатилетнюю Верочку Р—ву, их разговор ни о чем, который, начавшись, никак не мог закончиться и длился и длился весь этот бесконечный весенний вечер, переходящий в ночь: пока они осматривали стены монастыря, бродили по кладбищу, залезали на площадку западной башни, заходили в церковь послушать дивный хор. Он совсем не мог припомнить, о чем они говорили, да это было и неважно — ему тогда хотелось просто идти рядом с Верочкой, от которой веяло такой же молодой прелестью, как от юной весенней ночи. Все последовавшие затем встречи, расставания, обманы, страстные

ночи, взаимные клятвы и клятвопреступления, – все это как-то отступило перед памятью о миге, когда любовь окликнула их, а они даже не успели еще обернуться на ее зов. Печорин заснул в креслах не раздеваясь, а проснувшись, отправился в комендатуру, чтобы присоединиться к операции по поимке разбойника и убийцы.

Жена коменданта Домна Сергеевна собрала свой «военный совет», который должен был решить вопрос о похоронах княгини Галаховой. Доктор Вернер, которого Вера назначила своим душеприказчиком, объявил, что в Завещании, кроме имущественных распоряжений содержится просьба завещательницы похоронить ее на пятигорском кладбище, не дожидаясь приезда мужа. Выслушав волю покойной, женщины под руководством комендантши немедленно занялись устройством отпевания и похорон. Тело Веры перенесли из мертвецкой на квартиру. Знакомые и незнакомые девицы и дамы шли нескончаемой вереницей попрощаться с несчастной, и уже к обеду тело было почти неразличимо под громадой принесенных цветов.

Между тем руководимые ротмистром и его помощниками офицеры и казаки прочесывали окрестные леса и обследовали горные пещеры. Были направлены отряды в ближайшие мирные аулы. Комендант приказал требовать выдачи злодея-мстителя самым суровым образом, грозить репрессалиями и взятием аманатов.

В городе во всех углах, на всех аллеях, только и было раз-

говоров что о ночном происшествии. Удивлялись, как разбойнику удалось так близко подобраться к жертве, почему никто ничего не услышал, почему княгиня не звала на помощь.

— Так у черкесов, знаете как оружие прилажено – ничто не брякнет, ничто не зазвенит! А чувяк у горца знаете какой мягкий и гибкий – как лапа тигра, и никакое чужое ухо не услышит его приближения, – с пылом делился своими этнографическими познаниями юноша лет шестнадцати.

— А бедняжка, может, и закричала, – так ведь музыка играла, и все были увлечены танцами, – высказала предположение пожилая дама в затейливой. не по возрасту шляпке.

— Да нет, – уверил собравшихся юный знаток горских обычаев, – черкес знает куда кинжалом ударить, он подкрадывается неслышно и убивает мгновенно.

Догадки, слухи и страхи множились и расползались по курорту.

Через два дня княгиню Веру отпевали в Скорбященской церкви. Собор был заполнен искренне соболезнующими и праздно любопытствующими; огромная толпа сопровождала гроб на кладбище. Некоторые по окончании похорон брали с могилы мелкие камешки, чтобы, как услышал Печорин из разговора двух девиц, вделать их в браслеты и брошки. «Или, – как сказала одна из собеседниц, – можно сделать такие модные кольца наподобие масонского: с одной стороны

Гордиев узел, а с другой камень с могилы несчастной жертвы горцев». Печорин горько усмехнулся, а потом подумал: «Пусть так, пусть память о Вере останется хоть в этих камешках из колец и браслетов».

Сам он не пошел на поминальный ужин, а вернулся к собору и присел на скамью в церковном дворике. Но побыть в желанном одиночестве не удалось – длинный и худой дьякон в черном подряснике вышел из дверей храма и сел с ним рядом. «Третью голубицу уже отпеваем, – заговорил он, несмотря на молчание Печорина, – те двое хорошо ушли, вовремя, не успели много нагрешить. А сегодняшняя грешна была, но мученической смертью грехи свои смыла, смыла. В жертву была принесена Господу нашему. Хорошо им, голубкам, сейчас на небе, среди ангелов и песен херувимских. Много лучше, чем здесь на земле грешной. Освободил Господь их душеньки». Дьякон еще что-то бормотал, продолжая этот разговор с самим собой.

Печорин поднялся, молча поклонился и вышел за церковную ограду. Слова священнослужителя его удивили – страшную гибель трех подряд женщин он почитал за счастливое избавление. Обернувшись, он увидел, что дьякон стоит в воротах и провожает его пристальным взглядом.

Глава одиннадцатая. Все успокоилось.

На исходе третьего дня «военная операция», возглавляемой ротмистром и комендантом, мирной князь одного из

аулов под угрозой взятия в аманаты трех его сыновей открыл, что неподалеку, на горной тропе видели несколько раз одинокого всадника, не здешнего, абрека. Никто из местных не знает кто он и откуда и что делает в Пятигорье. Князь послал с охотниками своего младшего сына, чтоб тот показал русским «тропу беглеца». Возле нее в разных местах выставили засады, одной из которых и удалось взять разбойника. Тот правда успел разрубить шашкой плечо одному из офицеров, но остальные набросились на молодца, повязали и привезли в город. Молодой и сильный, как барс, горец был одет в разорванный бешмет, но оружием обвешан с ног до головы: шашка упрятана в сафьянные ножны, винтовка скрыта в черном косматом нагалище, имелся и острый тавлинский кинжал, сразу привлечший общее внимание. Молодец смотрел зверем, на вопросы не отвечал и за все время произнес только одну фразу. «Спрашивает про своего коня, – перевел штабс-капитан и сам ответил на татарском наречии, что с конем все в порядке, он тут рядом привязан и накормлен. Черкес кивнул одобрительно и после этого окончательно замолчал. Пленного посадили в холодную под несколько засовов, поставили караул, а лошадь его – дивной красоты скакуна-кабардинца, увели и привязали подальше от места, где был заключен хозяин.

Допросили еще раз мирного князя, выдавшего горца, и его сыновей. Все в один голос уверяли, что захваченный им незнаком и что это наверняка абрек-мститель, который дал

обет убивать неверных везде, где может до них дотянуться шашкой или кинжалом.

В общем, все говорило о том, что преступник – убийца кирасира Мстиславова и трех женщин наконец обнаружен и схвачен – и офицеры в Ресторации пили за удачное окончание своей военной операции.

Новость быстро разнеслась по городу, вызывая ликование и облегчение. Семьи, которые уже начали было собираться к отъезду, заносили пожитки обратно в квартиры. Комендант принимал поздравления, чернокудрого ротмистра дамы готовы были зацеловать, если б подобное позволяли правила приличия. Нашлись и такие, кто предлагал устроить новый бал или хотя бы фейерверк.

Печорин не пошел в Ресторацию на офицерскую пирушку, он обедал у Лиговских в привычной компании, где все разговоры тоже, конечно, вертелись вокруг событий последних дней. Выйдя на террасу раскурить трубку, Печорин долго смотрел на величавые вершины гор, опять думая о скоротечности жизни и бренности бытия. Он уже хотел возвращаться в гостиную, как его внимание привлек разговор трех девочек, сидевших в садовой беседке. Бойкая Ляля Ган рассказывала девочке лет семи, вероятно, дочери одной из приятельниц хозяйки, о чудесном кабинете своей ученой бабушки, где много-много разных камней, раковин, растений и стоят чучела зверей и птиц. «И там есть чучело фламинго – птицы такой с розовыми крыльями, на длинной ноге,

клюв крючком и глаза красные. И этот фламинго, – низким загадочным голосом говорила Леля, – этот фламинго ночью оживает, хлопает крыльями и челюстями вот так постукивает (Леля изобразила страшный клацающий звук) – а потом, а потом идет разыскивать себе пищу...

– А ест он, знаешь, что? – вдохновенно продолжала вещать Леля – Маленьких детей!.. Да! Он им носом голову пробивает, кровь их пьет и, наевшись, вытирает клюв крыльями... Оттого-то они у него и такие красные – кровавые!..

Маленькая гостя завизжала от страха, а восьмилетняя тетушка Надя заругала племянницу: «Леля, зачем ты опять эти жуткие сказки придумываешь, тут и так кругом все ужасно-преужасно. Мне страшно – а вдруг и сестер моих зарежут – маму твою и Катю.

– Нет, – твердо сказала Леля, – маму и Катю точно не зарежут

— Потому что разбойника поймали уже? – спросила маленькая гостя.

— Нет, не поэтому, а потому что у них волосы черные и глаза карии.

— Это тебе Индус во сне сказал что ли? – с подозрением произнесла Надин.

— Да тут и Индуса никакого не надо, – небрежно повела головой Леля. – Это ж ясно. Все, кого зарезали, – у них же у всех волосы были светлые и глаза голубые. Но знаете что, пойдете лучше в детскую, там глобус есть, я Вам на нем

покажу Вест-Индию, откуда Индус приходит. Я тоже там когда-то буду жить.

— Зачем ты все выдумываешь? – укоризненно сказала Надин. – Ты еще скажи, что в Америке жить будешь.

— И в Америке буду, – твердо заверила Леля и ушла в дом, увлекая за собой подружек.

Следующие несколько дней были заполнены разговорами о происшествиях, жертвах и героях, но постепенно все успокоилось и городок зажил своей обычной курортной жизнью: одни прилежно пили воду, другие – не менее прилежно – шампанское и кахетинское.

Старшее поколение Лиговских и Фадеевых лечилось ваннами, а младшее – развлекалось в основном прогулками. Только Елена Андреевна – она же Зенаида Р—ва – жертвовала моционом для письменного стола: роман ее, получивший уже название «Медальон», успешно продвигался.

В один из дней княжна Лиговская, Катя Фадеева и Варвара Печорина прогуливаясь по Елизаветинской галерее, столкнулась с тем странным молодым господином, который в день ужасной Лелиной находки на склоне, безуспешно пытался помочь девочке и Катерине. Несмотря на то, что господин явно узнал их, он кажется, решительно не хотел или боялся встречи. По крайней мере он попытался развернуться и ретироваться, покраснев при этом и закашлявшись. Но Катерина Андреевна и Мери, проявив неженскую решитель-

ность и твердость, быстро двинулись ему навстречу, так что маневр его не удался, и он вынужден был приветствовать де-вушек, приподняв довольно нелепую шляпу. Да и сам господин был весьма нескладен: худощавый, со впалой грудью и понурой головою, он имел лицо небольшое, бледно-красноватое, нос неправильный, рот слегка искривленный и густые белокурые волосы, падавшие клоком на лоб. Столкнувшись с дамами практически лицом к лицу, господин вынужден был представиться. Он отрекомендовался Виссарионом Григорьевичем Белинским, литератором из Москвы⁵.

— Вы романы пишете? – поинтересовалась Варя.

— Нет-нет, не романы, – господин Белинский окончательно смутился и покраснел. – Я по литературно-критической части.

— Мне кажется, я слышала Ваше имя и даже что-то Ваше читала. Наша подруга, сестра Катерины Андреевны, – начинающая романистка. Она уже опубликовала один роман и пишет другой, – вступила в разговор Мери.

— Это замечательно, – ответил новый знакомый, хотя выражение лица его сказало совершенно о другом. Господин Белинский, судя по всему, не прошел школы гостиного лицемерия и не смог скрыть тихого ужаса от перспективы зна-

---

⁵ В. Г. Белинский действительно провел лето 1837 года на водах в Пятигорске, приехав туда вместе с приятелем А. Ефремовым, Московские врачи отправили его на воды с диагнозом «сифилис», который пятигорскими врачами был поставлен под сомнение. Речи Белинского в этом произведении во многом заимствованы из его писем из Пятигорска другу М. Бакунину

комства с очередным провинциальным дарованием, к тому же еще и женского полу.

Вообще было видно, что в женском обществе он чувствует себя крайне неуютно и ждет только предлога, чтобы бежать из этого цветника.

Княжна прекрасно это поняла и даровала несчастному свободу, предварительно пригласив его заходить к ним без церемоний.

— У нас не светский салон, а просто собрания людей, которым интересен общий разговор.

— Да-да, спасибо, как-нибудь загляну непременно, – пообещал донельзя сконфузившийся Белинский и удалился быстрым шагом, сильно закашлявшись.

— Забавный какой – и одна лопатка другой выше и, кажется, больной совсем, – пожалела беглеца Катерина.

— Но я припоминаю, что статьи его, у Надеждина, кажется, в журнале, довольно интересны, – сказала княжна Мери, которая в последние два года положила себе за правило читать русские литературные журналы, чем приводила в ужас матушку.

— Может, это какой-то другой Белинский, – наш-то уж больно жалок, – сказала Варя, но не и презрением, а напротив с большой симпатией и мягкостью.

— Надо сестрицу спросить, знает ли она это имя. А женщин он точно боится и недолюбливает, кажется, – подвела итог встрече Катерина.

Глава двенадцатая. По дороге с кладбища.

Печорин между тем проводил время в прогулках с Варей и всей молодой женской компанией, «возглавляемой» Марьей Сергеевной Лиговской, в философических беседах с доктором Вернером и в мыслях о том, что пора уже двигаться с милого юга в сторону северную. Он дал себе неделю сроку, чтобы еще побыть немного с сестрой, принять еще несколько ванн, а потом заехать ненадолго в Кисловодск, насладиться там погружением в холодный кипяток нарзана – и в Петербург! Тем более, что отпуск его не бесконечен.

На девятый день после гибели Веры все общество отправилось в Некрополь, положить цветы на свежую могилу.

Когда возвращались по тропе к коляскам, Мери, попросив оставить ее на несколько минут одну, задержалась у могилы. Печорин прошел немного вниз по тропе и остановился на повороте, решив все же подождать княжну и помочь ей спуститься. Вдруг он услышал вскрик, а потом шуршание камней. Прокричав: «Мери, что случилось, я здесь!» Печорин ринулся вверх по склону. Выбежав из-за поворота, он увидел княжну Марью Сергеевну, сидящую на земле и сжимающую двумя руками шею у правого плеча. Печорин с ужасом заметил, что сквозь пальцы девушки проступает кровь.

— Мери, что с Вами? Вы ранены? Что случилось? – обхватив за талию, он помог княжне подняться с земли.

— Нет, нет, кажется, все, к счастью, обошлось. Я спуска-

лась и вдруг кто-то схватил меня сзади и, как я понимаю, занес надо мной нож. Но тут нога моя подвернулась, я стала падать, и нож только немного оцарапал мне шею, потому что тут Вы закричали, и он убежал.

— Кто убежал? Дайте я посмотрю, глубока ли рана? – Печорин отвел дрожащие руки княжны и с облегчением убедился, что нож действительно только немного рассек кожу и рана совсем поверхностная.

– Видели ли Вы того, кто напал на Вас, княжна?

— Нет, конечно, он сзади напал и совершенно неожиданно, все произошло очень быстро, я даже, кажется, не успела испугаться. Как хорошо, что Вы оказались неподалеку.

— Я ждал Вас, княжна там, сразу за поворотом тропы.

— А Вы его успели разглядеть?

— Нет, я сразу бросился к Вам. Кажется, в кустах справа от тропы был какой-то шум, но разглядеть я никого не успел. Печорин бросил взгляд на тропу и заметил, что на земле, справа от дорожки что-то блеснуло на солнце. Он нагнулся и поднял золотую, украшенную мелкими бриллиантами запонку. Но разглядывать находку времени не было. Спрятав безделушку в карман, Печорин предложил княжне опереться на его локоть, и они начали осторожно двигаться вниз.

— Григорий Александрович, могу ли я просить Вас никому не рассказывать об этом прискорбном происшествии? Я скажу, что упала и поранилась о какой-то острый сучок дерева. Ведь если рассказать о нападении, то снова пойдут

разговоры, пересуды, начнется паника. По крайней мере давайте не будем сейчас ничего рассказывать маман и всему нашему обществу.

— Хорошо, княжна, как скажете.

Во время этого разговора они успели спуститься по тропе к дороге, где их ожидали коляски. Княгиня Лиговская, увидев, окровавленную шею дочери, закричала, забилась, попыталась вылезти из коляски, но зацепилась за что-то подолом платья и чуть не упала. Печорин, подбежав, помог княгине сесть назад и вместе с Мери успокоил ее и всех остальных, заверив, что вызванная неудачным падением царапина совсем не опасна. Он взялся отвезти Мери к доктору Вернеру обработать рану и сразу после этого доставить ее домой, несколько раз заверив испуганную княгиню Ольгу Николаевну, что опасности нет ни малейшей.

Доктору врать про коварный сучок не пришлось – он сразу догадался, что царапина сделана ножом или кинжалом. Печорин и Мери посвятили Вернера в подробности происшествия. Княжна при обработке раны держалась мужественно, только жмурила свои прекрасные голубые глаза между бархатными ресницами. Ее прическа растрепалась и доктору то и дело приходилось отводить от раны непослушную белокурую прядь.

Печорин, ожидая пока кончатся врачебные манипуляции, вспомнил вдруг недавний разговор девочек в садовой бе-

сидке. Действительно, подумал он: Вера блондинка с серыми глазами, девица Корнеева – первая жертва, судя по сестре-близнецу, тоже светлоглазая блондинка – как и Мери.

— Иван Иванович, – спросил он вышедшего из комнаты вместе с княжной доктора, – а покойную девицу Песцову Вы пользовали, видели ее?

— Девицу не лечил, но она приходила вместе с матерью, так что видел, конечно.

— И как она выглядела?

— Высокая, стройная, весьма привлекательная.

— А волосы и глаза у нее какого были цвета?

— Белокурые волосы, глаза светлые – голубые или серые, точно и не вспомню. А что это Вы, господин поручик, вдруг заинтересовались красотами покойной госпожи Песцовой. Загробная любовь?

— Нет, нет, это я так. Доктор, я провожу княжну к матери и вернусь к Вам, дождетесь меня?

— Конечно.

Княгиня послала за раненой дочерью коляску и хоть идти было недалеко, но пришлось подчиниться материнским заботам.

По дороге после нескольких минут молчания княжна спросила Печорина: «Вы же полагаете, что кто-то охотится за белокурыми женщинами со светлыми глазами? И черкес здесь совсем ни причем, так ведь?»

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ПОДОЗРЕНИЯ.

Глава первая. Какие бывают безумцы.

Когда, проводив княжну, Печорин вернулся на квартиру к Вернеру, у доктора сидел гость – артиллерийский капитан Браницкий.

— Григорий Александрович, присаживайтесь, послушайте, что господин капитан про нашего разбойника-черкеса рассказывает. Сбежал абрек! – с порога огорошил доктор.

— Как сбежал?! Как это возможно?!

— Да не сбежал, а только пытался, но его тут же расстреляли из нескольких стволов, – успокоил Браницкий.

— Ничего не пойму. Расскажите-ка всю историю, господин капитан, – попросил Печорин.

— Извольте, – с видимым удовольствием начал Браницкий. – Только что выслушал от самого коменданта. Черкес, как знаете, сидел уже несколько дней у нас тут, в холодной, от еды отказывался, брал только хлеб и воду и ни на какие вопросы не отвечал. Молчал, как камень. Только два раза рот и открыл – спросил про своего коня: поят ли кормят ли его, как полагается? Вчера решили его отвезти в Ставрополь в тюремную замок под надежной охраной и со скованными руками. А по дороге он вдруг стукнул солдата, что рядом сидел, своей чугунной башкой и вывалился из повозки, но тут же, конечно, был убит на месте.

— Вряд ли надеялся убежать, просто предпочел смерть

несвободе, – предположил Печорин.

— Наверняка так и есть. Но теперь уж с этим делом покончено. *Finita la commedia*, как говорится – на этих словах Браницкий с удовольствием опрокинул в себя стопку кизиловой водки и вытер усы. Он просидел у доктора еще добрых полчаса, рассуждая о диких обычаях кровной мести и коварстве горцев, а потом скорее всего отправился со своим рассказом к другим знакомцам.

После его ухода Печорин, задумчив посмотрев в окно, произнес:

— А нападение на княжну случилось уже после гибели всеми признанного преступника. Кажется, комедия-то продолжается!

— Скорее уж трагедия, – поправил доктор. – Но ведь убитый абрек – не последний в здешних горах.

— Как хотите, доктор, но я не очень верю в то, что черкес-мститель ищет и убивает исключительно белокурых и голубоглазых беспомощных женщин. Как-то это совсем не в характере и не в обычаях горцев. Ну, допустим, зарезал без жалости девицу Корнееву заодно с кирасиром, но чтоб специально выслеживать и подстерегать именно хрупких блондинок и убивать их кинжалом – увольте меня, не могу в это поверить!

— Вы полагаете это кто-то из здешних? Какой-нибудь бандит из слободских?

— Тоже маловероятно. Бандит ведь убивает для наживы,

чтоб ограбить, а были ли ограблены наши жертвы? Не слышали, доктор, пропало ли что-то ценное у двух убитых девиц?

— Про первую ничего не знаю, а капитанша Певцова говорила мне, что у ее Лизоньки сережка из ушка пропала с маленьким бриллиантом в золотой оправе – отцов подарок. Но сережка могла отцепиться, когда тело девицы по склону катилось. Да и не та это пожива, чтоб из-за нее убивать в такой опасной близости от людного места.

— У княгини Веры с руки тоже пропал браслет с медальоном. Она им очень дорожила, но цены он был не слишком большой. Тут есть дамы, которые носят на шее или в волосах целое состояние. Подозреваю, наш злодей все же не простой грабитель, здесь какие-то более сложные и тонкие намерения! И почему блондинки?! Мери сегодня чудом избежала опасности! И Варя! – Печорин вскочил со стула, – Варя моя тоже блондинка сероглазая! Доктор, нельзя оставлять ни ту, ни другую без присмотра ни на минуту!

— А еще бы лучше поскорей найти настоящего злодея. Я вот думаю, не безумец ли это?

— Но сумасшедший среди нашего водяного общества был бы сразу замечен! В Пятигорске, кажется, есть один такой – был ранен в голову еще при Ермолове – сейчас бродит иногда возле Офицерского дома, какие-то песни поет, бормочет что-то. Он жалок, но безобиден.

— Да, смирные безумцы жалки, одержимые слышат го-

лоса и буйствуют, тех держат на цепях или в смиренных стульях в Домах для умалишенных. Но ведь, безумие, дорогой поручик, может быть разным. Коллега Мойер рассказывал мне недавно о книге одного доктора-англичанина. Тот находит, что бывают разумные безумцы, то есть люди, на общий взгляд, вполне нормальные, но подверженные, как он это называет, «моральному помешательству». *Mania sine delirio* – безумие в одной области – на вид и не распознаете. И это сильно усложняет дело, ибо, как говорится *Bene dignoscitur, bene curatur*⁶ и наоборот – что трудно распознать, то и вылечить нелегко.

— Да и не только вылечить – найти такого умного безумца непросто. Ну и потом, дорогой доктор, это может быть и вовсе не безумец. Разве идея мести, например, живет только среди кавказцев? А есть еще зависть, корысть, – да мало ли причин и у приличных людей ненавидеть друг друга до смерти. Может, и убийца и вовсе не один.

— Вы полагаете, что каждая из жертв пала от руки своего злодея? Сколько же их в Пятигорске – четверо? Или даже пятеро, если сегодняшней случай с княжной сюда присчитать.

— Это, конечно, маловероятно, я только хотел сказать, что все может быть совсем не таким, как выглядит на первый взгляд, и в этом мы убедились, потеряв столько времени и сил на поиски кровожадного абрека. Кстати, – вспомнил вдруг Печорин, – на месте происшествия с княжной тоже

---

⁶ Что хорошо распознается, то хорошо вылечивается (лат).

нашелся некий «сувенир». Печорин достал давешнюю свою находку из кармана.

Это была мужская запонка, сделанная в виде золотой копии пуговицы мундира чиновника Нижегородской губернии. Императорская корона в верхней части и рога оленя на губернском гербе были выложены мелкими бриллиантами.

— Да, это вряд ли принадлежит княжне или черкесу, — задумчиво протянул Вернер, — хотя по этой тропе многие ходят. Мы не можем знать наверняка, что запонку потерял нападавший.

— Мне кажется, что я видел уже такую запонку, но где, у кого, не припомню, — сказал Печорин.

— Ну, может, Вы просто чиновника нижегородского с подобными пуговицами мундирными видели.

— Однако мундирные пуговицы не усыпаны бриллиантами, — возразил поручик. Оставьте пока запонку у себя, доктор! Однако сейчас я должен Вас покинуть, мне надо убедиться, что с сестрой все в порядке. Безумец это или корыстолюбец, но, кажется, что белокурые женщины со светлыми глазами вызывают в нем особую неприязнь или ненависть.

Глава вторая. Разговор с княжной Мери

Печорин нашел Варю у Лиговских. Вместе с Катериной Фадеевой и княжной Мери, на шее которой белела повязка, она сидела в гостиной и слушала Елену Ган, читавшую главы из своей новой повести. При появлении Печорина писа-

тельница замолчала и, несмотря на всеобщие просьбы, отказалась продолжать чтение, тем более, – как заметила она, что Кате нужно сопровождать маман к колодцу – пить кислосерную воду. Варя собралась идти вместе с ними и ни за что не хотела, чтобы ее сопровождал брат. Печорин настаивал, и они, наверное, рассорились бы, если б княжна Мери, выразительно глядя на Печорина, не сказала: «Григорий Александрович, не бойтесь отпустить сестру. Варя не дите и потом она все время будет вместе с Еленой Павловной и Катей. Катя, поклянись, что не отойдешь от Варвары Александровны ни на шаг!» – последние слова прозвучали не шутливо, а с полной серьезностью, и Елена Павловна Фадеева так же серьезно заверила Печорина, что они с Катериной понимают его братскую тревогу и обещают, что Варя будет в надежных руках.

Скрепя сердце Печорину пришлось согласиться – дальнейшая его настойчивость могла бы показаться просто невежливой.

Елена Ган тоже ушла вместе с матерью и сестрой, и Печорин остался в гостиной вдвоем с княжной.

— Вы боитесь за Варю после утреннего происшествия на кладбище? – спросила Марья Сергеевна.

— Да, – должен был признаться Печорин. – И не понимаю почему она ни в коем случае не хотела, чтоб я сопровождал ее. Что за детское упрямство!

— Не понимаете? – княжна посмотрела с лукавством

— Боже, — догадался Печорин, — там, вероятно, будет этот польский Аполлон, у них назначена встреча, и Варя не хочет, чтоб я при этом присутствовал.

— Именно так, — подтвердила княжна. — Вы стали на редкость недогадливы в любовных делах, когда сами перестали в них практиковаться!

— À propos, что Вы знаете об этом высокомерном шляхтиче, княжна? Варя бежит разговора о нем, а мне за происшествиями последних дней никак не удалось с ним поговорить.

— Ну, во-первых, он не шляхтич, а узаконенный польский дворянин из довольно знатного в их стороне рода. Отец его служил в русской службе, вследствие долгой тяжбы потерял большую часть своего имения, остатки были разграблены в последнюю кампанию, в которой Вы, кажется, тоже участвовали.

— Да я был в польской кампании, но мои солдаты имений не разоряли.

— Но, кажется, господин Красинский все же смотрит на Вас как на одного из виновников своего разорения — по крайней мере, он был неприятно поражен, когда узнал, что Вы Варин брат. Это может показаться странным, если не знать характера господина Красинского.

— А каков его характер на Ваш, княжна, взгляд?

— Его душа открыта высокому, он благороден, он нежнейший сын, но, по-моему, он честолюбив и горд до озлоб-

ления. Малейший намек на презрение или высокомерие способен довести его до бешенства. Самолюбие его раздражено донельзя. Но Вы же знаете, что Ваша Варя – ангел, она кого угодно может укротить – при ней он смирен, как голубь.

— Честолюбив до бешенства и навверное, злопамятен, – пробормотал Печорин.

— Что? – переспросила княжна.

— Ничего, это я так. Как Ваша рана – не болит? – перевел разговор на другое ее собеседник.

— Все в порядке, благодарю Вас. Доктор сказал, что через пару дней можно будет снять повязку. Слава богу, маман поверила в историю со зловредным сучком. А что Вы обсуждали с доктором? Он тоже не верит в черкесского разбойника?

— Да, мы оба сошлись на том, что убийца скорей всего в городе, а не в горах.

— То есть человек из общества? Почему же он убивает?

— Кто может точно сказать – из мести, из корысти, из ненависти... Вы не знаете никого вокруг, кто желал бы Вашей смерти или смерти княгини Галаховой?

Мери на минуту задумалась и ответила:

— Нет, нет! Такие ужасы встречаются только в романах госпожи *Radcliffe*

— А между тем четыре человека убиты – и не романном героем. Княжна, обещайте мне, что Вы будете осторожны, и никогда и никуда не отправитесь в одиночку. И, пожалуйста, присмотрите за Варей, когда я не с ней – душа моя неспо-

койна.

— Заверяю Вас, Григорий Александрович, что мы будем теперь ходить только вдвоем, а лучше втроем – после сегодняшнего происшествия я понимаю, что все это совсем не шутки.

Расставшись с княжной, Печорин зашел в сестре, и, убедившись, что она жива-здорова и собирается провести вечер у постели тетушки, отправился к себе на гору. По дороге он еще раз попытался в подробностях припомнить ту историю, которая свела его со Станиславом Красинским в Петербурге. Он вспомнил со стыдом, как рассказывал в ресторане «Феникс» анекдот о чиновнике, которого тем утром чуть не задавил на Невском, как высокомерно разговаривал с оказавшимся тут же Красинским, как презрительно высмеивал его отказ от дуэли «под предлогом» (как казалось ему тогда) заботы о старой и больной матушке. Да, Красинский мог бы – и даже должен был! – считать его смертельным врагом и желать отмщения. Каково же ему было узнать в брате девушки, которую он, возможно, полюбил, петербургского белосултанника, чуть не задавившего его и потом еще принародно унизившего. Печорин вдруг явственно вспомнил слова Красинского в ответ на его дуэльный вызов: «Вы думаете, что я буду достаточно вознагражден, когда всажу вам в сердце свинцовый шарик! ... Нет, я бы желал, чтоб вы жили вечно и чтоб я мог вечно мстить вам».

Способен ли Красинский, упиваться счастьем отмщения,

отнимая все, что Печорину дорого? Злопамятство, сосредоточенность на одной страсти, вспышки бешенства – не похоже ли это на то безумство, о котором они говорили с Вернером? А Варя? В опасности ли Варя? Любит ли ее Красинский или только притворяется, чтоб подобраться поближе?

Растревоженный этими мыслями Печорин уснул только под утро.

Глава третья. Тайны, секреты и подозрения.

После завтрака Печорин зашел за сестрой и отправился с ней на прогулку, по дороге пытаясь выведать у нее правду об ее отношениях с Красинским. Стараясь быть доброжелательным и мягким, он уверял, что, разумеется, видит их взаимную симпатию и не имеет ничего против, но хотел бы как брат больше знать об ее избраннике. Варя повторила свой рассказ о том, что она познакомилась Красинским через тетушку, приятельствующую с его матерью, что Станислав – примернейший и нежнейший сын и уже много лет жертвует ради своей больной матушки всем, даже своим характером: он не сделал карьеры, достойной его честолюбия, потому что не имел возможности принимать должностей, которые заставили бы его надолго разлучаться с матушкой. Карьера его движется, но медленно, потому что – надо быть честной – из-за своего гордого и непреклонного характера он не всегда ладит с начальниками. Но в душе – он добр и прекрасен.

— Да у тебя Варя все добры и прекрасны – даже твой бес-

путный брат, – с улыбкой посмотрел на сестру Печорин.

— Ты такой и есть. А знаешь, мне Станислав рассказывал, что он знал некоего господина Печорина и тоже офицера, с которым у него вышла очень неприятная история, чуть не закончившаяся дуэлью. Я сказала ему, что это, наверное, был один из воронежских Печориных, родственников наших по батюшке, у них в нашем роду дурная слава.

— А не подвержен ли господин Красинским неожиданным припадкам возбуждения, не впадает ли он иногда в излишнюю ажиотацию? – хотел спросить Печорин – и не спросил, глядя на беззаботную, счастливую Вареньку, которая покраснелась от смущения и удовольствия, рассказывая о человеке, который был ей явно небезразличен.

Печорин отвел сестру к Лиговским, еще раз взяв с нее, Кати и Мери слово, что они нигде не будут ходить по одиночке, и отправился к доктору, чтобы рассказать о своих подозрениях по поводу Красинского.

— Теория неплоха, – сказал Вернер. – Но какого числа ваш враг приехал в Пятигорск? Мог ли он зарезать кирасира и двух девиц? И зачем ему их-то убивать?

— Когда приехал, надо выяснить. А девиц и Мстиславова мог и правда убить какой-нибудь абрек, а Красинский решил замаскировать свою месть под черкесскую. Я не на шутку боюсь за Варю, да и за княжну Лиговскую. Раздраженный неудачей, злодей (кто бы он ни был!) может повторить свою попытку. Но надеюсь на благоразумие Мери и особенно – на

заботливость госпожи Фадеевой.

— А я хотел предложить Вам прогуляться до госпиталя, встретиться с моим

коллегой – доктором Мойером, он больше моего интересуется душевными болезнями и может нам рассказать о том, какого сорта бывают безумцы и попадает ли Ваш польский Аполлон под их классификацию.

Доктор Мойер с завидной обстоятельностью рассказал им о современном взгляде передовых европейских докторов на безумцев и безумие, о новых методах лечения, применяющихся в домах умалишенных, пересказал в подробностях статью англичанина Притчарда, присовокупил наблюдения из собственной врачебной практики. К концу второго часа Печорин едва сдерживал зевоту, думая о том, не является ли такая педантичность и скрупулезность одним из видов безумия или того хуже – пытки.

Между тем ничего нового по сравнению с тем, что гораздо короче поведал Печорину накануне Вернер, его коллега не сообщил. Мойер тоже утверждал, что есть безумцы, маниакально сосредоточенные на какой-то идее – они ведут себя совершенно разумно, как обычные люди, но в моменты приступов бешенства, которым такие, можно сказать *маниаки*, подвержены, они убивают – ради этой своей идеи. Другие же душевнобольные слышат голоса или видят самого дьявола, повелевающего им совершать кровавые преступления. Но,

заметил доктор Мойер, некоторые больные душой думают, что слышат не призывы врага рода человеческого, а наоборот, голоса херувимские или ангельские, которые велят им спасти невинную душу или остановить грешника на пути порока. Убивая, такие больные считают себя рукой Бога, спасителями, а не погубителями.

Последние замечания доктора неизвестно почему показались Печорину знакомыми, – наверное, уже попадались на глаза в какой-нибудь журнальной статейке.

Обедать доктор Вернер с Печоринным были позваны к Лиговским, где собралось все знакомое общество. За столом разговор зашел о тайнах и загадках. Андрей Михайлович Фадеев (под большим секретом) рассказал про своего бывшего Екатеринославского начальника – генерала Инзова, о происхождении которого ходили весьма загадочные слухи. Рассказывали, что к князю Юрию Петровичу Трубецкому его друг, небезызвестный граф Яков Брюс, привез маленького мальчика и просил оставить его жить и воспитываться в семье князя, а о деньгах на содержание ребенка, ему, мол, заботиться не придется. На вопрос Трубецкого: «что же это за мальчик, кто он такой?» Брюс ответил: «что это должно оставаться тайною, которую он теперь открыть не может, а откроет только перед смертью и только ему одному». Трубецкой просил сказать, по крайней мере, как мальчика зовут, как его фамилия? На это Брюс ему сообщил, что мальчика зовут Иван, а фамилия его Инзов. Этим ограничились

все его сообщения, более от него ничего не добились. Фамилия *Инзов*, очевидно сокращенная от двух слов – *иной зов*, или – *иначе зовут*, представляла широкое поле для догадок всякого рода и заставляла предполагать вероятное намерение скрыть настоящее имя или происхождение. Но загадка, так и осталась загадкой и никогда ничем не разъяснилась. Ходили слухи, будто бы он был сын одного очень высокопоставленного лица и еще другие столь же проблематические. По крайней мере, когда уже по смерти Брюса Трубецкой привез юношу в Петербург и передал его историю через свои связи при дворе императрице Екатерине, семнадцатилетний Инзов тотчас был зачислен на службу в гвардию да сразу в чине премьер-майора, и получил к тому же три тысячи червонцев на обмундирование и обзаведение. Службное его поприще продолжалось довольно успешно. И если Иван Никитич до сих пор не сделал блестящей, видной карьеры, то единственно по недостатку всякого стремления к ней, отсутствию честолюбия и претензии на какие бы то ни было военные или гражданские доблести. Хотя служил он в военной службе, но натура его совсем не воинственная. Он человек добрый, с познаниями, совершенно бескорыстный и весьма благочестивый. Я счастлив, что имел честь служить под его началом, дай Бог ему здоровья и долголетия, – закончил свою историю Андрей Федорович, подняв бокал за здоровье генерала.

— Конечно, не у каждого имя окружено такими странно-

стями и загадками, но свои тайны есть, наверное, у всякого, — сказала Елена Ган.

— Ну, это ты, Леночка, говоришь как писательница, в романах-то, конечно, нужны тайны да загадки, иначе читатель и страниц в книге не разрежет. В жизни все проще, может, и про Ивана Никитича все только досужие слухи.

— Нет-нет, я уверена, что не бывает людей без секрета, — воскликнула Катерина, — ну разве что наша маман.

— Доктор, а у Вас есть какой-то секрет? — шутливо обратилась Мери к доктору Вернеру. — За что Вас прозвали Мефистофелем? Почему Вы Вернер, хотя и Иван Иванович? Почему Вы всегда в черном?

— Господи, сколько вопросов зараз. Никакой тут тайны нет. Дед мой по отцу был немцем, но русской крови во мне много больше. Имя мое мне не идет, да и фамилия тоже, Werner ведь защитник, стойкий воин. А я — какой же я воин и даже стоек не слишком, — проговорил доктор, намекая на свою хромую ногу. — А Мефистофелем шутники здешние меня прозвали за то, что безобразен, хром и хожу в черном.

— А я думаю, что знаю Ваш секрет, доктор! Признайтесь, что Вы пишете не только злые эпиграммы, но и трогательные стихи! — продолжала подшучивать княжна Мери, но по тому, как доктор вдруг засмутился и отвел глаза, — она поняла, что ненароком угадала и выдала настоящую тайну доктора Вернера.

Отзывчивая сердцем Варенька Печорина, заметив это, тут

же бросилась на помощь доктору

— Я знаю человека, у которого гораздо больше секретов и мрачных тайн! – она выразительно посмотрела на брата.

— Дорогая сестрица, все мои тайны – дела давно минувших дней, они глупы и никому не интересны, – сказал в ответ на ее взгляд Печорин.

— Нет-нет, Грег, я не тебя имею в виду, а этого человека с портрета в нашей гостиной, ты еще называл его байроновым Ларой. Вот у того были действительно страшные пронзительные глаза и улыбка настолько презрительная, что девочкой я всегда проходила мимо этого портрета зажмурясь. Думаю, у того, с кого этот портрет списан – много тайн. И знаете, господа, тут есть офицер, который весь на этот портрет похож.

— Ах, да, –прапорщик Ларин, он, кажется, из осужденных по делу 14декабря, которых перевели на Кавказскую линию из Сибири. Впрочем, – Печорин вспомнил поведение Ларина во время их совместного патрулирования – он сам об этом предпочитает, кажется, не распространяться, тайн своих выдавать не хочет. А «декабристов», как их называют, я видел в деле – плохого ничего сказать о них не могу, храбрые воины и хорошие товарищи.

Варенька, заметив, что разговор опять приобретает серьезный и даже опасный поворот, сказала кокетливо:

— А вот у нас, у девиц, никаких мрачных тайн, правда, Мери?

— Зато секретов от матери полно, – не утерпела попенять дочери княгиня Лиговская.

— Маман, маленьких секретов нет только у очень скучных людей, – возразила Марья Сергеевна. – Кстати помните ли Вы, что завтра мы все званы к Горшенковым, они дают вечер в честь именин Елизаветы.

У полуоткрытой двери в гостиную стояла Леля и с интересом слушала разговор взрослых. «Тетушка» Надя подошла к ней и за руку утащила отчаянно сопротивляющуюся Лелю в сад.

— Леля, ты опять подслушивала у дверей! Так нельзя делать, это неприлично и недостойно!

— Ну и что! А мне не интересно вовсе слушать ваши с Зизи разговоры по куколок и платьяца! Правда и у взрослых разговоры тоже скучные и секреты у них смешные

— А твой придуманный таинственный Индус еще смешнее.

— Индус-то вовсе не придуманный. Он мой Хранитель и спасает меня во всех бедах.

— В каких таких бедах?

— Пойдем в беседку, я тебе расскажу, – Леля поманила рукой, и Надя пошла за ней как сомнамбула.

— Помнишь, у бабушки в доме висела картина высоко на стене, прикрытая белым покрывалом? Я была совсем малюткой и мне страсть как хотелось на нее посмотреть. Я просила снять покрывало, но никто меня не послушал. Тогда

я пододвинула к стене стул, на него поставила столик, а на столик еще один стул, взобралась туда, опираясь на стенку, и дернула за край покрывала. Но тут все подо мной закачалось и больше ничего не помню. Я очнулась и увидела, что я по-прежнему одна в комнате, лежу на полу невредимая, а стулья и столик на прежних местах стоят. А на стене, – хрустально-голубые глаза Лели засверкали фосфорическим блеском, – а на пыльной стене под картиной отпечатки моих ладоней! Это он, мой Хранитель, меня спас. А картина на другой день исчезла, и никто не хотел мне сказать, что на ней было! Вот это тайна, я понимаю! – а не скучные ваши секретики!

— И еще знаешь, что тебе скажу, – Леля смотрела так пронзительно, что Надя почувствовала себя маленькой мышкой перед страшной усатой кошкой, – Я умею разговаривать (тут Леля понизила голос до шепота) – с мертвыми! Можно позвать душу из другого мира, и она будет на твои вопросы отвечать! Правда-правда!

— *Les filles, où êtes-vous !*⁷ Надин, Леля, мы вас ждем! – раздался голос Катерины, – и наваждение исчезло: Надя увидела перед собой не таинственное существо с горящими глазами, а маленькую выдумщицу-племянницу. Она замахала руками: «Вечно ты всякую ерунду придумываешь, тьфу на тебя!» – и девочки, взявшись за руки, побежали в дом.

Глава четвертая. Именины

---

⁷ Девочки, вы где? (фр.)

Гостиная в доме, который снимала чета Горшенковых, была полна гостей. Казалось, все водяное общество решило поздравить хозяйку и заодно засвидетельствовать почтение ее влиятельному супругу. Дамы в вечерних платьях всех расцветок с широкими по моде рукавами блистали белизной плеч, соревнуясь в смелости вырезов, и только у именинницы декольте было целомудренно прикрыто фишю из нежнейшего батиста, а рукава, сужаясь, обтягивали руку до самого запястья. Водяные сплетницы сочли это очень уместным – не так уж много найдется желающих любоваться жилистой шеей, сухими плечами и худощавой ручкою.

Печорин подошел к Елизавете Николаевне с поздравлением, справился о здоровье, о том, как протекают курортные дни. Госпожа Горшенкова отвечала неохотно, как будто через силу, наклоняла головку с тугими локонами у висков поптичьи вбок и вообще была похожа на какую-то полузадушенную пичугу или увядший до времени цветок. Печорин не знал, как вежливо закончить эту тягостную беседу, но на выручку подоспела Варя, и он, поклонившись, отошел, успев заметить, что после его ухода Елизавета Николаевна, кажется, оживилась. «Варя обладает удивительной способностью вдохнуть жизнь даже в полумертвого», – с восхищением подумал Печорин о сестре.

Вечер двигался по заведенной колее. Старички играли в карты, молодежь весело смеялась, дамы щебетали в саду, где играл курортный оркестрик, солидные мужчины сгрудились

вокруг хозяина и предались серьезным разговорам: рассуждали будет ли толк от задуманной Киселевым крестьянской реформы. Большинство сходилось в том, что лучше бы ничего и не трогать – любые перемены только к худшему, не нами заведено, не нам и кончать. Горшенков рассказывал, как ездил в Курскую и Тамбовскую губернию для ревизии государственных имуществ, давая понять, что он будет не последней фигурой в новом киселевском министерстве, образование которого – дело решенное и поддержанное Государем.

Печорин быстро заскучал, в нем поднималось волной раздражение. Ему было невыносимо смотреть, как заискивают перед Горшенковым люди, которые еще два-три года назад подумали бы, пускать ли на порог этого тонкогубого господина весьма сомнительного происхождения. В свое время ходили слухи, что он вообще был брошен отцом и воспитывался где-то в глуши грубой и невежественной мачехой, от которой отец и сбежал, скинув ей на руки дитя. А теперь смотрите-ка: чуть ли не столбовым дворянам покровительствует, «в чины выводит и пенсии дает».

Миновав ломберный столик, где игроки в вист начинали очередной роббер, обойдя стороной компанию молодежи, затеивающую игру в фанты, взглянув на офицеров, флиртовавших в саду с кокетливыми дамами, Печорин с горечью заметил, что для каждого из этих кружков он чужой. Он и сам чувствовал себя неуместным в любой из этих компаний,

да, по правде сказать, и его общества не слишком искали: у него была репутация человека недоброго, острого и злого на язык. Но что хуже всего – его дурная слава уже постарела и потускнела, как всякая позапрошлогодня новость, а ветераны светских скандалов – как и всякие ветераны – самые жалкие создания.

«Наверное, – подумал Печорин, – я все же принадлежу к числу лиц, один вид которых порождает недоброжелательство. А впрочем, какое дело мне до всех этих людей – зачем мне всматриваться в них и стараться сблизиться с ними, – не собираюсь же я, подобно госпоже Ган, заняться сочинением романов во французском вкусе. Я забуду о них быстрее, чем они обо мне, быстрее, чем они забыли об убитых девицах и Вере, которых так театрально оплакивали. Но не прошло и двух недель – и все весело щебечут, будто ничего и не было».

Исполненный таких невеселых мыслей он вышел в сад и присел на скамью рядом с раскуривавшим трубку комендантом. Вопреки умозаключениям Печорина, комендант завел с ним разговор именно о трагических происшествиях. Он пересказал уже известную поручику историю о том, как арестованного абрека убили при попытке к бегству и прибавил: «Вот ведь душегуб какой – пять жизней на его счету».

— Как пять? – удивился Печорин.

— А есаулова дочь, Настя, которую в казацкой слободке-то убили, помните? Все грешили на ее жениха, который зарезал ее из ревности, а оказалось, что и здесь скорее всего

черкес виноват. Третьего дня пришли ко мне двое его товарищей и рассказали, что накануне пировали с ним в соседней станице. Помогли там бабе свинью зарезать, вот она им и устроила праздник. Урядник, ну жених-то этот, и другой его товарищ напильсь, как эта зарезанная ими свинья (комендант сам засмеялся неожиданно случившейся остроте). Старший товарищ сгрузил их в повозку уже поутру и, проезжая мимо слободки, женишка-то пьяного и скинул мешком на сеновал. Значит не было урядника дома той ночью, когда девицу зарезали, а кровь, что на нем нашли и сочли за доказательство – это свиная кровь была. Пришлось молодчика отпустить, он и сам-то по девке зарезанной больно убивался, хоть та и была бесомыжница⁸. Но красавица была – это да. Казачки-то обычно смуглые, черноглазые да черноволосые, а у Насти этой волос белый, глаза серые да с поволокою, ну чистая русалка.

— То есть она блондинка была, эта зарезанная невеста?

— Ну да, говорю же – как распустит свою косу, так волос золотом и отдает! Было очевидно, что и сам комендант не раз засматривался на грешную Настасьину красоту.

— Так что вот, думаю, пять душ погубил нехристь, да – в добрый час и сам отдал богу душу. Но, может, теперь он песни слушает в их басурманском раю, они ведь думают, что каждая погубленная христианская душа у ихнего аллаха в зачет идет.

---

⁸ Гулена, распутница (диалект.)

На террасу вышла Варя и стала оглядывать сад в поисках брата. Печорин, попрощавшись с комендантом, подошел к сестре.

— Я пойду, Грег, тетушка, наверное, уже заскучала одна. Проводишь меня? Я уже сказала Елизавете Николаевне, что нам с тобой нужно будет уйти.

— Значит это не вопрос был, а все уж решено, и мне остается только исполнять высочайшие распоряжения! Впрочем, я рад и уйти, и тебя проводить, — улыбнулся Печорин, подавая Варе руку.

Глава пятая. Литературные разговоры.

Они пошли по бульвару к Вариному дому. Вечерний вечер бы упоителен, с вершин гор, которые сжимали городок в своих ладонях, струилась прохлада, и юный месяц серпом стоял прямо над липовой аллеей.

— Ты знаешь, — сказала Варя, — мне так жалко мадам Горшенкову. Она мне кажется, так и не оправилась, потеряв в одночасье всех своих родных, да еще и младенца. Хоть она говорит о своей жизни и своем супруге в превосходных выражениях, но тон ее речи противоположен словам. В этом тоне я слышу боль и тревогу.

— Милая, милая моя Варета, — Печорин приобнял сестру за плечи. — Тебя хлебом не корми, только дай кого-то пожалеть. Не пройдешь мимо нищего, чтоб не подать копеечку, хотя этот нищий, может, только рядится в рубище.

— Да хоть и рядится – тот, кто выбрал эту жалкую роль, нуждается в жалости хотя бы поэтому.

– Ну это уж философия для моего ума непостижная, – ответил Печорин, поднимаясь на крыльцо дома, где квартировала Варя с тетушкой.

Тетушка не спала. Она пожаловалась, что не может уснуть, пока Варя ей не почтает на ночь. На столике возле кресел лежали томики «Библиотеки для чтения».

— Ты читаешь тетушке русские журналы? – удивился Печорин.

— Да, она большая охотница, до стихов особенно. Читаю ей все, да не все ей по вкусу.

— Да, вот господина Бенедиктова новомодного стихи не люблю, – проворчала тетушка, – больно уж цветисты, прямо в глазах рябит.

— А сказка Пушкина в народном духе про золотую рыбку ей понравилась, – улыбнулась Варя.

— Да это и не сказка вовсе, а быль про то, как ужасно, когда мужчина слаб и не имеет желаний, – вот тогда женщина им и вертит, как хочет, хоть земная, хоть водяная.

— Вот слышишь, Грег, какая у нас Серафима Михайловна философка! А тетушкин favorite – Жуковский Василий Андреевич. Главы из «Ундины» в «Библиотеке» мы несколько раз перечитывали и выписали полное издание. Помните, ma tante, как у него там некто Белый, огромный сквозь деревья

зубы скалит – читаешь, аж дух захватывает! И исторические романы мы с тетушкой читаем, вот сейчас Загоскина сочинение про Кузьму Рощина.

— А вот еще поговаривают, – включилась в разговор Серафима Михайловна, – что у Пушкина покойного в журнале были какие-то записки из времен императрицы Екатерины напечатаны, все прошу Варюшку найти. Там, говорят, про Пугачева и его разбои.

— Это, вероятно, «Капитанская дочка», повесть – ответил Печорин, – но та самого Пушкина сочинение, он его выдал за *mémoires* некоего Гринева, который якобы с самим разбойником встречался. А почему Вы хотите прочесть, *ma tante*?

— Так ведь и я, батюшка, с ним тоже встречалась, с разбойником-то. Ну встречалась – это я так прибавила, – видела через дырку в заборе, как его в клетке везли. Мне тогда лет десять было, а его по осени держали месяц у нас в Симбирске. На него можно было и поглядеть пойти в установленные часы, если кто любопытствовал. Детей, конечно, не пускали, а батюшка мой ходил... Воротившись, все удивлялся, что изверг образа вполне человеческого. Даже, говорят, со стариком Рычковым слезы лил об его сыне, коменданте нашем симбирском, Андрее Рычкове, которого его же злодеи и убили.

— Тетушка, я велю Аграфене Вам грелку налить и уложить в постель! – прервала Варя литературную беседу.

Когда она вышла из комнаты, Серафима Михайловна об-

ратилась к Печорину:

— А вот что ты, дорогой племянник, думаешь – Станислав Красинский – подходящий Варваре жених? Мать его давно знаю и сын он примерный, но ведь беден, как церковная мышь, и в карьерах недалеко пошел. С собой, конечно, хорош, но красота для мужчины что за капитал? Ох, не знаю, что и делать. На всякий-то случай слежу, чтоб вдвоем они не гуляли, а то быстро дельце-то сделается.

– Вот это очень правильно, ma tante, надо присмотреться, к чему тут спешить.

— Ой, да Варюшка-то уж не молода, как бы в девках не засиделась, – тетушка заохала, заворочалась в креслах. Тут в комнату вошли Варя с Аграфеной, и Печорин, пожелав всем доброй ночи, откланялся.

Забираясь в гору к своему дому, Печорин думал о том, насколько сомнительно предвзятое мнение о человеке. Вот он был уверен, что тетушка прескучнейшее создание и изводит великодушную Варю разговорами о болезнях и назиданиями, а она, гляди ты – следит за литературными новинками и делает критические замечания. Надо бы ее познакомить с этим Катиным «недоспасителем», как его Нелинский? Белинский? – тот тоже, кажется, критические обзоры пишет. А то, что в отношении романов не в стихах, а в жизни, тетушка консерватор – это очень хорошо, можно быть поспокойнее за Варю. И надо, надо наконец попристальней приглядеться

к этому польскому Аполлону.

Глава шестая. Все те же подозрения.

Следующим утром Печорин решил перед визитом к Вернереу, навестить могилу Веры. Он до сих пор испытывал досаду на веселье и беззаботность вчерашнего именинного вечера, на то, как быстро, словно облачко в ясный день, растаяла память о погибшей княгине, которую знали многие из гостей.

На кладбище в этот ранний час было пусто. Глубокая тишина и открывавшийся вид на Эльбрус, который так любила Вера, примирали с вечностью. Печорин, постояв у могилы, стал спускаться по тропе вниз. Из церковных ворот вышла дородная купчиха и стала озираться, вероятно, в поисках служанки или слуги. Не дождавшись появления помощника, женщина попыталась начать спуск одна, но тут же оступилась и заохала. Печорин подошел, представился и предложил помощь. Купчиха так грузно налегла на его руку, что Печорин засомневался кто кого: он ли ее спасет или она его погубит. Они стали медленно спускаться. Спутница его, назвавшаяся Капитолиной Дормидонтовной, говорила без умолку, даром, что страдала отдышкой. Она нахваливала священника здешней церкви: такой уж он добрый да обходительный, не то, что новый дьякон – тот до того суров, что за малый грех кажется готов уже и распять, ничего не попускает. А кто же может без греха прожить на этой грешной земле?!

Вот за ней самую тоже грех водится, да еще и из смертных – чревоугодие. Даже в пост не может иногда утерпеть: нет, да и съест кусочек курочки или яичко. А дьяк говорит, что раз жить без греха нельзя, то лучше грешникам и вовсе не жить – чем меньше нагрешили перед смертью, тем легче им по смерти-то будет. А кому же...

«Васька, стервец, ты где шлялся, скотина! – заорала вдруг Капитолина Дормидонтовна и, оставив руку Печорина, навалилась на дюжего детину – вероятно, пропавшего слугу.

«Благодарю Вас премного, господин поручик», – скороговоркой сказала купчиха и всецело сосредоточилась на грехе сквернословия. Печорин же, освободившись от груза, направился к дому Вернера.

Поздоровавшись с доктором, он с улыбкой рассказал о вечернем визите к тетушке и их литературных беседах.

— Русские журналы читают? – удивился доктор. – А помните у Пушкина как-то там: «Я слышал дам хотят заставить читать по-русски. Вот так страх. Могу ли их себе представить с «Благонамеренным в руках»?⁹ Кстати один мой давний пациент, пензяк Сонцов убеждал меня, что в этих строках есть лукавство, и что тут автор сует в руки дамские то, что у нас между ног.

Посмеявшись над шаловливыми фантазиями пензенского помещика, приятели перешли к обсуждению темы, которая

---

⁹ Неточная цитата из романа «Евгений Онегин».

последнее время стала главной в их разговорах.

Печорин пересказал вчерашний разговор с комендантом об есауловой дочке. Значит жертв пятеро, четверо светлоглазых блондинок и корнет Мстиславов. Да еще не забыть про нападение на княжну Лиговскую.

— А что Ваш польский мститель, по-прежнему под подозрением? – спросил Вернер.

Печорин пожал плечами. С одной стороны, ему трудно было допустить, что Варя питает нежные чувства к хладнокровному убийце, с другой – он вспоминал бешеный взгляд оскорбленного Красинского.

— Человек, как Вы и сами знаете, любезный доктор, чаще всего не то, чем он кажется, а ангельская внешность подозрительна вдвойне. По крайней мере за свою жизнь я не встречал ни одного человека с ангельской внешностью, который и жил бы по-ангельски безгрешно. Напротив, если Бог наградил красотой, а денег и власти в руки не дал, то почти неизбежно Люцифер становится Сатаной. Но надо наконец узнать, когда наш поляк приехал в Пятигорск и имел ли он возможность совершить убийства. Если нет, то не стоит и время на него тратить.

— Ну Вам, дорогой друг, и карты в руки, а я пойду, меня больные заждались, – сказал Вернер, пропуская Печорина вперед и запирая дверь. – и Вам бы, Григорий Александрович, не худо кислой водички попить, а то и ванну принять – выглядите Вы не лучшим образом, – заметил доктор, ре-

шив, видимо, начать свой врачебный обход прямо на пороге квартиры.

Глава седьмая. Подозреваемые старые и новые.

На Елизаветинской галерее, как всегда, толпился народ. одни ждали очереди в ванны, другие ходили скорыми шагами, ожидая действия вод, третьи прогуливались, надеясь услышать свежие слухи и новости.

Варя в сопровождении Елены Павловны и Екатерины Фадеевых шла рядом со слугой, катившим коляску, на которой под большим зонтом сидела тетушка.

— А где же Ваша подруга – мадам Красинская, ma tante? – спросил Печорин, наклонившись и целуя руку Серафимы Михайловны.

— Да вот припозднилась что-то сегодня.

— А Вы ведь с ней, наверное, соревнуетесь в том, кто больше ванн принял? – улыбнулся Печорин.

— Ну, наверное, вровень идем с Доротеей Адамовной

— А она разве не раньше Вашего к лечению приступила?

— Да нет, они только на день раньше нашего приехали, да, Варюшка? Ну да, накануне нашего приезда, как раз в тот день, когда тут госпожи Ган внучка эту несчастную девицу нашла, спаси Господь ее душеньку, – тетушка перекрестилась.

— А вот и Доротeya Адамовна! – Серафима Михайловна замахала приближавшимся Красинским.

— Вы ведь на день раньше нашего сюда на воды приехали? – спросила она, поздоровавшись с приятельницей.

— Точно так, но до этого я еще неделю у Железной горы купалась в Калмыцких ваннах. Так доктор мой советовал – сначала на железные воды, потом на горячие, а после уж на кислые.

«Вот значит как», – подумал Печорин. Девицу Корнееву с кирасиром нашли убитыми недалеко от Шотландки, а это на полпути из Железноводска в Пятигорск. Красинский, как Варя говорила, хороший наездник, даром, что штатский, вполне мог добраться до Карраса, пока матушка после ванн отдыхала. А в день убийства Песцовой он уже тут был, в Пятигорске. *Ouah! Je t'ai eu!*¹⁰ – Печорин почувствовал такое возбуждение, будто уже поймал преступника за воротник. Положа руку на сердце, он не мог не признать, что ревнует к Красинскому сестру, сердце которой раньше принадлежало ему безраздельно. А за убийцу Варя никак замуж не пойдет при всем ее бесконечном милосердии и великодушии.

— Григорий Александрович, доброе утро! – слышался позади его голос княжны Мери и, извинившись перед тетюшкой, которую слуга в сопровождении Вари уже покатыл к ваннам, Печорин обернулся и поцеловал руку Марье Сергеевне, которая при этом прелестно нахмурила брови: только накануне она проповедовала, что надо вывести эту моду на целование дамам рук и перейти на всеобщие рукопожатия.

---

¹⁰ Ух ты! Попался! (фр)

Зачерпнув из колодца сернокислой воды, Печорин с княжной, уселись на зеленую скамейку.

— Как движется ваше с доктором расследование? Или вы уже согласились с тем, что все это дело рук мстительных горцев?

— Нет, дорогая княжна, продолжаю считать, что черкесы здесь ни при чем. Один наш общий знакомый кажется мне весьма подозрительным.

— Кто же? – с любопытством спросила княжна.

— Увы, это господин Красинский, столь привечаемый мной милой сестрой – ответил Печорин

— Красинский, но...

Княжна не успела договорить, потому что Печорин поднялся со скамьи, увидев Вернера, который так быстро, как позволяла хромая нога, бежал по галерее.

Печорин, извинившись перед княжной, встал и поспешил навстречу доктору.

— Мне надо сказать вам нечто чрезвычайно важное. – запыхавшись, проговорил Вернер. – Отойдемте в сторону!

Доктор остановились на краю горы и, прислонившись к углу домика, снял шляпу, отер платком мокрые редкие волосы на своем неровном черепе и сообщил:

— Я только что навещал с медицинским визитом господина Раевича.

— А он болен? Я думал, что у него только одна болезнь – игромания.

— Подождите шутить, Печорин. Он не болен, но мнителен и прибегает к регулярным осмотрам. Но дело не в этом. Пока он раздевался за ширмой, я сидел у него комнате на стуле возле секретера красного дерева и увидел, что один из ящичков приоткрыт и там что-то сверкает. Тут во мне разыграло какое-то неприличное сорочье любопытство и я – грешен! – заглянул туда и увидел там – вы не поверите – Верин браслет! Я выдвинул ящик еще чуть дальше и увидел рядом с браслетом сережку с бриллиантом в золотой оправе и еще там была брошь, какой дамы застегивают платочек или фишу, – довольно простенькая. Разглядеть как следует я не успел, боялся, что Раевич вот-вот выйдет из-за ширмы – и задвинул ящик бюро. Если браслет княжны Галаховой, сережка – девицы Песцовой, то брошь, может быть, принадлежала первой жертве. Неужто этот московский фронт Раевич и есть наш убийца? Но, дорогой друг, я должен спешить, меня ждет еще одна пациентка. А Вы подумайте, подумайте!

И, доктор, прихрамывая больше обычного, удалился, оставив Печорина в полном недоумении.

Глава восьмая. Базиль Раевич.

Пациенткой, которую намеревался посетить доктор Вернер, была московская барыня Софья Никитична Зубова, прозванная молодежью салона Лиговских Добчинским (или Бобчинским – кто их разберет). Зная ее «любопытный» характер, доктор рассчитывал выведать у нее сведения о Ра-

евиче. Сам он знал Раевича не первый год, тот регулярно приезжал летом в Пятигорск, «развеяться» и укрепить нервы, как он сам выражался. Чем были расстроены нервы у Базиля Раевича – бог весть. Он молодился, бегал петушком, но было ему сильно за тридцать и папильоточные кудри уже не совсем успешно маскировали начинающуюся лысину, а *joli petit ventre*¹¹, уже трудно было назвать «petit», несмотря на поддержку корсета. Раевич был щеголем – панталоны носил самые узкие, сюртуки в талию рюмочкой, жилеты и шейные платки – самых невообразимых расцветок. Человек он был явно не бедный, туалеты свои выписывал из парижских модных лавок, но все французские обновки смотрелись на нем немного кособоко, будто с чужого плеча. Раевич был со всеми знаком и втирался во все водяные кружки и общества, но как-то нигде не сумел стать «своим», вероятно, потому что был из тех, кто на вопрос «Как поживаете?» – начинает долго и со всеми мельчайшими подробностями и мучительными для собеседника отступлениями рассказывать, как провел прошедшую неделю и какие имеет планы на будущую. Вернер замечал, что некоторые курортники, завидев вдали Раевича, сворачивали в ближайший переулок или переходили на другую сторону улицы. Доктор подозревал, что Базиль ездит на воды потому, что здесь каждый год собирается новое общество, которое не имеет предубеждений на его счет. Трудно было представить себе этого скучного зануду с акку-

---

¹¹ Маленькое симпатичное брюшко (фр.)

ратным брюшком и завитым на папилютках коком в роли беспощадного убийцы.

Это так, так. Но, с другой стороны, все знали, что Раевич питает слабость к сероглазым блондинкам, а к брюнеткам испытывает какую-то необъяснимую неприязнь – на этот счет офицеры в бильярдной сочиняли скабрзные анекдоты. И наконец – Раевич был игрок. Он посещал Ресторацию, где собирались любители лихой понтировки, не каждый вечер, а по какой-то просчитанной им сложной схеме, но играл азартно, гнул пароли смело, а нередко и выигрывал соника¹². Во время игры Базиль преображался: глаза его сверкали, говорил он мало и отрывисто, и как будто даже становился выше ростом и худощавей, походил временами на охотничью собаку, хотя в остальное время, на взгляд Вернера, больше напоминал каплуна на выгуле.

По приходе к госпоже Зубовой, доктор сначала терпеливо выслушал подробный рассказ о последних злоключениях ее желудка, порекомендовал уменьшить число ванн и увеличить прием серно-кислой воды до трех стаканов в день, а потом перевел разговор на любимую тему почтенной вдовицы: обсуждение достоинств, а главное – пороков ближних своих и дальних своих. На его счастье, Софья Никитична быстро перешла к общему обзору водяного общества, сравнивая

---

¹² *Гнуть пароли* – увеличивать ставки вдвое. *Выиграть соника* – выиграть сразу, со второй карты банкмета, которая и называется соником (карточный жаргон)

столичных (гордых, спесивых, несносных), московских (пороки этих были более терпимы) и «степных» (провинциалов, вовсе уж не выдерживающих критики). Тут доктор Вернер, ловко подсуетившись, успел всунуться в критическое ревью с вопросом: «А вот Базиль Раевич, он ведь из ваших, из московских?», а дальше уж все пошло, как по маслу. Софья Никитична рассказала о том, какой богатый и хлебосольный дом у матушки Базиля (между нами говоря, глупа она, как курица, но очень, очень гостеприимна), как она любит и холит единственного своего сынка, ни в чем ему не отказывает, и он тоже сын заботливый (ну, иногда забывает матушку навещать по полгода, но тогда исправно письма пишет, деньги просит и справляется об ее здравии).

— А самого Базиля Вы давно ли знаете? – спросил доктор, продолжая направлять бурный поток речей госпожи Зубовой в нужное для себя русло.

— Так с детства знаю. Славный был мальчик, но, между нами говоря, очень капризный. Иногда просто припадки с ним случались – как захочет чего, так падает на пол и прямо бьется в припадке, ногами сучит, извивается червем, визжит поросенком. Ну мать с отцом ему сразу и суют в руки то, что он просит. Но ведь для дитяти-то извинительно такое баловство, правда, доктор? Детки часто бывают несносны, я-то знаю, хотя своих детей мне Бог не дал. Вот у Прасковьи Юрьевны, графини Кологривовой, сынок...

Доктор Вернер стоически переждал рассказ о совершен-

но невыносимом, хотя очень, очень милым сынке Прасковьи Юрьевны, который нынче пошел по Министерству иностранных дел, и, сославшись на дела, поспешил откланяться.

Глава девятая. Скандал и скандалисты.

Печорин, проводив взглядом доктора Вернера, вернулся на галерею, но никого из знакомых там уже не застал. Он решил в ожидании пока доктор закончит свои визиты, прогуляться до площадки с Эоловой арфой и обдумать неожиданные известия. Но разговор на повышенных тонах возле домика, где принимали ванны, вывел его из состояния задумчивости. Артиллерийский офицер Браницкий, оправдывая свою фамилию, бранился с каким-то штатским господином из-за очереди в ванны. В чем была причина столкновения Печорин не разобрал, но спор уже явно переходил в стадию прилюдной ссоры. Лицо Браницкого было красным и усы его воинственно топорщились; штатский напротив был бледен, но глаза сверкали, щеки дрожали и голос хрипел и прерывался кашлем.

— Если Вы полагаете, господин офицер, что офицерская фуражка дает Вам право третировать публику, то Вы глубоко заблуждаетесь! Проявляйте свою смелость и ловкость на поле боя, а не в очереди в ванны!

Браницкий побагровел:

— Не хватало еще, чтобы какой-то штафирка указывал мне, как вести себя на поле боя!

— Вы, однако, забываетесь, господин бурбон! — видно было, что штатский, несмотря на то что был довольно тщедушен и на голову ниже Браницкого, готов броситься на противника барсом и разорвать его на части.

Печорин, зная Браницкого как человека вспыльчивого и известного бретера, поспешил к приятелю. Еще два года назад он удовольствовался бы ролью зрителя этой трагикомической сцены, находя в ней еще одно доказательство ничтожества человеческой природы, но теперь поручик не на шутку обеспокоился, как бы дело ни дошло до дуэльного вызова. Браницкий стрелок отменный, а его противник, возможно, ни разу и пистолета в руках не держал!

С другой стороны галереи к месту ссоры приближался полноватый молодой господин с тростью, махавший рукой разгоряченному штатскому: «Виссарион Григорьич, вот ты где, а я тебя повсюду ищу!»

В эту минуту Печорин понял, что неистовый спорщик — тот самый литератор Белинский, над которым мягко посмеивалась Катерина Фадеева и о котором с почтением отзывалась ее сестра-писательница. Воспользовавшись тем, что Белинский повернулся навстречу своему приятелю, Печорин, подошел к Браницкому и начал забрасывать того пустыми вопросами, шаг за шагом отводя от места скандала. Капитан поначалу уворачивался и был явно настроен на то, чтобы поставить на место зарвавшегося шпака, но Печорин со словами: «Брось, Николай, ты посмотри на него, он же сейчас ду-

шу выкашляет, стоит ли он твоей пули», – увлек артиллери-ста за собой, не давая времени передумать.

Браницкий, все еще продолжая гневаться, проворчал: «Что-то ты миролюбив стал, Григорий Александрович, как монашка или кисейная барышня, не по-нашему это», но так как его противника тоже поспешно увели с линии столкнове-ния, капитану ничего не оставалось, как удалиться, все еще сжимая на ходу кулаки.

Печорин, продолжая путь на гору к беседке, размышлял о том, как много есть людей, вполне разумных и спокойных на вид, но при случае легко впадающих в ажиотацию. Он вспоминал бешеные глаза литератора, хриплый голос, пол-ный ярости в ту минуту, когда Браницкий унизил его и за-дел самолюбие. Наверное, будь в руках господина Белинско-го нож, он, не раздумывая, воткнул бы его в капитана.

«Да, быть может, «моральное помешательство», о кото-ром писал врач-англичанин, встречается не так уж и ред-ко!» – заключил Печорин. – Относится ли к этому разряду неистовый литератор? А господин Раевич, собирающий та-кие затейливые сувениры? Человек – существо странное и непредсказуемое, особенно если он игрок. Если б в игре не было правил и свидетелей, кто мог бы поручиться, что про-игравший понтер не попытался бы прикончить банкомета?»

Из глубокой задумчивости поручика вывел голос господи-на Фадеева, шедшего ему навстречу. После приветствий Ан-дрей Михайлович сообщил, что он направляется к Николаю

Михайловичу Сатину¹³, с которым не так давно имел честь свести знакомство. Сатин – очень умный и приятный человек. К сожалению, он имел несчастье быть замешанным в одном деле, вызвавшем неудовольствие государя, был сослан в Самарскую губернию, но сейчас занимается исключительно переводами, болен, обезножен и отпущен лечиться водами. Сам Сатин по болезни почти не выходит из дома, но очень рад новым людям и собирает у себя ежедневно интересную компанию, в основном из тех, кто любит поговорить на отвлеченные темы или о литературе. «Вот иду послушать господина Белинского, которого Елена, дочь моя, так нахваливает! А не хотите составить компанию? Сатин, как я уже заметил, привечает людей, оригинально мыслящих, а Вы ведь из таких!» – неожиданно предложил Андрей Михайлович.

«А что, может, и мне полезно поближе приглядеться к этому экспансивному господину,» – подумал Печорин и, изменив маршрут, присоединился к Фадееву.

У Сатина они застали кроме самого хозяина, полулежащего на кушетке, Белинского и Александра Павловича Ефремова, того полноватого господина, который увел литератора с галереи. Разговор шел о литературе. Собственно, ораторствовал один господин Белинский, расхаживая по комнате и постукивая пальцами по табакерке. Говорил он вдохновенно, с особыми ударениями и придыханиями, глаза его

---

¹³ Н.М. Сатин – реальное лицо, участник кружка А. Герцена и Н. Огарева, во время пребывания в Пятигорске общался с В. Белинским и М. Лермонтовым.

при этом расширялись и сверкали, он совершенно преобразался. Речь шла о Куперовых романах, только что им прочитанных. Белинский яростно нападал на изображенное там гнусно-добродетельное северо-американское общество: «Нет, лучше Турция, нежели Америка; нет лучше быть падшим ангелом, то есть дьяволом, нежели невинною, безгрешною, но холодною и слизистою лягушкою! Лучше вечно валяться в грязи и болоте, нежели опрятно одеться, причесаться и думать, что в этом-то состоит все совершенство человеческое! – с жаром возглашал он. – Я презираю и ненавижу добродетель без любви, я скорее решусь стремглав броситься в бездну порока и разврата, с ножом в руках на больших дорогах добывать свой насущный кусок хлеба, нежели, затоптав свое чувство и разум ногами в грязь, быть добрым квакером, пошлым резонером, пуританином, раскольником, добрым по расчету, честным по эгоизму!»¹⁴

– Ну это Вы уж как-то перегибаете палку, – не удержался от возражения Фадеев.

— Нет, отчего же, – вступил в разговор Печорин. – Я согласен с господином Белинским в том, что нет ничего ужаснее добродетельной пошлости. Правда и валяться в грязи – удовольствие не из великих. Впрочем, и питать свое честолюбие романтическими возвышенностями в байроническом духе – тоже довольно скоро надоедает.

---

¹⁴ Речи В. Белинского составлены из отрывков из его писем 1837 г. другу М. Бакунину из Пятигорска.

— А что в жизни не надоедает, кроме прекрасного пола, разумеется, – попытался перевести разговор в шутливый регистр Ефремов.

Но Белинский продолжал говорить серьезно:

– Да, но надо отличать чувство благоговения, блаженства идеального от чувственности. Чувственность – это гадость, гадость, она противна, и я с большею живостию представляю себе гадкие последствия после обмана чувств, нежели прелесть этого обмана чувств. Надо, необходимо найти в себе силы победить низкие, чувственные побуждения и возгнущаться ими!

— Однако светские дамы наши большей частью питаются платонической любовью, а платоническая любовь – самая беспокойная, – улыбнулся Печорин. – Впрочем, как сказал как-то мой друг, наверняка знакомый Вам доктор Вернер, женщин можно уподобить Тассову заколдованному лесу. Только приступи, на тебя полетят со всех сторон такие страхи, что боже упаси: долг, гордость, приличие, общее мнение, насмешка, презрение... Надо только не смотреть, а идти прямо, – мало-помалу чудовища исчезают, и открывается перед тобой тихая и светлая поляна, среди которой цветет зеленый мирт.

Беседа стала общей, Белинский присел в кресло у постели больного, вставлял реплики редко и неохотно. Разговор перескакивал с темы на тему и в какой-то момент свернул на сегодняшний инцидент в галерее. Ефремов высказал мысль

о том, как хорошо, что дело удалось уладить «без драки». В этот момент Белинский вскочил и опять заходил по комнате, заговорил, раскрасневшись: «Ты думаешь, я должен был похристиански подставить этому офицеришке вторую щеку? О нет, за такую обиду надо потребовать крови своего обидчика, его предсмертных содроганий, его предсмертных стонов; чтобы отомстить ему, можно поставить на лотерею резни свою жизнь, свою будущность, свое человеческое назначение!»

— Однако, мы уже, кажется, утомили нашего любезного хозяина, – заметил Андрей Михайлович.

Действительно, Сатин был бледен, на лбу его проступил пот. Вероятно, он опять испытывал приступ ревматических болей.

Фадеев и Печорин попрощались и вышли, не дожидаясь других гостей, которые задержались у постели больного.

— Да, господин Белинский умен, суждения его проницательны, но темперамент-то какой бешеный! Какие нынче литературные критики пошли неистовые, – поделился впечатлением Андрей Михайлович. – Теперь уж не знаю, может, лучше бы, чтоб он сочинений Леночки не читал и не разбира-рал, а то пришибет еще ненароком своим горячим словом!

— Да, господин Белинский горяч, и, кажется, женский пол не слишком жалует, по крайней мере, имеет к дамам какие-то свои счета...

Фадеев звал Печорина к себе обедать, но тот отговорился

тем, что обещал непременно зайти к доктору Вернеру, и откланялся.

Глава десятая. За обедом.

Вернера Печорин дома не застал, служанка сказала, что доктор пошел обедать в гостиницу и ждет его там. Подгоняемый чувством голода, а еще больше – желанием обменяться с доктором новостями, Печорин зашагал по направлению к шестиколонному входу в здание Ресторации, античным колоссом возвышавшемся над купами молодых липок бульвара.

Вернер уже выпил рюмку хересу для аппетита и принимался за «греческий розбивъ», как значилось в меню. Печорин спросил себе стопку водки, и заказав фазанье жаркое и бутылку лафиту, сообщил:

— У меня есть новости, интересные, думаю, для Вас, доктор. Но сначала Ваша очередь. Что Вам наболтали о Раевиче словоохотливые пациенты?

Вернер пересказал воспоминания вдовы Зубовой о капризах и припадках балованного мальчика Васи, прибавив к ним свои подозрения, вытекающие из собственных наблюдений над поведением Раевича за зеленым столом.

— На первый взгляд, мысль о том, что Базиль может оказаться нашим злодеем, представляется невообразимой, но при более глубоком размышлении видишь, что предположение не такое уж и дикое...

— Да, дорогой доктор, человек – существо весьма непредсказуемое.

— А Ваша новость в чем состоит?

— В том и состоит, что пришлось познакомиться еще с одним умным, но странным созданием, – и Печорин рассказал о ссоре в галерее и своем визите к Сатину.

— Господин Белинский тоже может вызвать подозрения: при определенных условиях он легко впадает в ярость и при том, что возвышенно вещает о женском идеале, испытывает, судя по всему, стойкую неприязнь к дамам из плоти и крови.

— Ну последнее-то немудрено при болезни, погнавшей его на воды, – сказал доктор, отодвигая тарелку. – Врачебных секретов выдавать не буду, скажу только, что пришлось ему попринимать меркурий. Правда, доктор Мойер сомневается в справедливости московского диагноза – возможно все это только проказы геморроидальной лимфы или следствие долгих простуд. Многие болезни, особенно при начале своем, имеют сходные симптомы. Но Раевич-то более подозрителен, чем Ваш литератор, если вспомнить о Веринем браслете и сережке девицы Песцовой в ящичке его бюро. Господи, теперь на каждого знакомого смотрю с предубеждением. Ох, лучше бы это были черкесы, ей богу.

— Я все думаю об этом «моральном помешательстве». Может, вирус такого помешательства заложен в каждом? Человек на удивление охотно мучает другого, а иногда и себя самого. Иногда засомневаешься, создан ли он по подобию

божиему или человек просто зверь на двух ногах в мундире или сюртуке и любит закусить другим зверем, иногда и двуногим.

— Я слышал в Европе, особливо в Англии, появились целые кружки людей, которые отказываются употреблять в пищу мясо, и называют это пифагорейской диетой. Одни практикуют ее для здоровья, а другие из соображений высоко нравственных. Эта мода завезена, кажется из Индокитая.

— *Les herbivores!*¹⁵ Забавно. Но даже если все люди станут травоядными и будут жалеть каждую кошку и блошку, я думаю, они не откажутся от удовольствия мучить и убивать друг друга. Может, напротив, когда утратят возможность наслаждаться ростбифом с кровью, начнут еще сильнее жаждалать крови ближнего своего.

— Не слишком Вы верите в прогресс, как я вижу.

— Нет, я вполне допускаю, что паровые экипажи, пиро-скафы, самоходные повозки – все это будет, может, еще и на нашем веку. Но хоть бы человек и по воздуху выучился летать, он ни за что не пожертвует страстью властвовать, уничтожать и уничтожать другого. Я думаю, вам, Иван Иванович, это известно лучше, чем кому бы ни было. Вы мало того, что доктор, знающий из какого гнилого мяса человек сделан, Вы еще и прозваны Мефистофелем.

Их невеселая беседа была прервана радостным возгласом:

— Ба, кого я вижу! Печорин, Григорий Александрович!

---

¹⁵ Травоядные! (фр.)

И Вы тут серной водичкой пробавляетесь! – к столу, за которым сидели собеседники, приблизился офицер в гвардейском мундире и рукой на перевязи.

— Поручик Марков! Вот неожиданная встреча! Знакомьтесь, Иван Иванович, – гвардейский поручик Марков, Алексей Семенович – храбрый офицер, товарищ мой, на левом фланге вместе служили когда-то. А это доктор Вернер, знаменитый местный эскулап!

Увидев, что доктор поднимается из-за стола, Печорин воскликнул:

— Вы куда, доктор, посидите с нами! Сейчас шампанского спросим ради встречи!

— Нет-нет, я пойду, у вас свои будут разговоры и воспоминания, не хочу мешать. Григория Александровича я завтра у себя жду, продолжим наши беседы. Приятно было познакомиться, господин поручик, – поклонившись Маркову и надев шляпу, доктор вышел.

Печорин с Марковым сидели долго, вспоминая минувшие дни, военные вылазки, дружеские попойки, боевых товарищей – кто ранен, кто убит, кто награжден.

— А знаешь, Печорин, здесь в Пятигорске еще один мой соратник боевой, я с ним правда не здесь на Кавказе вместе служил, а еще в Польскую компанию у Дибича. Ларин, Дмитрий его зовут. Вот, я тебе скажу, вояка так вояка, редкостный храбрец, до безрассудства. В бою и кивера не надевал, несется, бывало, как леший на своем скакуне, так что воло-

сы его белой гривой развеваются по ветру! Красота! Славный, славный рубака. И товарищ отменный, вечно придумывал всякие штуки, от которых мы валились со смеху. А как анекдоты про дам и девиц рассказывал! Дамы были его единственной страстью, кроме разве что боя. У кого карты, у кого вино, а у Ларина дамский пол. Слышал ты про него тут?

— Да и видел даже, был с ним однажды в дозоре, но он, видимо сильно изменился с тех времен, о которых ты вспоминаешь.

— В дозоре?

— Ну да, ты разве еще не слышал про наши здешние дела?

— Да-да, слышал, как тут у вас черкесы пошалили. Надо же невинных девиц резать – это уж и для дикарей дико. Ну пойду я, Григорий Александрович! Надеюсь, увидимся еще! Пойду узнаю, где Ларин квартирует, – Марков дружески хлопнул Печорина по плечу и удалился немного неверной походкой.

Печорин вышел из Ресторации и пошел вдоль бульвара, вдыхая свежий вечерний воздух и улыбаясь. Встреча с боевым товарищем и пара бутылок шампанского перебила горькое послевкусие от печальных разговоров о судьбах человека и человечества.

Глава одиннадцатая. Прогулка.

У Лиговских собирались компания, чтобы поехать в Каррас и пообедать в ресторации у Рошке. Жить в состоянии

постоянной тревоги и подозрительности всем уже было невозможно. Четверо офицеров с большим удовольствием согласились принять участие в увеселительной прогулке в качестве «личных телохранителей» молодых женщин. Елена Ган, Катерина Фадеева, княжна Мери и Варя Печорина поехали верхом, а Елена Павловна с девочками – в коляске.

Дорога шла, извиваясь между кустарниками и опускаясь в небольшие овраги, где протекали шумные ручьи среди высоких трав. Кругом амфитеатром возвышались громады Бештау, Змеиной, Железной и Лысой горы.

Елена Павловна задремала, а Леля толкнула сидящую рядом Надежду в бок:

— Надин, смотри, какой над бабочкой белый свет – будто капор.

— Так это капор и есть, что тут странного.

— Нет, капор у нее бежевый, а над ним как будто еще один – из света, бело-золотой.

— Опять ты, Леля, все выдумываешь!

— И ничего не выдумываю. Над каждым есть такой цветной капор. У хороших людей, как бабочка, он светлый, а у плохих – темный. Я вижу.

— Ты как господин Лугин, который к папá иногда приходил. Он говорил, что, когда у него сплин, то он видит людей желтыми и ему кажется, что у них вместо голов лимоны.

— Ну это у господина Лугина было кислое, лимонное на-

строение, а я вижу, каков сам человек. Каков человек – такого цвета и сиянье над ним, это будто его душа просвечивает. А она у всех разная. Даже у детей бывает темная, хотя взрослые думают, что все детки ангелочки.

— А у меня – темная? – заинтересовалась все же Надя.

— Ну нет, у тебя такая, «светловатая». Очень темный «капор» редко у кого бывает. Я здесь только одного господина видела с таким – черным как ночь, стр-р-рашным! – Леля за-сверкала своими огромными глазами так, что Надя взвизгнула, разбудив мать.

— Девочки, будет Вам! Леленька, опять ты, небось, Надю пугаешь своими фантазиями. Вы лучше смотрите, какая красота кругом – вот где божий рай на земле!

Шумная и блестящая кавалькада благополучно доехала до Карраса. Обед у Рошке был, как всегда, хорош. Отдохнув, двинулись в обратный путь, смеясь и болтая.

Лишь одно происшествие ненадолго разрушило всеобщее благодушие. Уже неподалеку от Пятигорска из оврага, который на здешнем наречии называют балком, неожиданно выехал всадник.

— *Mon dieu, un circassien!*¹⁶ – вскрикнула в ужасе Екатерина.

— *Ne craignez rien, madame!*¹⁷ Не бойтесь, это я, Печорин! Поскакал вам навстречу, узнав о поездке. Слава богу, кажет-

---

¹⁶ Господи, черкес! (фр.)

¹⁷ Не волнуйтесь, мадам (фр.)

ся, все целы, невредимы и даже веселы!

— Да, Грег, неожиданная встреча с тобой – это самое ужасное, что с нами случилось, – засмеялась Варя.

Печорин присоединился к кавалькаде, поехав между Варей и Мери.

— Что за беспечность, дорогая княжна, отправляться сейчас в поездку по горам! От Вас-то я такого не ожидал, – сказал Печорин, делая ударение на словах «от Вас».

— О, именно княжна-то и вдохновила нас на это приключение, – улыбаясь, заметила Варя.

— Вы, господин поручик, все еще живете в убеждении, что женщины нежны, как цветочки, и пугливы, как мышки, – ответила Мери. – А женщины – во многих отношениях крепче, смелее и решительнее мужчин. Им только редко дают проявить эти качества, держа сначала в детской, потом в будуаре. А вот пустите их в библиотеку, кабинет, университетскую аудиторию, и Вы увидите, что из этого выйдет!

— А не выйдет ли сообщество бедных, одиноких, никому не интересных ученых дам в синих чулках и безобразных очках, – возразил Печорин.

— Вот-вот, этого-то мужчины и боятся, что женщины выйдут из-под их попечения и станут жить, как им нравится, и одеваться будут для своего удобства, а не для услаждения мужского взора.

— Но кто возьмет замуж таких страшненьких эмансипаток?

— Но почему они будут страшенькими и почему им непременно будет хотеться замуж? — засмеялась Варя.

— Дорогая княжна, Вы становитесь опасны, мне надо срочно спасти сестру из-под Вашего влияния!

— О, мне кажется, есть существа гораздо более опасные для Вашей сестры, — возразила княжна и пустила свою лошадь в галоп. За ней тут же поскакал офицер, назначенный в «телохранители».

Печорин остался в недоумении — на кого намекает Мери: на злодея-убийцу или может на Красинского? Но, может, Красинский и есть злодей? Тревога за сестру и за милую эмансипантку Марью Сергеевну вновь сжала сердце Печорина.

Проводив компанию до дома Лиговских, а Варю к тетушке, Печорин собирался отправиться «на совет» к доктору, но его задержал встретившийся в начале аллеи артиллерийский капитан Браницкий.

— Печорин, слышал новость? Поручик Марков найден убитым на дороге возле Провала. Застрелен выстрелом в сердце. Подозреваю, что была дуэль, но опять все свалят на горцев. Можно подумать, черкесы объявили войну нашему водяному обществу!

— Марков? Какой? Алексей Марков, гвардейский поручик?

— Ну да, он вчера только прибыл сюда на лечение.

— У него же ранение в руку, какая дуэль?

— Так на перевязи у него левая рука, в правой пистолет мог удержать.

— Да какая, к черту, дуэль, когда можно было успеть!

— При желании такие дела быстро слаживаются, — со знанием дела заметил Браницкий.

— Слушай, Браницкий, а Ларина, прапорщика, ты видал? Марков вчера вечером искал его.

— Не знаю, там у коменданта народ собрался, может, он там. Ну и дела тут у нас завертелись, скажу я тебе!

Печорин поспешил к Офицерскому дому, где располагалась комендатура. Во дворе толпились офицеры, обсуждая печальное происшествие. Печорин заметил между ними Дмитрия Ларина и, подойдя поближе, спросил

— Господин прапорщик, я ужинал вчера с погибшим Марковым, он после разговора со мной отправился Вас искать, он же Ваш однополчанин был. Нашел он Вас?

— Нет, — сверкнув темными угрюмыми глазами из-под бровей, ответил Ларин, — я его не видел и даже не знал, что он в Пятигорске.

С этими словами прапорщик, покинул компанию и зашагал в сторону Николаевских ванн. Печорин проводил его взглядом, еще раз подумав, насколько Ларин похож на портрет из гостиной их петербургского дома, изображавший по преданию их дальнего испанского предка, который все домашние называли портретом Лары. Он вспомнил с каким восторгом возбужденный и замечательно живой поручик

Марков описывал однополчанина вчера вечером: скачет, как дьявол, и только белая грива по ветру стелется. Стоп. Почему белая? Разве Ларин блондин? Да и волосы у него короткие. Ну допустим, постричь волосы можно, но как из блондина превратиться в жгучего брюнета? Что-то тут не так.

Печорин решил догнать прапорщика и поговорить с ним пообстоятельнее, но его поиски и расспросы закончились ничем. Ларин как в воду канул.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. РАЗВЯЗКА.

Глава первая. Гибель Маркова: слухи и версии

Зайдя вечером к Вернеру, Печорин не застал его, вместо того слуга вручил ему записку, где доктор витиевато и многословно сообщал, что не может быть сегодня вечером дома по причинам, в которые он не хотел бы углубляться. «Так он писал темно и вяло», – подумал Печорин. – Неужели наш Иван Иванович завел даму сердца?! Впрочем, какое мне дело до радостей и бедствий человеческих, включая и сердечные недуги доктора Вернера?»

На следующее утро Печорин прежде всего отправился навестить сестру и тетушку Серафиму Михайловну, к которой уже не испытывал такой неприязни, как раньше. Он застал обеих за разговором с гостями: вдовой Зубовой и ее подругой госпожой Авдотьей Сергеевной Никаноровой. «Бобчинский и Добчинский», конечно, наперебой делились сплетня-

ми и слухами. Главной новостью была гибель поручика Маркова. Вдова Зубова, округлив глаза, пересказывала ужасающие подробности роковой дуэли.

— Не успел этот Марков прибыть в Пятигорск, как тут же обидел словом подпоручика Наговицына!

— Софья Михайловна, милая, но Наговицын же штабс-капитан, а не подпоручик, – перебила ее госпожа Никанорова.

— Ну неважно, Авдотья Сергеевна, главное, что оскорбил и оскорбил смертельно, так что Наговицыну ничего не оставалось, как сделать вызов! А Наговицын, как Вы, может, слышали, лишился в боях за Отечество правой ноги.

— Да не правой, а левой, Вы все неточно говорите, любезная Софья Михайловна, дайте мне рассказать!

— Да, подождите же, Авдотья Сергеевна, не перебивайте меня! Словом, этот штабс-капитан или поручик, ну, неважно, этот Наговицын без ноги, а Марков – без руки, но все же решили стреляться! Марков и во время дуэли смеялся и черешни ел, а Наговицын прицелился, опираясь на костыль, и застрелил его с одного выстрела!

— Да уж, конечно, с одного – на дуэли по пяти-то раз не стреляют, – вставила свой комментарий обиженная госпожа Никанорова.

Тетушка слушала дам вполне серьезно, а Варя едва сдерживалась, чтоб не рассмеяться. Печорин тоже улыбнулся и сказал: «Я за день до того виделся с Марковым и обе руки у

него были на месте, правда, одна на перевязи.

— Вот я и говорю – один с костылем, у другого рука на перевязи, а все же и это не уберегло от смертоубийства, – вновь вступила в разговор вдова Зубова.

— Говорят, Ноговицына теперь в солдаты разжалуют – вот беда-то, да и с одной ногой, – добавила ее подруга.

— Ну ладно, засиделись мы у вас, надо еще к Лиговским зайти, – обе дамы встали одновременно и откланялись.

Печорин, глядя им вслед, подумал, что в готических романах вампиров рисуют чудовищами с окровавленными клыками, а вот эти двое не суть ли настоящие вампиры, которые без живой крови чужой жизни, сами по себе бесплотны и незаметны, будто и не существует их на земле!

После ухода гостей Варя подошла к брату, поцеловала его в щеку и спросила:

— А что, Грег, есть хоть капля правды в том, что они рассказали?

— Не знаю, о дуэли действительно поговаривают, про одноногого Ноговицына не слыхал, да и была ли сама дуэль, тоже неясно.

— А если не дуэль, то опять черкесы что ли?

— Не знаю, Варета, но очень тебя прошу – будь осторожна и никуда одна не ходи, как мы и договаривались! Обещаешь?

— Хорошо, обещаю, хоть и считаю это пустыми страхами, но ради любви к тебе – обещаю. Мы сейчас с тетушкой собираемся в галерею, к ваннам, туда же придет Елена Ган с

дочерями, так что не беспокойся – одна не буду!

— И еще просьба, тоже из прежних. Умоляю тебя не уединяйся с господином Красинским!

— Грег, ну бог с тобой, что за полицейский надзор за моей нравственностью, ты сделался вдруг настоящим пуританином!

— Не волнуйся, дружок, я за ней пригляжу, – пообещала тетушка, которую слуга уже приготовился вывозить из дому на коляске.

Проводив немного Варю и тетушку, Печорин распрощался с ними и направился по аллее к Ресторации, надеясь там узнать хоть что-то дельное о гибели Маркова и разыскать прапорщика Ларина.

В биллиардной стоял дым от трубок и шум от множества голосов. Офицеры горячо обсуждали вчерашние события. Версия дуэли почти не находила сторонников, большинство склонялось, что это было убийство без всяких дуэльных правил. Винили, конечно, черкесов. Вспомнили и подзабытых уже зарезанных девиц и княгиню Веру. Опять раздавались призывы организовать караулы и дозоры, словом, история поворачивала на второй круг.

Про Дмитрия Ларина Печорину удалось разузнать немного. Появился он, по общему мнению, с месяц-полтора назад, был ли ранен, или болен, или просто в отпуску, – никто точно не знал. Все сходились в том, что Ларин был неразговор-

чив, нелюдим и ни с кем не прятельствовал. Появлялся в Ресторации только за игорным столом. Сначала просто стоял и присматривался, а потом вошел в игру, с каждым разом увеличивал куш, а то и гнул пароли пе и оставался в крупном выигрыше. Разговоров про боевые стычки и ратные подвиги не поддерживал, намеков на дело 25 декабря как бы не понимал. Совсем этот пятигорский Ларин был не похож на того любителя женщин и балагура, которого описывал поручик Марков. И почему решили, что он как-то причастен к делу 25 декабря? Может, его не по возрасту малый чин совсем другим объяснялся... А где Ларин сейчас, никто не мог сказать, ни один из офицеров со вчерашнего дня его не видел.

Словом, чем больше Печорин узнавал о прапорщике Дмитрие Ларине, тем подозрительнее тот ему казался.

Глава вторая. Списки.

Когда Печорин все же добрался до дома доктора Вернера, последний готовился пообедать. Кухарка у доктора была отменная, хотя таких слов как «греческий розбив», «эстома дупелей» или «филе соте» она слыхом не слыхивала, и все, что делалось из мяса, назвала попросту «жареньем», но жаркое это таяло в рту. Кроме всего прочего, кухарка была мастерицей приготовления наливок, так что Печорин никогда не отказывался пообедать с Иваном Ивановичем.

Закусив от души, приятели наконец приступили к главному разговору – об убийствах и возможном убийце.

Доктор достал из ящика бюро бумагу:

— Я тут составил список тех, кто у нас на подозрении. Первым номером Ваш поляк-мститель Красинский, номер два – неистовый литератор-женоненавистник, и третьим номером у меня идет игрок Раевич, но, возможно, именно его надо было записать первым: он самый подозрительный со своими странными сувенирами. Всех я перечислил?

— Прибавьте сюда еще Дмитрия Ларина, доктор, – и Печорин изложил всю таинственную историю с пропавшим после смерти поручика Маркова Лариным, который был жгучим брюнетом, хотя однополчанин его, Марков, вспоминал о его белокурой шевелюре.

— Кстати доктор, что Вы думаете или знаете о смерти Маркова?

— Ну мы с коллегой Мойером доставали пулю. Она не из дуэльного пистолета, а из кавалерийского штуцера, так что дуэль, я думаю, исключена. Это убийство и скорее всего убил кто-то из своих, хотя, конечно, штуцер мог и в черкесские руки попасть. Вы думаете убийцей мог быть Ларин? Но девицы-то наши и княгиня Вера убиты не из ружья.

— Но тот, кто решился бесчестно убить товарища, мог зарезать и женщину. По крайней мере включим его в список подозреваемых.

— Хорошо, припишу и его. А что мы дальше будем делать с этим списком?

— Все эти люди, кажется, соответствуют описанным ва-

шим британским доктором признакам человека с моральным помешательством – у каждого из них есть какая-то «манья».

— Да, но в статье говорилось, что человек с моральным безумием выглядит в жизни будничной вполне разумным и весьма обыкновенным, а наши все не таковы, исключая разве что Раевича, когда тот не за зеленым столом.

— Ну если основываться на этом признаке, то под подозрения должны попасть все люди нормальные и скучные, такие, как господин Горшенков, например, или вдовица Зубова. Впрочем, последняя может если не зарезать, то заговорить до смерти!

В эту минуту зазвенел дверной колокольчик и на пороге показалась княжна Мери.

— Княжна! Вы пришли сюда в одиночку? Право, Ваша смелость граничит уже с безрассудством! – воскликнул Печорин.

— Нет, господин поручик, я отнюдь не безрассудна! Фадеевы довели меня прямо до дверей и отправились дальше: Елена Павловна собирается повидаться со своим знакомым – натуралистом. А вы чем заняты? И есть ли успехи в разысканиях? Право, уже надоело жить в тревожном ожидании новых нападений!

— Да и я устал бояться за Вас и Варю. – ответил Печорин. – Нам надо усерднее взяться за дело. Список подозреваемых доктор составил, вот он. Что дальше?

— Погодите, дайте вспомнить, что комендант говорил, когда нашли тело несчастной Елизаветы Песцовой, — наморщила лоб княжна Лиговская, — Нужен, кажется, осмотр, опрос, допрос, доказательства. Но мы ведь не можем делать ни осмотра, ни допроса. Что же остается? Доказательства, но какие?

— Я думаю, что если не допрос, то опрос-то мы можем провести. Вон доктор у нас только и делает, что опрашивает своих пациентов. Вполне может вставить несколько интересных для нас вопросов. Вы, дорогая княжна, тоже можете порасспросить девиц и дам, которые были свидетельницами. Не самих убийств, конечно, но того, что происходило до них или сразу после. Вдруг они заметили что-то любопытное. Кстати, я припоминаю, что третьего дня в галерее перед тем, как появился доктор и отвлек нас от разговора, Вы, кажется, собирались мне что-то важное сказать о господине Красинском.

— Правда? Я совсем не помню, что было у меня на уме.

— Еще один вопрос к Вам, дорогая княжна. Доктор, будьте любезны, покажите княжне Лиговской находку! — обратился Печорин к Вернеру.

Положив запонку на стол перед Мери, Печорин спросил, не кажется ли ей эта вещица знакомой? Но, повертев запонку в руках, княжна заверила, что не может припомнить никого, кто носил бы подобные *boutons de manchettes*.

Во время этого диалога доктор Вернер продолжал внима-

тельно рассматривать составленный им список

— Excludere inconuenies!¹⁸ – вдруг вскрикнул он. – Нам нужно посмотреть внимательно, нельзя ли кого-то из этого списка исключить на каким-либо основании! Княжна, Вы, можно сказать, «соприкасались» со злодеем. Что думаете Вы на этот счет?

— Ну, – задумалась Мери, – может быть, литератора? Он не слишком большого росту и довольно тщедушен, а мне показалось, что, тот кто напал на меня, был довольно высок и силен.

— В аффектации и слабый человек может явить недюжинные силы, – усомнился доктор.

— Но выше ростом все же не станет, – возразил Печорин. – Давайте оставим литератора «в резерве», а в первую очередь займемся остальными.

— А вот еще что мы можем сделать, – задумчиво произнесла княжна, – надо посмотреть на дни, когда совершались нападения, и проверить, могли ли быть наши подозреваемые в то время и в том месте... Вспомнила! – вдруг вскрикнула она, – вспомнила, что я хотела сказать Вам, Григорий Александрович, тогда в галерее! Красинский не мог убить княгиню Веру, он был в это время в гроте, у всех на глазах!

Глава третья. Совецание продолжится.

— Получается у нас только двое в списке остаются? Рае-

---

¹⁸ Исключите лишнее! (лат.)

вич и Ларин? – спросил доктор.

— Княжна, Вы уверены насчет Красинского?

— Да, мне кажется, что, когда вошел драгунский капитан с вестью о Вере, Красинский был в гроте, разговаривал с кем-то из дам.

— Вам кажется или Вы помните наверное? – настаивал Печорин.

— Господин поручик, Вы меня совсем запутали, ну да он был там... Или мне кажется, что был, – уже не столь уверенно произнесла Мери.

— Давайте сделаем вот что, – предложил Печорин. – Вы, княжна, займетесь Красинским и танцами, поспрашиваете всех, кого можно, о том, был ли господин Красинский в гроте во время трагедии с княгиней. А Раевич? Он ведь тоже был на бале? Заодно и насчет него поинтересуйтесь! Вы, доктор, займитесь Раевичем, хорошо бы узнать, откуда у него взялись сувениры, как он это сам объясняет.

— Но тогда придется признаться, что я заглядывал в ящики его бюро без ведома хозяина! Как же это возможно!

— Да, тут надо что-то придумать. Но надеемся на Ваш опыт, доктор. В разговорах с пациентами Вам ведь приходилось изворачиваться и не раз!

– Ну это совсем другое... Ну хорошо, по крайней мере я постараюсь навести Базиля на разговор о наших происшествиях.

— Отлично! А я возьму на себя Ларина, непроницаемого

и странного, как его байронов «тезка». И прошлое его, кажется, покрыто таким же туманом неизвестности.

— Но в жизни настоящей все обычно объясняется проще и прозаичнее, чем в романтических поэмах, – заметил Вернер.

— Скорей всего Вы, как всегда, правы в своем материализме, дорогой Иван Иванович. Но все же хорошо бы, надо бы узнать, откуда взялся и куда исчез наш доморощенный Лара. И решить – может ли он быть нашим злодеем.

— Ну что ж, разойдемся и соберемся вновь завтра поутру! Княжна, Вы будете частью нашего розыскного подразделения?

— С большой охотою. И знаете что, я предлагаю составить еще один список: перечень дней, когда были совершены убийства.

Сообща они вспомнили, что девицу Корнееву и корнета Мстиславова убили июня 15 числа, 20-го того же месяца погибла Елизавета Песцова, 2 июля убита княгиня Галахова и 10-го – совершено нападение на княжну Мери.

— Пойдите, – воскликнул Печорин, – была же еще станичница Настя, через несколько дней после Песцовой! Я справлюсь у коменданта, когда точно была зарезана есаулова дочь. Думаю, 25-го или 26-го июня.

Распознавшись с доктором, Печорин и княжна вышли на вечерний бульвар, полный народу. На скамье сидели Варя и Катерина Ган, окруженные молодежью, которая кокетничали

с ними наперебой. Печорин вспомнил, как еще два года назад он в этом случае садился на соседнюю лавку, останавливал знакомых офицеров и начинал рассказывать анекдоты, переманивая постепенно некоторых поклонников женского общества в свой кружок. «Mon Dieu, на какие баснословные пустяки я тратил свое время и жизнь!» – подумал Печорин и искоса посмотрел на княжну: вспоминает ли она эти его ловеласовы ухищрения?

Но взгляд Марьи Сергеевны был спокоен и дружелюбен. Печорин подвел княжну к подругам и оставил молодую компанию без чувства ревности, но с завистью к их беззаботной и беспечной молодости и умению смеяться так весело и беспричинно, как он сам давно уж разучился.

Взбираясь к себе на гору, Печорин вспомнил вдруг Веру, Марьину рощу, свою юную влюбленность... Если бы он, вернувшись с польской компании, вернулся и к Вере, – были бы они счастливы? Способен ли он вообще быть счастливым и дарить счастье? Вера, которая любила его так самоотверженно и самозабвенно, как никто его не любил и любить не будет, прожила жизнь, полную потерь и разочарований, и умерла жуткой смертью. Та опустошенность и преждевременная старость души, которую он чувствует, не плата ли за причиненную боль? Доставляя страдания другим, он сам тоже не был счастлив, но может ли это утешить вольных и невольных жертв его себялюбия? Варя верит, что он может измениться, что он уже меняется, что у этого «нового» Пе-

чорина впереди годы жизни, а то и счастья. Но милая Варета вся состоит из веры, надежды и любви, у него же нет ни того, ни другого, ни третьего.

Единственное, что он может, что он должен сделать – это защитить Варю и княжну Мери от Вериней участи. А для этого надо не размышлять, не тосковать, а думать и действовать!

Глава четвертая. Устроим вечерок!

Княжна Мери решила приступить к выполнению своего «задания» на следующее же утро. Дело затруднялось тем, что она обещала не рассказывать подругам ни о покушении на нее, ни о подозрениях их триумvirата. Но под каким же предлогом начать расспрашивать о событиях вечера гибели княгини Веры? Может, предложить затеять новый бал и тогда в разговоре о том, как его лучше устроить, каких музыкантов и каких гостей позвать, свернуть потихоньку на воспоминания о прежнем, роковом?

Но подруги идею бала не поддержали – именно потому, что память о прежнем была еще слишком жива и тяжела.

— Так что же мы так и будем проводить летние дни в меланхолии и тревоге? – с досадой осведомилась Мери.

— А давайте устроим не бал, а небольшой вечер для своих в нашей гостиной – с шарадами, играми, живыми картинами! – предложила Варя.

— А еще лучше – давайте придумаем и разыграем пред-

ставление о событиях на наших водах! Лучший способ справиться с тревогами и страхами – это превратить их в сюжет для комедии. Тем более, что у нас есть готовая сочинительница! – Катерина выразительно посмотрела на сестру Елену.

— Представление! Шарады! Ура! Я тоже буду придумывать и показывать шарады! – завизжала Леля.

Мери была в отчаянии: идея ее, говоря о танцах в гроте, выяснить кто где был в момент убийства княгини Галаховой, провалилась, все переключились на придумывание программы вечера.

— А мы пригласим кого-то из тех, кто был на бале? Нам ведь нужны кавалеры для танцев, какой же вечер без танцев и музыки! – предприняла еще одну попытку спасти положение княжна Лиговская – Вот я помню, что и Красинский, конечно, там был, и Раевич, и даже, кажется, критик этот, Белинский, был – да, Катерина?

—С какой стати вы мне все время этого критика сватаете?! Я за ним не слежу, мне он вовсе ни к чему. Ну как критик он, может, и интересен, а как мужчина – нет. Вот Браницкий там был точно, Горшенков был, но тот никакой не танцор, а вот ротмистр Юркевич – кудрявый такой, знаете? – вот тот вальсирует превосходно! Надо его на наш вечер непременно позвать! – отозвалась Катерина, оправдав ожидания исследовательницы.

— А вот не могу припомнить, на каком танце наш бал тогда закончился? – продолжала гнуть свое Мери.

— Так он закончился, когда пришел этот пьяный драгунский капитан позвать доктора, и все узнали, что княгиня Вера мертва, — заметила Елена Ган.

— Мы тогда вальсировали что ли? Варенька, ты, кажется, со Станиславом вальсировала? — Мери чувствовала, что ее попытки направить разговор в нужное для нее русло, выглядят на редкость неуклюже, но, как ни странно, подруги увлеклись воспоминаниями о роковом бале и, пожалуй, не замечали искусственности разговора.

— Нет-нет, — возразила Варя. — Тур вальса закончился, потом кадрили были и собирались мазурку танцевать, но тут как раз узнали о княгине. Бедная, бедная Вера, — в голосе Вари послышались слезы.

— Да, всех нас напугало это известие! Но хорошо хоть Станислав был с тобой рядом, было на кого опереться в эту ужасную минуту!

— Но именно в эту минуту его не было, он отошел, встретил какого-то знакомца.

Мери хотела спросить видели ли в этот момент Раевича и Белинского, но не придумала, как сделать вопрос. Словом, все ее ухищрения оказались бесполезными, и разговор быстро вернулся к обсуждению будущего вечера. Решили, что сочинением пьесы займутся Елена и Мери, причем придумают так, чтобы в ней нашлись роли для всех желающих участвовать в представлении. Катерина с Варей вызвались отвечать за подготовку шарад. Им в помощники напросились Леля и

Надин. Леля заверила, что сочинение шарад – это ее любимое дело и предложила себя еще и в качестве фокусника, умеющего читать мысли. Дело закипело, злополучный бал и несчастная княгиня Вера были забыты.

Глава пятая. Тайны господина Ларина.

Григорий Александрович Печорин утром того же дня, когда женский кружок обсуждал минувший бал и грядущий салонный вечер, отправился к тому самому ротмистру Юркевичу, о котором вспоминали дамы.

Именно он организовывал караулы и дозоры, и он же представил Печорину Дмитрия Ларина.

Ротмистр мало что смог добавить к рассказам остальных – подтвердил мнение, что Ларин был нелюдим, но в дозорах участвовать не отказывался. Друзей-приятелей однако не заводил, а в компании его видели, пожалуй, только за карточным столом. Юркевич не знал и где живет Ларин, но направил Печорина к корнету Первенцеву, тот – в свою очередь – к поручику Николаеву. Так Печорин со своим вопросом переходил из рук в руки до тех пор, пока один из унтер-офицеров все же не вспомнил, что однажды заходил к своему приятелю штабс-капитану Максимову, который делил квартиру как раз с прапорщиком Лариным.

Максимов уже долгое время лечился от тяжелого ранения в голову, сначала лежал в госпитале, потом перешел на квартиры, но почти весь день проводил, принимая ванны и про-

чие лекарские процедуры. Из-за ранения он довольно плохо видел, не выносил шума и согласился квартировать вместе с Лариным, так как тот был на редкость молчалив. Их общение сводилось к обмену утренними приветствиями, а по вечерам Ларин дома и вовсе не сиживал. Последний раз Максимов видел своего сожителя три дня назад и после того Ларин не появлялся. Вроде и вещи свои забрал, впрочем, вещей у него было немного, только одна шкатулка или коробка, в которой он что-то иногда укладывал и перекладывал.

— Что ж это было? — поинтересовался Печорин.

— Да я не приглядывался, да и вижу неважно. Что-то размером небольшое, — видно было, что штабс-капитан устал и хочет поскорее закончить затянувшуюся беседу.

После встречи с Максимовым Печорин пошел к коменданту, чтоб и того порасспросить о Ларине. На вопрос, почему его так интересуется прапорщик, Печорин, подумав, прямо рассказал полковнику о своих подозрениях. И о том, что Дмитрий Ларин-пятигорский совсем не похож ни внешне, ни характером на того Ларина, которого описывал ему при встрече однополчанин Марков. И про то, что Марков после разговора с ним пошел искать старого своего приятеля, а на следующий день был найден убитым, а Ларин пропал.

Комендант сообщил, что Ларин, прибыв в Пятигорск, сказал, что приехал из Ставрополя на лечение и показал отпускное удостоверение на имя прапорщика Дмитрия Ларина.

— Не можем ли мы обыскать его комнату? — осведомился

Печорин.

— Как же можно? А вдруг он вернется?

— Но мы же не без повода к таким действиям прибегнем. У нас есть мертвый поручик Марков, подозрения на Ларина пасть вполне тут могут, да и исчезновение его подозрительно. Может, и с самим прапорщиком случилось несчастье

— Этого мне еще не хватало, – проворчал комендант – у нас тут просто мясорубка какая-то, жертв больше, чем во время боевой стычки. Ну давай возьму с собой кого-нибудь из инвалидной команды, осмотрим комнату прапорщика.

Через полчаса комендант, Печорин и Петр Семенович из инвалидной команды взошли на порог дома, где квартировали Ларин и Максимов. Комната прапорщика была пуста, видно было, что хозяин собирался в спешке, лежащие в беспорядке на столе бумаги были залиты вином. Петр Семенович, поднимая опрокинутый бокал, из которого вылилось вино неловко задел стоявший на столе подсвечник. Выпавшая из него свеча закатилась под кровать. Инвалид на коленках полез за свечой, и спустя несколько минут, кряхтя, вылез из-под кровати, держа в одной руке свечной огарок, а в другой – несколько игральных карт.

Так вот что, наверное, хранил Ларин в своей драгоценной шкатулке! Больше ничего в комнате Ларина обнаружить не удалось. Комендант, явно чувствуя неловкость из-за вторжения с обыском в комнату офицера, поспешил ретироваться, с укоризной посматривая на Печорина. Тот и сам чувствовал

себя неловко. Но все же он спросил у коменданта разрешения взять найденные карты, чтоб показать их знатоку.

«Что вы там хотите найти?» – с явным неудовольствием пробурчал комендант, но все же уступил просьбе.

Печорин отправился с находкой к Николаю Фомичу Скарятину – коллежскому асессору из Петербурга, который, как и Раевич, приезжал на воды почти каждый год, соединяя, как он говорил, «лечение с увлечением». Скарятин был бывалый игрок и числился среди пятигорских любителей метать банк главным знатоком всего, что связано с картежной игрой.

Николай Фомич долго рассматривал принесенные Печориным карты на просвет, проверял их на ощупь, изучал с лупой и наконец вынес вердикт – карты крапленые, великолепной работы наверняка из коллекции первоклассного шулера.

Глава шестая. Число подозреваемых множится.

Придя вечером к доктору, Печорин застал там княжну Мери, которая утешала заметно расстроенного Вернера.

— Что случилось, доктор? – встревожился Печорин.

— Да вот Иван Иванович переживает, что не сумел справиться со своим поручением. Утверждает, что он стар и безумен, – ответила княжна.

— Да-да, – закачал головой Вернер, – стар и, судя по всему, подвержен галлюцинациям!

— Помилуйте, доктор, какой вы старик, что за странное кокетство! Да расскажите же наконец, что произошло! – по-

требовал Печорин.

Вернер налили себе воды из графина, выпил залпом и поведал о том, как он пришел нынче с визитом к Раевичу, который несмотря на отменное здоровье, очень любит подвергаться врачебным осмотрам, вероятно, потому что тогда можно, не жалея лекарского времени, часами рассказывать обо всех отправлениях своего организма. Вот и в этот раз он, раздеваясь за ширмой, «делал доклад» о функционировании своего пищеварения. Вернер, не очень вслушиваясь в рассказ, попытался приоткрыть ящик бюро, в котором в прошлый раз он видел вещицы убитых женщин. Была у него такая безумная мысль: оставить ящик чуть-чуть приоткрытым и воспользоваться этим как предлогом начать разговор о «сувенирах» Раевича. Глупейшая, вообще говоря, идея, но доктор никак не мог придумать, каким еще образом можно завести разговор на нужную ему тему. Однако, к его удивлению, в выдвинутом ящике ничего не оказалось. Задав разглагольствовавшему Раевичу уточняющий вопрос насчет коллик, которые, как утверждал пациент, помучивают его после плотных обедов, Вернер приоткрыл и расположенный слева ящичек, решив, что перепутал. Но и в том ничего не было.

— Вот я и думаю – не привиделись ли мне все эти «сувениры», не являются ли наши подозрения по поводу Базиля только результатом моих болезненных галлюцинаций?! Ничего я не узнал и только запутал себя и вас! – огорченно махнул рукой доктор.

— Бог с Вами, Иван Иванович! Право, Вы делаете слона из мухи. Отчего сразу безумие и галлюцинации? Не проще ли предположить, что Раевич просто переложил или спрятал «сувениры» в другое, более надежное место, – возразил Печорин.

— Да вот что! Я видел в комнате Раевича уложенный дорожный баул! Не собирается ли он бежать из Пятигорска? – мысль доктора явно заработала в новом направлении. – Нам что-то надо предпринять! Если он решился бежать, это подтверждает наши насчет него подозрения.

— Не беспокойтесь, я знаю, куда собрался Базиль. Он вместе со Скарятиним и еще несколькими здешними «рабами Фараона» отправляются на несколько дней в Ставрополь. Там у Найтаки ожидается большая игра. Я, кстати сказать, обременил Николая Фомича поручением разузнать о нашем другом подозреваемом – прапорщике Ларине, точнее сказать, лже-Ларине, – и Печорин рассказал доктору и княжне о находке в комнате прапорщика.

— Так что наш Лжедмитрий вполне возможно шулер и, как сказал Скарятин, судя по филигранности крапа на картах – шулер высшего разряда. Он предположил, что в Ставрополье, где соберутся крупные игроки, кто-то может опознать этого лжепрапорщика по описанию. Комендант же со своей стороны сделал запрос о нем и о настоящем Дмитриии Ларине по своим каналам. Будем ждать ответа.

— Может, и сам Ларин появится в Ставрополе для иг-

ры? – предположила княжна.

— Не думаю, – ответил Печорин. Ставрополь слишком близко от Пятигорска, откуда он бежал и бежал впопыхах. Думаю, что потому, что виновен в гибели Маркова.

— А если наш злодей все же Раевич, не будет ли в Ставрополе новых жертв? – встревожилась княжна Мери.

— Как же мы можем их предупредить? Но если вдруг несчастье случится, это будет ясным указанием на виновного. А кстати, – вдруг вспомнил Печорин, – удалось ли что-то узнать о том, были ли лица из нашего списка на местах, где совершались преступления?

Княжна Мери «доложила», что узнала у матери Красинского, что Станислав почти ежедневно совершает дальние прогулки верхом, пока мать отдыхает, она сама его к этому поощряет, не все же ему, бедному, сидеть, прищипленным к материнскому подолу.

Слуга Раевича, который по счастью, оказался хорошим знакомцем кухарки доктора, сообщил, что в день убийства есауловой дочки барин его куда-то отъезжал, а сам он отпра-сился на похороны кумы – потому этот день и запомнил.

Лже-Ларин, как известно, ездил дозором по окрестностям – это давало ему возможность под предлогом охраны от злодея самому совершать убийства. И только литератор Белинский исправно сидел дома, но его-то они уже вычеркнули из списка, ибо он ростом не вышел.

Так что многотрудные изыскания в этом пункте оказались

тщетными. Надо было признать, что расследование зашло в тупик.

Печорин открыл окно. Прохладный летний вечер медленной волной вплыл в душную комнату. Было тихо, только перекликались где-то вдали птицы. Но эта умиротворяющая романтическая тишина была внезапно и грубо нарушена визгливым женским криком: «Васька, собачий ты сын, где ты шляется до сих пор, дурья башка!»

Печорину тут же вспомнилась купчиха, которой он помогал спуститься с горы, то, как ее добродетельные речи неожиданно сменились отборной бранью на слугу. О чем-то любопытном она по дороге рассказывала... Что-то о добром попе и суровом дьяконе, который за любой грех готов распять. В памяти Печорина вдруг всплыла и его собственная встреча со священнослужителем в день похорон Веры, и речи последнего про то, что княгиня Галахова смыла мученической смертью свои грехи, а невинные девицы убитые и все счастливы в небесном саду. «На их счастье, кто-то освободил их души от земных оков», – что-то такое бормотал дьякон.

— Доктор, – обратился Печорин к Вернеру, – а ведь помнится, Ваш коллега говорил, что преступник может считать, что, убивая, он спасает души, делает не злое, а доброе дело, так ведь?

— Да что-то такое Мойер говорил, пересказывая статью англичанина.

— Ну тогда, по-видимому, у нас есть еще один подозреваемый. Как Вы думаете, может быть убийцей лицо духовное?

— Нет, как же такое возможно!?! – воскликнула Мери.

— А почему же невозможно? – возразил ей доктор, – разве история не показывает нам, что во имя Господне совершались иногда страшные преступления?! А о ком Вы говорите, Григорий Александрович?

— О дьяконе здешней Скорбященской церкви, – и Печорин рассказал друзьям о своей встрече с дьяконом и о речах купчихи Капитолины Дормидонтовны.

— Господи, боже ты мой! – с болью проговорила Мери, – число подозреваемых множится и множится! Мне уже начинает казаться, что нормальных человек в мире меньше, чем злодеев, вернее, что любой почти человек таков: с виду вполне себе нормальный, а присмотришься – он вполне годится в головорезы.

— Может, так оно и есть, дорогая княжна, – с печалью промолвил доктор.

— Нет, не хочу в это верить! Пойдемте скорее на воздух, пойдемте к нам, там дамы придумывают пьесу и шарады, девочки им помогают, кумушки сплетничают, мужчины пьют кахетинское – и все они славные и милые люди, а никакие не душегубы!

Мери надела шляпку и решительно шагнула за порог. Вернер и Печорин с готовностью последовали за ней.

Глава седьмая. У Фадеевых. Подготовка к вечеру

Вопреки ожиданиям, дом, где квартировали Лиговские, встретил их тишиной. Вышедшая навстречу служанка сказала, что княгиня проводит вечер у Фадеевых.

А вот у последних все было именно так, как предполагала княжна Мери: в гостиной княгиня, старшие Фадеевы, неизменные «Добчинский и Бобчинский», Браницкий, Елизавета Горшенкова и несколько соседских дам пили чай и разговаривали. В кабинете Елена Ган с Варей Печориной, смеясь, дописывали пьесу, в комнате девочек Катерина Фадеева с барышней-приятельницей и путающимися под ногами Лелей и Надей придумывали шарады и мастерили с помощью служанки и гувернантки костюмы для них.

Варя, выйдя в гостиную, поздоровалась с доктором, поцеловала брата, но Мери тут же утащила ее в угол комнаты и что-то зашептала на ухо. Через несколько минут обе они подошли к доктору, увели его на террасу и горячо стали о чем-то просить, умоляюще складывая ладони. Печорин с удивлением смотрел через открытую дверь, как доктор мотает головой, смущается, машет обеими руками, но потом, судя по всему, сдается на милость победительниц. Девицы вместе с доктором исчезли за дверью кабинета и только минут через двадцать Вернер вернулся в гостиную, покрасневший, будто распаренный.

— Что эти барышни сотворили с Вами, бедный доктор! Что они у вас выпросили? – с улыбкой спросил Печорин.

— Да так ничего, пустяки.

— Так скажите, если пустяки, не секретничайте!

— Да, – доктор смутился почти до слез, – просили стишок для пьесы своей. Сказали, что никто из них, включая госпожу сочинительницу, поэтическим талантом не обладает.

Печорин хотел сказать остроту насчет эклог курортного Мефистофеля, но, взглянув на несчастного доктора, придержал язык, в который раз подивившись собственной кротости.

Он подсел к госпоже Горшенковой, которая, как всегда, была в закрытом платье и с изящной фероньеркой на лбу, и, как всегда, имела усталый и изможденный вид. Печорин поинтересовался, как она проводит время на водах и где же ее драгоценный супруг. При упоминании о супруге Елизавета Николаевна поморщилась будто от укола, и сказала, что муж ее в вечных разъездах, даже здесь, на курорте то и дело уезжает по делам. Но, конечно, всегда возвращается, – добавила она со слабой улыбкой. «Какие все здесь непоседливые, – подумал Печорин. – Пора бы и мне уже отправиться в дорогу, что-то я засиделся. Поскорей бы разгадать злодея – и в путь. Всю жизнь жил на коне или на перекладных и не роптал на судьбу».

В это время в гостиную вошли авторницы¹⁹ со стопкой исписанных листов в руках и предложили почтенной публике послушать новорожденную пьесу.

---

¹⁹ Такой феминитив употреблялся в 1830-1840-х г.г в критических статьях.

Драма в романтическом духе рассказывала о страстной любви горского юноши по имени Азамат, который был то ли черкесом, то ли татаринoм, к сероглазой и светловолосой русской красавице княжне Софье.

Софья гуляет в саду, разговаривает с подругой-наперсницей и матерью, а Азамат следит за ней и всюду оставляет для нее знаки своего обожания – то необыкновенной красоты цветок, то чудной отделки браслет, то роскошную шаль. Однажды девушке удастся, спрятавшись за стволом чинары, увидеть своего тайного поклонника. Азамат необыкновенно красив, и его пламенная любовь вызывает отзыв в сердце Софии. Они не знают языка друг друга, но переговариваются взглядами и звуками. Азамат играет на зурне (ну или на чем-то там еще своем), а Софья музицирует на фортепьяно при раскрытом окне. Но у княжны есть жених – граф Ростислав, статный молодой богатырь. Он любит Софью не меньше, чем Азамат, и изливает свои чувства в стихах, которые трогают сердце девушки:

Безумно жаждать тихой встречи,
Со страхом встречи избегать,
С безмолвной негой слушать речи,
Дыханье сладкое впивать;
Ловить задумчивые взоры,
Упасть на девственную грудь,
С восторгом – ласки и укоры
В одном лобзании вдохнуть;

Ее одну повсюду видеть,
В нее и душу перелить,
Весь этот мир возненавидеть,
Чтоб в нем одну ее любить!²⁰

Горец, видя, что в Софье зарождается глубокое чувство к графу, который к тому же очень нравится матери девушки, плача и стеновая, решает зарезать любимую, чтоб она не досталась другому, а потом покончить с собой. Но мудрая мать Азамата – Зульфья приводит в дом удивительной красоты и нежности горскую девушку Лейлу, которая давно уже любит юношу. Лейла рассказывает о своем чувстве песней без слов. Азамат покорён, он просит своего брата-кузнеца выковать из ножа, которым хотел убить Софью, кольцо для Лейлы. Ростислав со своей стороны дарит обручальное кольцо своей возлюбленной. Две пары счастливых влюбленных поют заключительный куплет:

Пусть прекрасны дети юга, их глаза горят огнем.
Но спокойней быть с тем другом, что во всем тебе знаком
С черкешенкой быть черкесу, а с волжанкой русаку
Не доверишься вполне ты никакому чужаку
Каждый может быть любим.
Счастлив каждый со своим.

На сем *Finita la commedia*,– завершила Варя, которая в очередь с Еленой Ган читала пьесу.

Романтическая басня в лицах получилась вполне умори-

---

²⁰ Стихотворение «Любовь» Э. Губера (1814-1847).

тельной. Печорина больше всего поразили стихи, приписанные богатырю Ростиславу, – он никогда бы не подумал, что доктор способен сочинить такое страстное поэтическое послание. Интересно, кто же адресат? А, впрочем, пусть это останется врачебной тайной. Заключительные куплеты уж точно девицы сами сплели. Ну чем нелепей и смешней, тем лучше.

Пьеса была милостиво одобрена публикой. Стали распределять роли. Играть горца вызвался Браницкий, Софья досталась Вареньке, Станислава Красинского выбрали, естественно, на роль Ростислава (небось, Варенька и имя для героя сочинила созвучное), Лейлу согласилась изображать Катерина. Мудрую татарскую мать предложили княгине Лиговской или вдовице Зубовой, но обе наотрез отказались изображать на сцене мусульманку, да еще в шароварах, которые полагались по роли. Но выручила Елена Павловна Фадеева, а княгиню Лиговскую сговорили быть матерью Софьи. Соседские барышни должны были изображать подруг-наперсниц. Печорину предложили роль брата-кузнеца, который перековывает ножи на кольца, но он в ужасе замахал пучками и в конце концов на эту роль ангажировали гимназиста, брата Вариной приятельницы.

Теперь надо было озаботиться о костюмах и декорациях. Шарады тоже были почти готовы. Леля придумала для себя костюм индийского фокусника, читающего мысли и чувства. Она (с помощью Надин, гувернантки и Верочкиной нянюш-

ки) вдобавок решила наделать картонных масок с прорезями для глаз и рта – чтобы во время сеанса угадывания мыслей и чувств зрители закрыли ими свои лица.

Глава восьмая. Несчастье.

Печорин с Вернером ушли от Фадеевых в приподнятом настроении. По дороге Печорин не удержался все же от комплиментов пиитическому дарованию доктора. Последний тотчас же обиделся, сочтя это злой иронией, и, наскоро попрощавшись, удалился, прихрамывая больше обычного. Печорин же отправился к себе, уже привычно раздумывая о сложности и противоречивости натуры человеческой. Доктор, которого числят в Пятигорске одиноким философом и циником, сочиняет нежные и страстные любовные поэмы, занудный толстячок Раевич подозревается в кровавых преступлениях... Хотя, может, им все-таки стоит вычеркнуть маменькиного баловня Базиля из списка – ну какой из него головорез? Однако тут же Печорин вспомнил Раевича за карточным столом – молчаливого, скупого на жесты, со взглядом, полным такой напряженной страсти, что его соперникам становилось не по себе. Да, в Базиле как будто жило два человека, две сущности. Впрочем, возможно, в каждом из нас спит таинственный, разрушительный *другой* и при определенных обстоятельствах *le monstre* может проснуться...

Несмотря на невеселые размышления, Печорин легко за-

снул, прекрасно выспался, долго пил на террасе кофе и читал «Cinq-Mar»²¹ де Виньи, а затем, решив совершить моцион перед обедом, направился на гору к Скорбищенскому храму. Ему хотелось еще раз увидеть дьякона, а при возможности и поговорить с ним. Но в храме в этот час было пусто, и Печорин ушел ни с чем. Он решил зайти к доктору, повиниться за вчерашнее и пригласить отобедать вместе в Ресторации. Но Вернера дома тоже не оказалось, и Печорин пошел по направлению к бульвару.

Вдруг за спиной его раздался громкий женский голос, окликавший его по имени. Повернувшись, он увидел раскрасневшуюся от быстрого шага служанку тетушки Серафимы Михайловны, которая, не обращая внимание на приличия, кричала во все горло: «Господин поручик, господин Печорин, барыня за вами послала, с Варварой Александровной несчастье!»

Она еще что-то тараторила, но Печорин, уже не слушая, рванулся, оттолкнул попавшую ему под ноги девушку и бегом припустил по направлению к Вариному дому. «Господи, только бы жива, только бы жива! – билось в его голове, – Я жалкий глупец, мерзавец – сидел кофий распивал, ребусы решал, списки составлял, а надо было сидеть возле Вареньки неотлучно, булавкой себя к ней пристегнуть! Господи, только бы жива!»

---

²¹ Роман Альфреда де Виньи «Сен-Мар, или Заговор времён Людовика XIII» (1826).

Печорин, споткнувшись о порог, почти влетел в дом тетушки и без стука ворвался в спальню. Варя, живая и на первый взгляд невредимая, склонилась над тетушкиным ложе. Но сама тетушка на своем кресле возвышалась справа от изголовья постели, а слева хлопотала Доротея Адамовна Красинская. На подушках лежал Станислав, которого, впрочем, нелегко было узнать, так как левая половина лица его была багрово-красной, кожа на щеке ободрана и глаз заплыл. Сейчас Красинский весьма мало напоминал беломраморного Апполона.

— Варя, милая моя, как ты? Что стряслось? – Печорин обнял и прижал к себе сестру.

— Со мной все в порядке, Грег, и это благодаря господину Красинскому. Он сегодня – без всякого преувеличения – спас меня от смерти!

И Варя, то и дело с нежностью поглядывая на израненного Станислава, рассказала, что они утром небольшой компанией отправились на прогулку верхом, в сторону Провала. Она ехала на хорошо знакомой лошади, каурой Диане. Вдруг из травы прямо перед кобылой вспорхнула крупная птица, лошадь испугалась и понесла. Варя – хорошая и хладнокровная наездница, но впереди виднелся крутой и широкий овраг, Диана мчалась прямо к обрыву и не было, кажется, никаких шансов успеть ее остановить. Все участники кавалькады онемели от ужаса и только Красинский, который ехал чуть впереди, не растерялся, пустил своего Черкеса карьером вперед.

Со стороны казалось, будто он убегает, а Варя его преследует во весь опор. Давая постепенно себя нагнать, Станислав стал поворачивать свою лошадь в сторону и, надвигаясь, напирал на плечо Дианы чтобы та свернула с опасного пути. Но овраг неминуемо приближался. Тогда Красинский бросил стремяна, прыгнул и ухвативши Варину лошадь под уздцы, всем телом повис на поводе. Диана, не сразу сбросив скорость, волокла его несколько сажений по жесткой земле, но опасность слететь в овраг миновала. Варя и обе лошади не пострадали, а герой-спаситель ободрал себе бок, руку, лицо и, как считает Вернер, сломал пару ребер.

— Ничего опасного, как доктор сказал, – прервал Варин вдохновенный рассказ Красинский, – но видно было, что говорить ему трудно, он с трудом шевелил левой половиной рта.

— Молчи, молчи, доктор велел тебе лежать и не разговаривать! Дай Бог все скоро заживет, – Доротея Адамовна, оттерев сыну лоб, тем же платком промокнула выступившие слезы.

— Я премного благодарен Вам, сударь, – обратился Печорин к раненному, – никогда не забуду Вашу смелость и благородство. Я надеюсь, мы еще поговорим, когда состояние Ваше улучшится! От всего сердца желаю Вам скорейшего выздоровления, – Печорин кивнул головой и вышел из спальни.

Варя вышла за ним, сияя глазами:

— Видишь, видишь теперь, какой он замечательный! А ты сомневался в нем! Верю, что теперь вы непременно станете друзьями!

— Господи, Варета, как я испугался за тебя! И, конечно, я очень признателен господину Красинскому. Надеюсь, мы оба с ним забудем прежние наши распри. Ну иди, иди к своему герою! — улыбнулся Печорин, видя, что взгляд Вари, как стрелка компаса, поворачивается в сторону спальни. — Я зайду днями поговорить с ним.

— Доктор сказал, что раны его заживут скоро. Его сегодня перенесут к себе. Я очень рада буду вашему примирению! — и поцеловав брата, Варя легкой птичкой упорхнула.

Печорин направился к Ресторации, чувствуя необходимость выпить шампанского или бургундского. Сердце его все еще стучало неровно. «Ну что ж, думаю, что Красинского можно вычеркнуть из нашего списка», — подумал он.

Глава девятая. Разоблачение Лжедмитрия.

Следующие два дня прошли спокойно. У Лиговских продолжалась подготовка к вечеру и репетиции спектакля. Станислав, конечно, уже не мог изображать влюбленного Ростислава, и Варя тоже в знак солидарности со своим героем отказалась от роли. Пришлось Мери стать Софией, а на роль графа удалось уговорить кудрявого ротмистра Юркевича. Много времени занимало сооружение костюмов, декораций, занавесей. Леля придумала, что она будет сидеть на

возвышении в красиво драпированном кресле в восточном костюме и на голове у нее будет наверхчена чалма. Изготовление чалмы тоже потребовало времени и искусства.

Печорин еще раз ходил в храм, имел разговор с батюшкой, тот хвалил дьякона за ревностность в вере, но соглашался, что тот бывает суров и нетерпим. Как подобные рекомендации могли послужить их «делу», Печорин нерешительно не понимал и как осуществить «допрос» дьякона тоже представлял себе с трудом.

Трагических известий из Ставрополя, к счастью, не поступало, судя по всему, светлоглазым блондинкам на этот раз удалось избежать злой участи.

На третий день, прослышав, что игроки вернулись домой, Печорин нанес визит Скарятину. Николай Фомич был в хорошем настроении: игра была в Ставрополе отменная, «мел столбом, деньги сыпались», сам он оказался в выигрыше – не очень большом, но достаточном (Скарятин всегда умел сохранять в игре хладнокровие и вовремя остановиться).

— И должен отчитаться в исполнении Вашего поручения. Узнали нашего голубчика – это почти наверняка Владимир Шеревердев – впрочем, иногда он себя называет и другими именами, игрок с известной репутацией, артист, мастер метать баламут²², а несколько месяцев тому в Пензе отличился и в чем похуже: его разыскивают за убийство кавалергарда Осиповича, с которым у них вышла ссора после игры, где

---

²² Использовать шулерские приемы (карточный жаргон)

Шеревердев ободрал кавалергарда, как липку. Тот пришел к нему с обвинением и разбирательством, а поутру был найден мертвым в номере гостиницы: голову ему канделябром размозжили. Все указывает на Шеревердева, тем более что тот после происшествия пропал. Ну вот, наверное, скрываясь от розыска он сюда в Пятигорск и приехал, завладев каким-то образом бумагами прапорщика Ларина.

— Так зачем же он опять за карточным столом объявился, хоть и под другой фамилией, и в дальнем месте – ведь всегда можно натолкнуться на прежнего товарища-игрока?!

— Ну так игра, милостивый государь мой, – это род одержимости: и в пекло сунешься, чтоб только играть. Да и банкуют здесь на водах по-крупному, а Шеревердину деньги нужны, если он, допустим, в Европу собрался бежать. Ну а, может, хотел здесь на Кавказе затеряться или в какую Америку уплыть. Но куда уплывешь без денег-то! А кстати наш знакомец Раевич в Ставрополе у Натаки, – очень счастлив был в игре на этот раз. Хвастался, что ему его талисманы помогали.

— Что за талисманы?

— Ну Вы, я думаю, знаете, что картежники – народ суеверный, с предрассудками, многие считают, что есть предметы, способные притягивать удачу. Раевич уверен, что игроку помогают вещицы недавних покойников, особенно женщин и особенно не своей смертью погибших. А у нас тут, как знаете, одна девица за другой под нож пошли. Вот Раевич и то

ли натаскал, то ли накупил у родных от них сувениры – у какой брошь, у какой сережку. Ну и как видите – не подвели амулеты.

— А был среди них браслет с медальоном? – не удержался Печорин от вопроса.

— Да я не особо присматривался, а вроде и был. Что-то вроде браслета он все время в руках держал и поглаживал, когда ставки делал и углы гнул.

Поблагодарив Скарятину и распрощавшись с ним, Печорин направился было к сестре, вернее, к Красинским, где Варя проводила почти все дни у постели своего спасителя, но по дороге встретил Вернера. Доктор заверил, что сестра его в полном здравии, пострадавший тоже быстро идет на поправку, и друзья решили прогуляться до Цветника. Печорин рассказал о своем визите в Скарятину.

— Да, наверное, и Раевича надо исключить из нашего списка, – сказал доктор, – Красинского тоже вымарали, как и литератора. Кто же остался? Лже-Ларин, то бишь Шеревердев да Ваш дьякон суровый?

— Подождите, но, может, Раевич убивал, чтоб добыть сувениры?

— Ах, оставьте, господин поручик! Вы же сами говорили, что видели браслет на руке уже мертвой Веры, а потом он пропал, когда все толпились у тела. Да и покупал ли он вещицы убитых девиц или нет, – это ж можно без труда проверить. Базиль обладает множеством недостатков, но он все

же не imbecillus.²³ Да и на духовное лицо трудно такие подзрения возложить.

— Но Вы же доктор, сами разубеждали княжну, ссылаясь на исторические примеры.

— То-то и дело, что на исторические. Во времена далекие и темные все могло случаться, но сейчас, в просвещенном XIX веке, – увольте меня, верится слабо.

— Словом, Вы предлагаете закончить эту нашу игру в квартальные надзиратели?

— Вот именно. Новых убийств нет, все тихо. Если это наш картежный вор, то он, наверное, уже далеко, может, и в Америку плывет. Так что давайте вернемся к спокойным досугам водяного общества. Вот завтра будет вечер у Лиговских в салоне, – пусть комедией госпожи Ган все и завершится.

— Это не комедия вроде, а мелодрама.

— Ну так еще лучше. И поплачем и посмеемся.

На том друзья и расстались.

Печорин был согласен с Вернером, но в глубине души чувствовал, что ему жаль затраченного времени и усилий, жаль их распавшегося расследовательского триумвирата и досадно, что смерть княгини Веры (да и девиц) останется неотмщенной.

Глава десятая. Праздник.

Большая гостиная дома Лиговских была полна народу.

---

²³ Слабоумный (лат.)

Человек тридцать разместились в креслах и на стульях напротив импровизированной сцены. Здесь был и Фадеев с дочерью Еленой (которая решительно отказалась о появления на публике в любой роли), и тетюшка Серафима Михайловна, и чета Горшенковых, и вдова Зубова со своей неизменной подругой-соперницей, и доктор Мойер, и литератор Белинский со своим товарищем Ефремовым, и молодые офицеры из окружения ротмистра Юркевича, и счастливый Раевич с новой золотой жилетной цепочкой, и Красинский, усаженный в удобное кресло стараниями заботливой Вареньки, в общем – все, кто не участвовал в представлении, были в зале.

Вечер начался с представления шарад.

Несколько барышень с нотами в руках вышли и запели, представляя первую часть задуманного слова. «Хор!» – догадались в публике. Изображая вторую часть, Надин с привязанными крылышками (из которых одно быстро отвалилось) со страшным выражением лица пыталась укусить нянюшку. Из зала кричали: «Муха! Пчела! Ванька-повар!» Надин так решительно мотала головой, отвергая предложенные догадки, что и второе крыло благополучно отвалилось. Но тут вышли девицы, изображавшие хор, и начали, взявшись за руки, ходить кругом. Тут уж многие закричали: «Хоровод!» и поняли, что бедная Надин пыталась изобразить не Ваньку-повара, а овода, хотя, как проворчала нянюшка: «Ванька – чистый овод и есть».

Следующие три шарады, несмотря на усилия артистов, из живых картин никто уразуметь не мог, и Катерине пришлось прочитать шарадные стишки. Про *дорогу* (Мой первый слог – в линейках нотных, Два остальных – защита у животных, А целое соединит всегда Деревни, села, города)

и *бороду* (Начало слова – лес, Конец – стихотворенье,

А целое растет, хотя и не растенье) публика додумалась быстро, а последнюю загадку про «дубья» никто так и не смог разгадать (В лесу растет начало, И дерево не очень мало, А в азбуке конец, От целого спаси, Творец!). Но повеселились знатно и все участники (а особенно толстая нянька Орина) сорвали аплодисмент.

Представление пьесы тоже сошло на «ура». Здесь наибольший восторг у публики вызвали не чернокудрый граф Ростислав (хоть Юркевич закатывал глаза так усердно, что порой были видны одни белки) и не знойный Азамат (хотя Браницкий с начерненными бровями, сходящимися к переносице, и ножом размером с добрую саблю был весьма выразителен). Немыслимый фурор произвела татарская мать Зульфия – Елена Павловна Фадеева в причудливом головном уборе, в тунике из блестящей материи, из-под которой виднелись шаровары и татарские туфли с загнутыми вверх носами, разговаривавшая с Азаматом и Лейлой на каком-то странном языке (как оказалось потом – именно что на татар-

ском).

Завершало представление явление индийского фокусника-предсказателя Радда-Бай, который умел отгадывать мысли и чувства. Под наигрываемую Катериной на фортепьяно мелодию в восточном духе, двое слуг вынесли высокое кресло, на котором, поджав скрещенные ноги, сидела облаченная в огромную чалму и завернутая в кусок красной материи Леля. Лицо ее с помощью кофейного порошка приобрело смуглый оттенок, меж бровей была намалевана темная точка, а огромные, особенно яркие на фоне насмугленного лица светло-голубые глаза светились фосфорическим блеском. По правде сказать, Леля была нимало не похожа на семилетнее дитя: она казалась много старше. Ее эффектное появление произвело сильное впечатление в публике.

«Наденьте маски, чтоб я не могла судить о ваших чувствах и читать ваши мысли по выражению ваших лиц и глаз!» – сказала «Радда-бай» неожиданно низким и глубоким голосом.

Большинство из сидящих в зале прислонили к лицам картонные маски с разрезами для глаз и узкой прорезью на месте рта. Печорин успел подумать, что все они стали похожи на господина Горшенкова. Только пара офицеров и гимназист-сосед остались с голыми лицами, так как легкомысленно оставили где-то выданные на входе в зал маски.

Леля начала делать пассы руками, затем, указывая в левый угол зала, изрекла:

— Слышу и чувствую, как тут кто-то думает о письме, которое содержало печальное для нее известие!

Из левого угла послышался приглушенный женский вскрик.

— А отсюда идут волны довольства и счастья, — маленькая факирша указала в направлении, где сидел Раевич. — Но вместе с тем ощущаю чувство тревоги о том, что судьба переменчива. И эта тревога, сдается мне, не напрасна!

— А там — тут она показала рукой в сторону Печорина, стоявшего за стульями последнего ряда, — некто думает о том, что все кончилось и надо собираться в дорогу. Но некто ошибается — ничего еще не кончилось!

Печорин попытался снисходительно улыбнуться, но, по правде сказать, ему стало не по себе.

— А оттуда, о великий Будда! — Леля указала в противоположную сторону последнего ряда, — я чувствую, как оттуда идут волны зла и мрака! Они были сильны, а сейчас слабеют, но остался посеянный ими страх и превеликий испуг. Здесь кто-то испытывает ужас от постоянного столкновения со страшным злом! — в этом месте мелодия фортепьяно, звучавшая до этого под сурдинку, перешла в крещендо.

В зале наступила напряженная тишина, один из безмасочных офицеров кашлянул и завозился, пытаясь разрядить эту мрачную атмосферу. Гимназист громко иронически хмыкнул, и все стали «отмирать», понимая, что перед ними разыгрывается просто еще одно забавное представление, да еще с

маленькой девочкой в главной роли.

Но вдруг в заднем ряду один человек из публики стал сползать со стула и валиться на сидящего рядом. Княгиня Лиговская, на колени которой головой упала соседка, при падении потерявшая маску, громко вскрикнула. Двое офицеров с помощью слуг подняли бесчувственную госпожу Горшенкову и, наступая на ноги сидящим, вынесли из зала. Мери велела отнести ее в свою спальню и открыть все окна. Дождавшись, когда мужчины выйдут, она быстро расстегнула платье Горшенковой и смочила ей лоб водой, к счастью, оказавшейся на прикроватном столике.

В дверь постучали и послышался голос Печорина: «Господина Горшенкова мы не нашли, он, вероятно, ушел чуть раньше, но я привел доктора. Он может войти?»

— Нет, нет, – вдруг открыла глаза пришедшая в себя Елизавета Николаевна, – не надо, не надо доктора, умоляю! Мне уже хорошо, я уже в добром здравии, это просто душно, душно было в зале! Здесь воздух и все прошло! – говоря это, она судорожно схватилась за ворот платья и принялась застегивать крючки. Но Мери успела заметить, что кожа под ключицами и на груди мадам Горшенковой была испещрена многочисленными шрамами и язвами.

«Вот почему она носит закрытые платья», – догадалась Мери.

— Елизавета Николаевна, я думаю, вас непременно должен осмотреть доктор!

— Нет-нет, обморок мой уже миновал, и я знаю, в чем причина этих знаков на моем теле, которые Вы успели увидеть. Я знаю, что это и как лечить, мне не надо новых советов докторов, со мной все хорошо.

Мери поняла, что госпожа Горшенкова стесняется своего телесного уродства и не хочет обнажать его перед мужчиной, будь он даже и доктором.

— Ну хорошо, я сейчас велю Аглаше принести Вам свежей воды и уксуса, чтоб протереть виски. Вы полежите тут, а потом Вас кто-то из офицеров проводит домой.

Мери поднялась, а Елизавета Николаевна, взяла ее за руку и умоляюще посмотрела своими прекрасными темными глазами:

— Дорогая княжна, обещайте мне, поклянитесь мне, что Вы никому не раскроете моего секрета! Его знает только один человек – мой супруг, и вот теперь Вы.

— Хорошо, хорошо, обещаю Вам твердо! – Мери решила, что она завтра зайдет навестить Елизавету Николаевну и осторожно попытается поговорить с ее мужем о том, что он должен уговорить жену показаться врачам.

Глава одиннадцатая. Примирение.

Несмотря на происшествие с мадам Горшенковой, которое помешало Леле вполне насладиться триумфом своего выступления, гости расходились, довольные вечером. Молодежь осталась танцевать в саду, а публика постарше отпра-

вилась по домам, обмениваясь приятными впечатлениями. Особенно поразились талантам маленькой Радды-бай, предлагая девочке большое и необычное будущее.

Печорин, который уже причислял себя к партии ветеранов, шел по бульвару, провожая коллег-докторов Вернера и Мойера. Последний спросил, продолжает ли поручик интересоваться формами безумия и типами безумцев.

— Наверное, Ваш специальный интерес был вызван какими-то особыми обстоятельствами? – спросил доктор, но сразу перебил себя – Ну это я так, по-стариковски любопытствую, простите меня великодушно!

— Да нет, Вы правы, обстоятельства были, но сейчас мой интерес стал уже чисто умозрительным. Я все думаю, доктор, – отчего же люди впадают в это моральное безумие, становятся *маниаками*? В детстве маменькой избалованы были или просто так им на роду написано?

— Меня самого эта проблема очень интересует, она еще медициною мало исследована. Есть, вероятно, потомственная предрасположенность, а что касается маменьки, то, судя по тому, что я читал и наблюдал в своей практике, то скорей наоборот – у таких людей в детстве были родные или наставники, которые их мучили и испытывали от того удовольствие. И взрослые жертвы сих истязаний с одной стороны, мстят, а с другой, – подражают, хотят то же наслаждение получить.

— Но такие безумцы-*маниаки* все же, я полагаю, весьма

редки, – вмешался в разговор доктор Вернер.

— Не знаю, коллега, не уверен. Они же по большей части выглядят вполне нормальными и впадают в моральное помешательство только при схождении определенных условий. Думаю, часто их злодеяния остаются неузнанными и не наказанными, и душегубы умирают своей смертью, оплаканные ничем не подозревающими домашними. Впрочем, вопрос этот еще совсем не изучен, кто знает. Но такой тип безумия весьма любопытен и многое говорит о природе человеческой. Может, когда-нибудь такие *маниаки* станут героями романов во французском духе, – рассмеялся Мойер, поднимая шляпу в прощальном жесте, – Спасибо, что проводили, покойной Вам ночи, господа!

Печорин, проводив и доктора Вернера до дому, зашел к Серафиме Михайловне и Варе, где застал Красинского, который собирался уже уходить. Посидев недолго и убедившись, что с сестрой и тетушкой все в порядке, Печорин вышел вместе с Красинским. Передвигаться тому приходилось еще медленно и осторожно, но он решительно отказывался от помощи и опеки.

— Вы идите, господин поручик, не ждите меня, я плохой нынче попутчик, – сказал Станислав.

— Нет-нет, господин Красинский, мне как раз хотелось прогуляться неспешно, тем более что я давно уже хотел поговорить с Вами и объясниться.

Некоторое время они шли молча по опустевшей улице под

высоким звездным небом, потом Печорин продолжил:

— Я помню хорошо нашу встречу несколько лет назад в Петербурге, я вижу теперь, что поведение мое тогдашнее было недостойным и Вы имели полное право ненавидеть меня и желать отмщения. Если Вы согласны принять мои извинения, спустя столько лет, я готов принести их Вам в любой форме.

— Да, Вы правы, я возненавидел Вас тогда всеми фибрами души моей, – после недолгого молчания ответил Красинский. – Я долго жил в озлоблении на Вас, придумывал самые изощренные планы мести. Вы стали для меня воплощением всего, что разрушило жизнь моего Отечества, моего рода, мою жизнь. Когда я встретил Варвару Александровну и узнал, что она сестра Ваша, я обрадовался, думая, что нашел рычаг, орудие мести. Но Варвара Александровна все перевернула, она обезоружила меня, она, как солнце, растопила весь лед ненависти, который забивал горло мое и мешал дышать, – голос Красинского задрожал и прервался.

— Да что говорить, – возобновил он свою речь после минутного молчания. – Вы и сами знаете свою сестру, ее ангельскую душу. Я готов простить не только Вас, но и самого Сатану, только бы она была счастлива!

— Но мне кажется, – Печорин остановился и пристально посмотрел на спутника, – она видит свое счастье в Вас и в жизни вместе с Вами.

—О, я желал бы этого больше всего в жизни! – воскликнул

Станислав. — Но разве это возможно?!

— Но почему же нет? Вы не богаты и положение Ваше карьерное не блестяще, это правда, — Красинский попытался что-то возразить, но Печорин перебил его. — Да, возможно все это изменится, но даже если не так, то для Вари это не имеет большого значения, я знаю. У нее есть свое состояние и немалое, а блеск света и вся эта маскарадная суэта, выставки тщеславия, — всего этого ей совсем не нужно — с Вами ли, без Вас ли. Если она Вас любит и примет Ваше предложение, я не буду возражать и тетушку уговорю благословить вас. Впрочем, — улыбнулся Печорин, — после Вашего давешнего подвига, Серафима Михайловна, мне кажется, уже и не нуждается в уговорах. А сейчас позвольте откланяться. Покойной Вам ночи.

Печорин протянул Красинскому руку. Тот ее крепко сжал, хотел что-то сказать, но только махнул рукой и, быстро повернувшись, пошел к своему дому.

Глава двенадцатая. Развязка.

На следующее утро Печорин зашел к Фадеевым, чтоб пригласить дам и барышень на прогулку к Провалу. Но Катерина сказала, что Елена Андреевна заперлась в кабинете и пишет, а Мери обещала зайти к ним только после обеда, потому что сейчас она отправилась навестить госпожу Горшенкову. Катерина предложила Печорину выпить чаю на террасе, спросив не против ли он, чтоб к ним присоединились и девочки.

Леля с Надин были приглашены к взрослому столу и сидели первое время чинно, но Леля долго не выдержала роли благовоспитанной девочки и принялась болтать под столом ногами. Она совсем не напоминала ту проникательную и таинственную Радду-бай, которая произвела такой фурор на вчерашнем вечере, а было просто крупной и умненькой семилетней девочкой. Печорин выразил восхищение вчерашним ее выступлением и спросил, шутя, – неужели она на самом деле умеет читать мысли и чувства. «Мысли трудно читать, – серьезно ответила Леля, – а чувства легко, особенно если он сильные. Вот вчера там, где сидела мадам, которая потом в обморок упала, просто клубился страх и ужас. Там раньше черный человек стоял, он ушел, а страх остался.

— Леля говорит, что над каждым человеком есть цветной купол. Говорит, что у тебя, Катя, он розово-голубой, а совсем черный только у одного человека, – встряла в разговор Надежда.

— У кого же? – заинтересовалась Катерина.

— Да у мужа этой обморочной дамы, того высокого господина, у которого еще рот, будто прорезь на нашей картонной маске. Он совсем-совсем черный, как чернильная клякса или как туча перед большой грозой.

— Господин Горшенков? – иронически улыбнулась Катерина, – так ведь он такой преобыкновенный, скучный, скорее уж серый, чем черный.

— О чем Вы так задумались, господин поручик? – обра-

тилась Катерина к Печорину.

— Нет-нет, ничего, спасибо за чай, милые дамы, – Печорин поцеловал руку Катерине, а потом Леле (Надин, застеснявшись руку спрятала за спину) и, попрощавшись, сошел с крыльца.

На самом деле он действительно задумался о господине Горшенкове. Обыкновенный, серый... Но ведь доктор Мойер говорил, что моральные безумцы в жизни как раз самые обычные, скучно-нормальные...

Что-то еще в том, о чем вчера говорил доктор, связывалось в памяти Печорина с Горшенковым. Мойер говорил о причинах морального безумия, про мучителя в детстве злодея. Ну да, конечно, мне и тогда показалось, что я нечто подобное слышал! Петербургские слухи и разговоры о несчастном детстве и строгой матери Горшенко! Или не матери, а мачехе?

В памяти возник вдруг явственно облик Горшенкова четырехлетней давности еще не солидно-величественного «сановника», а суетливого пролазы, который хвастался удачными своими «негоциями».

— Mon Dieu! – Печорина, как молнией, пронзило воспоминание о том, как Горшенков хвастает подарком от нижегородского губернского чиновника, которому помог в трудном кляузном деле, показывает золотые запонки в виде мундирной пуговицы нижегородской губернии и сам сверкает от успеха, как бриллианты на запонке.

Горшенков?! Горшенков – тот злодей и *маниак*, которого они искали?! Не может быть! А почему, собственно, нет?! Надо сейчас же собрать наш триумvirат для совета! Надо зайти за Мери к Лиговским и вместе идти к Вернеру... Но Мери куда-то ушла, – сказала Катерина. Боже, так она же пошла к Горшенковым! Нет! – и Печорин почти бегом припустил по бульвару к дому, где квартировали Горшенковы.

Но в доме было пусто. Словоохотливая прислуга рассказала, что к Елизавете Николаевне зашла княжна Лиговская справиться о здоровье барыни. Она хотела переговорить с барином и тот пригласил ее прогуляться, но барыня Лизавета Николаевна ни за что не захотела отпускать их вдвоем, а увидев, что господин надевает свой любимый прогулочный сюртук, совсем расстроилась, почти поссорилась с барином, а потом они все же сговорились и все втроем поехали в шарабане на прогулку. Даже кучера не взяли, барин сам захотел править.

— Куда, куда они поехали? – еле дослушал говорливую служанку Печорин.

— Да тудой, кажись, – неопределенно махнула та рукой! – А, вспомнила, барин сказал, – на Утес поедут на горы глядеть. А что на них глядеть, не уразумею, они кажинный день все те же...

Но Печорин уже не слушал рассуждения служанки о бессмысленности ландшафтных созерцаний. Утесом называли место перед крутым ущельем неподалеку от города, откуда

открывался чудный вид на горную грядку.

Печорин выбежал на бульвар. Увидев, что возле Офицерского дома привязано несколько оседланных лошадей, он подбежал, под удивленные взгляды прохожих отвязал одну из них и, вскочив в седло, поскакал в сторону Утеса.

Чета Горшенковых и Мери между тем доехали в легком шарабане, запряженном одной послушной лошадкой, до начала площадки, или, можно сказать, поляны, которую называли «Утесом». Тропинка вела к обрыву, где недалеко от его края была вкопана скамейка, сидя на которой желающие любовались открывавшейся взору великолепной горной панорамой. Горшенков вылез из коляски и помог выйти княжне, а сам замешкался. Мери пошла по тропе к скамейке, слыша за спиной, как супруги опять начали вполголоса, но бурно разговаривать с друг другом. Слов нельзя было разобрать, но ясно было, что Елизавета Николаевна о чем-то умоляет супруга, а он отвечает ей довольно резко, если не сказать грубо. Мери дошла до скамейки, уселась на нее, раскрыв зонтик, и оглянулась назад. Горшенков шел по тропе, Елизавета стояла в шарабане на месте кучера, что-то крича ему в спину, какой-то всадник галопом приближался к поляне.

Печорин увидел, как Горшенков идет по тропе к сидящей на скамье Мери, и понял, что не успеет, как ни погоняй он своего скакуна. Он не сомневался, что к княжне приближа-

ется жестокий убийца и с ужасом думал, что эта смерть произойдет на его глазах и навсегда останется на его совести.

Вдруг он увидел, как шарабан двинулся с места и поехал, нет, понесся вперед, нагоняя Горшенкова, который уже почти подходил к скамье. Мери, услышав звук колес, обернулась, вскочила и отпрыгнула в сторону. Не замедляя бега, лошадь сбила Горшенкова с ног, и поволокла его по земле, но это не успело затормозить движение шарабана и, совершив какой-то кособокий, нелепый прыжок, обезумевшая лошадь утащила в пропасть шарабан, Елизавету Николаевну и страшно кричавшего Горшенкова, зацепившегося за ось коляски. Человеческий вопль и жуткое лошадиное ржание слились в какой-то дикий, невысказанный вой, потом раздался удар и все стихло.

Печорин доскакал до скамьи, спрыгнул с лошади и помог подняться княжне, осевшей на траву. Она прижалась к его груди и минуту оба стояли молча, слыша бешеный стук сердца в груди друг друга. Потом они, взявшись за руки, осторожно подошли к краю пропасти. Далеко внизу была видна бедная лошадь, лежавшая на спине, копытами вверх. Шарабан придавил ее сверху. Труп Горшенкова виднелся искореженный между колес шарабана, а тело Елизаветы Николаевны, выброшенное при падении из коляски, лежало в стороне на боку, в неожиданно естественной позе, будто она прилегла отдохнуть.

Печорин похлопал по морде чужую лошадь, сослужившую

ему службу в трудную минуту, взял ее под уздцы, и они с княжной пешком отправились в город, чтобы сообщить коменданту о трагическом происшествии.

Какое-то время они шли молча, потом княжна повернула голову к Печорину и спросила:

— Что это было?

— Я думаю, нет, я уверен, что Горшенков и был наш *ма-ниак*, он хотел убить Вас, а Елизавета Николаевна этому помешала, пожертвовав собой.

— Думаете, она знала? О, господи, он и ее, должно быть, мучил! — воскликнула княжна, вспомнив шрамы на груди Горшенковой.

— Но теперь мы никогда об этом не узнаем наверняка, — ответил Печорин. Однако он ошибся.

Глава двенадцатая. Дневник.

Вечером того же дня, когда все общество сидело в гостиной у Лиговских и, конечно, обсуждало происшествие с Горшенковыми (Мери в нем фигурировала в роли случайной свидетельницы, как и Печорин, нечаянно выбравший для прогулки именно площадку Утеса). Все сходились на том, что с бедной Елизаветой Николаевной случилось внезапное помешательство, жалели ее, лошадь и господина Горшенкова. Хотя последний и не был симпатичен, но такой смерти и врагу не пожелаешь.

В гостиную вошла Аглаша и доложила, что пришла слу-

жанка Горшенковых, спрашивает барышню или Варвару Александровну Печорину. Мери и Варя спустились в палисадник, а когда вернулись, в руках у Варвары Александровны был сверток.

— Вот, Матрена сказала, что Елизавета Николаевна просила нам передать, если с ней что-то случится.

Раздались общие возгласы любопытства:

— Что это? Покажите нам! Давайте развернем и посмотрим! Что это значит? Какой-то тут секрет!

— Но тут написано, что это строго конфиденциально княжне Лиговской и госпоже Печориной в собственные руки, так что мы сейчас не будем открывать посылку, – твердо заявила Варвара.

— Варя, пойдем к тебе, – предложила княжна.

Печорин поднялся, чтоб идти с ними.

— Грег, ты, если хочешь можешь нас проводить, но мы и тебе не покажем, что в этом свертке, пока сами не узнаем, – сказала сестра.

Посылка, как выяснилось, содержала дневник Елизаветы Николаевны, сначала Негуровой, потом Горшенковой.

Первые записи были обыкновенной девичьей болтовней с «милым другом-дневничком:

1827 год. 15 мая

Сегодня мне минуло, увы, 20 лет! О, Боже, как я стара, но что делать! Я решила снова начать писать дневник и записывать в нем всю жизнь мою.

Нынешний день был хорош. Еще когда я одевалась, я получила несколько подарков. Я сошла вниз. Все поздравляли меня. Я благодарила, смеялась, шутила и была очень весела. Поехали к обедне и, возвращаясь, нашли сидящим на камне милого В. Он поспешил мне помочь выйти из коляски. «Я совсем соскучился без Вас, – сказал он. – как долго Вы были в церкви!»

«Право? Я думала, что Вам будет нескучно в таком милом обществе», — сказала я, смеясь, и хитро посмотрела на Александру, которая тут была и про красоту коей он мне часто говорил. Ответом мне был укорительный взор.

1927 год. 21 мая

Вчера, когда несносный фразер Львов пошел со мной и Александрой гулять, В. подошел к нам. Львов отошел тогда к маменьке, чтобы сказать ей какой-то сентиментальный вздор о сажаемых ею цветах. «Не стыдно ли Вам было, – спросила я В. – сердиться на меня вчера?» —«Ах, Елизавета Николаевна, Вы меня не понимаете, могу ли я сердиться на Вас? Ваши слова дошли до глубины моего сердца...» Я покраснела и не продолжила разговора»²⁴ .

Варя и Мери, склонившиеся над дневником, переглянулись: все это было им так знакомо, они и сами марали страницы такими девичьими пустяками.

Пропустив несколько страниц, они натолкнулись на длин-

---

²⁴ Первые две записи с некоторыми незначительными изменениями заимствованы из дневника Анны Алексеевны Олениной (1807-1888).

ные, сбивчивые. полные зачеркиваний и вымарываний записи зимы 1833, содержащие рассказ о романе (как думала Елизавета) с Печориным, обернувшимся для барышни, которую Жорж просто использовал в своей светской игре, разочарованием и унижением. Варя, покраснев, посмотрела на Мери:

— Давай пропустим это! Грег теперь совсем другой человек, он глубоко раскаивается, поверь мне!

— Верю, верю, да и не для чтения этой давней истории мадам Горшенкова послала нам свой дневник, я думаю.

После описания событий зимы 1833 следующая запись была помечена

1834 год 16 мая

Поздравь меня, верный друг моего девичества, милый дневник! Я замужем! Я теперь госпожа Горшенкова, и никто не смеет более смотреть на меня как на «увядающую или отцветшую прелесть» и говорить колкости за моей спиной! Супруг мой человек достойный, приличный, в обществе принятый, и что из того, что он не так красив или не так богат, как кому-то хотелось бы! Добродетель человека не в том состоит, а в его моральных достоинствах. Я верю, что ими мой муж наделен сверх всякой меры.

Следующие записи были полны уверений в собственном счастье и прекрасных свойствах души благоприобретенного супруга, но чем настойчивее автор журнала уговаривала себя в этом, тем яснее становилось, что живется ей не так за-

мечательно, как она об этом записывает. Несколько записей были густо замазаны чернилами. Потом следовала запись от 31 декабря 1835 года

В новом наступающем году жду я скоро рождения сына моего и верю, что с появлением его в свет, все в жизни моей изменится! Укрепи меня, господи, в этой вере!

Следующая запись была помечена 20 января 1835.

Помяни, Господи Боже наш, в вере и надежди живота вечнаго новопреставленных рабов Твоих Николая, Екатерину, Сергея, Дарью, Николая, Елену, Агриппину, Феодора, Филиппа,...» – вторая половина записи не читалась, так как, по всей вероятности, была залита слезами.

После этого записи возобновились только за день до гибели Елизаветы Николаевны.

1837 год, 28 июня, Пятигорск

После долгого перерыва решила я сделать записи здесь, в своем дневнике, который сохранил мои милые девичьи мечты и надежды. Я читаю его и плачу, плачу о той Элизе, которой давно уже нет. Она умерла, как и все эти глупые грезы и смешные разочарования. Когда я записывала, какие рубцы на моем сердце вырезал жестокий Жорж Печорин, что я знала о жестокости и рубцах! Не знаю, достанет ли у меня сил рассказать все, что я выстрадала, мне тяжело вторично воспоминанием почувствовать бывшее, но я чувствую себя должной сделать эти записки.

Я боялась писать свой дневник, боялась, что он найдет

его и прочтет, вспоминая, как однажды, заподозрив меня, он открыл мой стол, переширил все в моей шкатулке, перелистал все мои тетради и книги, но не нашел тогда этой тетради. Впрочем, в ней тогда и не было ничего для него опасного, но теперь я хочу записать все, мне страшно от мысли, что я могу умереть, а этот человек (но он не человек, нет!) будет продолжать жить и наслаждаться своими злодействами.

В первое время моего замужества Сергей Семенович казался мне человеком только скучным, часто неприятным в своем деловом пронырстве, но меня мало интересовали его, как он говорил, «негоциш», я наслаждалась полученным наконец положением. В обществе его считали человеком дельным и полезным и потому мне часто льстили и делали комплименты моей красоте и неувядающей молодости. Я ездила в свет, музыка гремела, зала блистала огнем, нарядами, все казались счастливыми, и я сама была весела и за то я готова была прощать мужу некоторые его странности.

Он становился иногда мрачен, беспокоен, будто не находил себе места. Однажды поздним вечером, увидев, что дверь в его кабинете приоткрыта, я захотела зайти, чтоб пожелать ему покойной ночи, и увидела, что он сидит в креслах при свече с ножом в руке и будто режет этим ножом другую руку свою. Я окликнула его и подошла ближе. Он был беспокоен, будто пьян (но он почти никогда не пил!). Он схватил меня за руку, придвинул к себе, и стал колоть

мои плечи и грудь острым своим ножом, нанося раны быстро-быстро — одну за другой. Мне было больно, но еще более страшно. Я пыталась вырваться, но он удерживал крепко и бормотал: «Не бойся, это игра, тебе потом тоже будет сладко. Смотри, — он указал рукой на миниатюру, висевшую у него в кабинете над столом. Это был портрет белокурой женщины с большими серо-голубыми глазами. Она была бы красива, если бы не какой-то странный, неприятный выгиб губ ее. «Это моя матушка Дарья Петровна. Это она так велела себя называть — матушкой. Она со мной маленьким так «в ножнички» играла. Сначала очень больно было, а потом сладко, сладко!» — и он опять принялся мелкими уколами колоть мне грудь и руку. Я заплакала и стала умолять его о пощаде. Он отпустил меня, сказав: «Пойди пока, потом еще поиграем».

В эту грустную ночь я не могла ни на минуту сомкнуть глаз. Я истощила все средства, чтоб найти причины его странного поведения — и не находила. Удивительно, как в ту ночь я не выплакала все сердце свое и осталась в своем уме.

«Игры» эти повторялись, хоть и не часто. В те дни я носила сына моего и верила, что с его рождением жизнь моя переменится. Но произошло ужасное несчастье: в огне погибли все мои родные, я выкинула и долго была нездорова. Горшенков все то время не мучил меня и был со мной даже нежен. Я стала богата, положение наше в обществе изменилось к лучшему, мужу уже не надо было ездить по мел-

ким поручениям и заводила свои переговоры, и я уверовала, что мы заживем как другие люди – если не хорошо, то и не очень худо.

Но через некоторое время «игра в ножички», как он это называл, продолжились. Раны мои не успевали заживать, я боялась показаться врачу и лечила их, как крестьянки в деревне – медом и водкою.

Через некоторое время муж получил должность, которая требовала от него разъездов. Я была так рада его отлучкам! Я была покойна без него, и он приезжал из своих воjaжей какой-то умиротворенный, будто сытый.

Но интересы службы потребовали от него как-то раз взять в поездку супругу. Мы должны были присутствовать на торжественном обеде и вечере у предводителя губернии. Я старалась исполнить свою роль с усердием и заслужила комплименты. Губернаторша похвалила мои украшения и предложила пройти в будуар, чтоб посмотреть ее, недавно выписанные из Парижа. Ей прислуживала очень красивая высокая девушка со светло-русою косою и большими серыми глазами. Я еще подумала, что она похожа на мачеху Горшенкова на кабинетной миниатюре, только улыбка у Ариши была приятной и, когда она улыбалась, на щеках делались ямочки. После вечера супруг отвез меня в гостиницу, а сам куда-то удалился. Я усталая, легла спать и не слышала его прихода. На следующее утро мы, уже собравшись к отъезду, заехали попрощаться к губернатору. Но там нас ждала

страшная весть: служанку Аришу нашли поутру мертвой, заколотой ножом в шею. Какая-то недобрая и тревожная мысль шевельнулось тогда во мне, но я не дала себе разрешения додумать эту мысль до конца. Но когда после очередной служебной отлучки мужа, его сослуживец, зашедший к нам с визитом, рассказал о том, что после их отъезда из Твери, там нашли заколотой дочь местного чиновника, белокурую гимназистку, я не могла не посмотреть на мужа. Он сидел довольный, умиротворенный и кивал мне, как бы подтверждая мои догадки. И скоро я поняла, что так оно и есть, – когда Горшенков не «играет» со мной, он убивает, – вернее сказать, он не «играет», зарезав очередную белокурую девушку, он удовлетворен, сыт и не нуждается в живой «иглочнице», куда можно втыкать не иголки, но нож. Стыжусь признаться, но на какое-то время я стала будто соучастницей его злодейств – не то, чтобы я хотела, чтоб он убивал, но я была рада, что после этого он надолго оставляет в покое меня. О, простите, простите меня, грешницу, несчастные жертвы чудовища, который был моим мужем!

Горшенков понял, конечно, что я все знаю, и иногда даже пытался рассказывать мне о своих душегубствах. Но я затыкала уши и заливалась слезами, что злило его: он хотел, чтоб я разделяла с ним радость мучителя.

Этой весной он предложил мне ехать на воды – ради твоего и моего здоровья, как сказал он. Я согласилась. Вернее, согласия моего и не требовалось: я была в полной его власти,

я страшилась его безумно, я благодарила бога за каждую минуту, которую могла провести без него. Я думала, что на водах, где жизнь более простая и открытая, я смогу чаще быть в обществе, среди нормальных людей. Но в Пятигорске почти сразу по приезде Горшенков сделал знакомство с дьяконом здешнего храма отцом Кириллом. И после разговора с ним он пришел совершенно окрыленный. Дьякон внушил ему уверенность, что, убивая – он спасает: невинным девицам позволяет остаться безгрешными и, стало быть, отправиться прямиком в рай, а успевшие нагрешить дамы мученической кончиной своей смывают свои прегрешения перед Господом. Горшенков возомнил, что убивать – это будто не зло, а добро, даже долг его как христианина. Но я думаю, что ему и не нужно было никаких оправданий – он просто любит убивать и мучить. Мне кажется иногда, что и в смерти моих родных он повинен, – прости Господи, если возвожу напраслину!

Он и здесь все время ездил в какие-то важные поездки, а на самом деле – убивать – девицу Корнееву, казачку в станции, а потом он уже стал убивать здесь в городе – девицу Песцову, княгиню Галахову. Он даже сшил себе особенный прогулочный сюртук, где был карман, куда он вкладывал нож, как в ножны. Я с ужасом смотрела каждый раз – не надел ли он сюртука.

Я не знаю, почему я продолжаю жить с ним и не раскрываю его злодейств. Нет, знаю – я боюсь его до дрожжи, я

немею в его присутствии, я чувствую себя его соучастницей. Если он должен быть наказан, то и я тоже. Я давно уже думаю о том, чтоб убить себя, эта мысль давно сроднилась с моей душою. Но разве возможно мне умереть, зная, что он останется жить! Я придумую что-нибудь! Простите меня! Господи, спаси мою душу грешную!»

Закончив читать записки покойной, Мери и Варя обнялись и горько заплакали.

Глава тринадцатая. Отъезд.

На следующий день Мери прочитала доктору Вернеру и Печорину последнюю запись из тетради госпожи Горшенковой. Они в своих расследованиях шли в правильном направлении, но не разгадали, к кому же в конце концов ведет этот путь.

Долго совещались, довести ли всю историю до сведения коменданта, но потом решили не делать этого – ради памяти Елизаветы Николаевны. Общество уже успокоилось, убийства приписали черкесам или так и канувшему в неизвестность Лжедмитрию Ларину. Многие из водяного общества уехали или собирались отъезжать, для новых приезжих летние убийства представлялись историей, почти романической.

— Доктор, почему бы Вам не написать на эту тему роман или нечто вроде «Записок врача»? – спросил Печорин доктора Вернера, зайдя к нему, чтобы провести вместе послед-

ний вечер перед отъездом.

— Почему мне? Вы можете и сами заняться сочинительством, если имеете досуги, – почти обиделся доктор.

— Что я, – я простой солдат, а Вы – Вы автор замечательных поэм в романтическом духе.

— Стыдно Вам, Григорий Александрович, потешаться, – не шутя обиделся Вернер.

— Да полно, доктор, не сердитесь! Я не смеюсь, я действительно уважаю Ваш талант и думаю, что из докторов могут выйти прекрасные романисты: кто лучше их знает людей – как снаружи, так и изнутри, со всеми их потрохами!

— А Вы едете в Петербург сейчас? – перевел разговор на другое Вернер.

— Да, вместе с сестрой, тетушкой и семейством Красинских.

— Я полагаю, Вы теперь породнитесь с господином Красинским?

— Да, он сделал Вале предложение, и оно было принято. Надеюсь, что они будут счастливы, хотя на Варинины плечи теперь падет забота о двух больных старухах. Но она любит опекать и заботиться, так что, может, ей это и не в тягость.

— А с Лиговскими Вы простились уже?

— Да и с Лиговскими, и с Фадеевыми. Я искренне привязался к ним ко всем и особенно к девичьей компании! Мери замечательная барышня, жаль, что я так неудачно флиртовал с ней два года назад и вряд ли могу рассчитывать на

что-то, кроме дружбы. Но дружба такой девицы, как Марья Сергеевна – бесценный дар.

— Вы выучились называть ее Марьей Сергеевной?

— По правде сказать, нет. По мне Мери Лиговская – звучит не в пример лучше. Может, еще свидимся с нею когда – в столицах или здесь, на водах.

— Вы собираетесь вернуться к нам в Пятигорск?

— Кто же может загадывать? Сейчас в Петербург, ненадолго, дела переделать в те короткие дни, что остались от отпуска, потом снова сюда на Кавказ, на линию, а там уж как судьба распорядится. Я фаталист в душе, хотя и люблю сомневаться во всем.

— Надеюсь, в моей неизменной к Вам дружбе Вы не сомневаетесь, дорогой мой поручик!

Они обнялись на прощание, и Печорин отправился к себе.

Поднявшись на террасу дома, он долго стоял и смотрел на усыпанный звездами небосвод, на проступающие в темноте громады гор, на спящую в голубом сиянии землю, на всю эту живущую своей таинственной жизнью природу, так спокойно и равнодушно взирающую на жизнь и смерть человеческую.